

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 8

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 8

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Прогунова Л.В.** Перспективы роста несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в страны Северной Африки **5**
- Зеленев Е.И., Солощева М.А.** Китай в Африке: от *стран-партнеров* к *странам-последователям*. Часть 2 **14**
- Рещиков О.И.** Процессы цифровизации в Иране в период санкций **26**
- Shkvaryu L.V., Ahmed N.N.A.** (Iraq). Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of reconstruction **34**
- Кулиев Д.Т.** Межконфессиональный брак: сравнительный анализ норм ислама и современного законодательства мусульманских государств **42**
- Исламизация, исламизм и экстремизм*
- Жерлицына Н.А.** Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко **50**
- COVID-19 в Африке*
- Gorelik V.M.** The light from the stern: South African historians in the era of COVID-19 **59**

Трибуна соискателя

- Хань Шиин** (КНР). Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности **66**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Волков С.Н., Дейч Т.Л.** Евразийский экономический союз и страны Африки: проблемы и перспективы сотрудничества **73**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Аль-Рахби А.М.** (Оман), **Зарытовская В.Н.** Новейшая арабская литература. «Взломщик» Эдвар аль-Харрат **78**

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Lada V. Progunova.** Prospects for the growth of non-primary non-energy exports of the Russian Federation to the countries of North Africa **5**
- Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva.** China in Africa: From *partner countries* to *follower countries*. Part 2 **14**
- Oleg I. Reshchikov.** Digitalization Processes in Iran during the period of sanctions **26**
- Liudmila V. Shkvarya, Ahmed N.N.A.** (Iraq). Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of reconstruction **34**
- Dzhamali T. Kuliev.** Interfaith marriage: Comparative analysis of the prescriptions of Islam and current legislation of Muslim states **42**
- Islamization, islamism and extremism*
- Natalia A. Zherlitsina.** Post-Islamism: From Islamism to Muslim democracy? Transformation of Islamist parties in Tunisia and Morocco **50**
- COVID-19 in Africa*
- Boris M. Gorelik.** The light from the stern: South African historians in the era of COVID-19 **59**

POST-GRADUATE COLUMN

- Han Shiyong** (China). Sino-Russian Cyber Security Cooperation **66**

SCIENTIFIC LIFE

- Sergey N. Volkov, Tatiana L. Deych.** Eurasian Economic Union and African countries: Problems and prospects of cooperation **73**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Ahmed M. Al-Rahbi** (Oman), **Victoria N. Zarytovskaya.** Modern Arabic Literature. "The Breaker" Edwar Al-Kharrat **78**
-

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

Перспективы роста несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в страны Северной Африки

© Прогунова Л.В.^а, 2022

^а Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7712-6427; lada_p@inbox.ru

Резюме. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к продвижению несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) Российской Федерации на рынки Северной Африки в условиях наметившейся глобальной тенденции отката от углеводородов, в т.ч. из России.

В статье представлены результаты проведенного анализа ННЭ России на рынки Северной Африки по переделам на основе статистических данных об экспорте из России в эти государства за последние 5 лет. Ведущим подходом к исследованию является метод экономико-статистического анализа, позволяющий комплексно рассмотреть экономические процессы в сфере несырьевого неэнергетического экспорта. Также посредством применения «индекса Балашша» дана оценка сравнительного преимущества России по группам товарных позиций на рынках стран региона.

На основе полученных данных автором сделаны выводы о наличии у России перспектив роста экспорта товаров традиционной экспортной специализации, наращивания вывоза продукции средних и верхних переделов, продвижения российских товаров потребительского спроса на рынки стран Северной Африки и даны рекомендации по поддержке российских предприятий при выходе на североафриканские рынки.

Также данное исследование поднимает вопрос формулировки определения несырьевых товаров, что является ключевым фактором в определении объемов экспорта несырьевых неэнергетических товаров при анализе. Были выявлены расхождения в подходах к отнесению товаров к несырьевым в определениях международной и российской систем классификации экспортной продукции.

Ключевые слова: Россия, Северная Африка, несырьевой экспорт, товарные переделы, товарная номенклатура, «индекс Балашша», поддержка и продвижение экспорта

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Приказ № 872 от 28.06.21 г. в целях выполнения научно-исследовательской работы по теме «Перспективы продвижения несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации на существующие и новые рынки (ЕАЭС, БРИКС и другие)».

Для цитирования: Прогунова Л.В. Перспективы роста несырьевого неэнергетического экспорта Российской Федерации в страны Северной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750019463-1

Prospects for the growth of non-primary non-energy exports of the Russian Federation to the countries of North Africa

© Lada V. Progunova^a, 2022

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7712-6427; lada_p@inbox.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the increased interest in promoting non-primary non-energy exports of the Russian Federation to the markets of North Africa in the context of the emerging global trend of abandoning hydrocarbons, including from Russia. The article presents the results of the analysis of non-primary non-energy exports of Russia to the markets of North Africa by stages of processing based on statistical data on exports from Russia to these states over the past five years. The leading approach to the study of this issue is the method of economic and statistical analysis, which allows a comprehensive examination of economic processes in the sphere of non-energy exports. Also, by applying the Balassa index, an assessment of the comparative advantage of Russia by groups of commodity items in the markets of the countries of the region is given.

Based on the data obtained, the author concludes that Russia has prospects for the growth of exports of goods of traditional export specialization, increasing the export of products of medium and upper stages of processing, promoting Russian consumer goods to the markets of North African countries and gives recommendations to support Russian enterprises when entering the North African markets.

Also, this study raises the question of the definition of non-primary products, which is a key factor in determining the volume of exports of non-primary non-energy goods in the analysis. Discrepancies were revealed in approaches to classifying products as non-primary in the definitions of the international and Russian classification systems for export products.

Keywords: Russia, North Africa, non-commodity exports, stages of product processing, commodity nomenclature, Balassa index, export support and promotion

For citation: Lada V. Progunova. Prospects for the growth of non-primary non-energy exports of the Russian Federation to the countries of North Africa. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 5-13 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019463-1

ВВЕДЕНИЕ

Неблагоприятная внешняя конъюнктура, связанная с текущими геополитическими факторами и введенными странами Запада санкциями против России, может способствовать ухудшению состояния российской экономики, сокращению отечественного ВВП и экспортно-импортных операций страны. В этих условиях как никогда актуальным является скорейший поиск альтернативных рынков сбыта российской продукции и переориентация экспортных потоков России на эти рынки. Особенно важен поиск возможностей вывоза несырьевой неэнергетической продукции, поскольку в мире наметилась глобальная тенденция отказа от углеводородов, в т.ч. из России.

В последние несколько лет рынок Северной Африки назывался в отечественных аналитических работах перспективным [1; 2], а Российский экспортный центр (РЭЦ) активизировал взаимодействие с компаниями, работающими с партнерами из стран Северной Африки и Ближнего Востока. В том числе отмечалась необходимость ускоренного поиска в этих регионах потенциальных компаний-партнеров, которых заинтересуют российские товары и услуги¹.

К региону Северной Африки относят семь государств: Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис и Западная Сахара. Географическая близость и тесные торговые связи стран региона с Европой выгодно отличают экономики Северной Африки от других государств континента. Все страны, кроме Судана, относящегося по классификации ООН к наименее развитым странам², считаются развивающимися. Тунис обладает самой диверсифицированной и конкурентоспособной экономикой, Алжир и Ливия имеют значительные запасы нефти и газа, Марокко ведет добычу фосфоритов, используемых для производства удобрений. В Египте, Марокко и Тунисе активно развивается туризм.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ

Во многих международных и национальных системах классификаций экспортных товаров понятие энергетических и неэнергетических товаров сходится. Под энергетическими товарами подразумевают минеральное топливо, продукты его переработки и электроэнергию, добытую различными методами. Неэнергетические товары - это те, которые напрямую не предназначены для производства энергии или тепла.

Однако когда речь заходит об определении сырьевого и несырьевого экспорта, возникают противоречия, главным из которых является классификация первичной продукции растениеводства (зерно, масличные семена и другие).

Согласно нормативным документам России, первичная продукция растениеводства отнесена к несырьевым товарам³. Логика решения правительства России такова, что к сырьевым товарам относят только материалы, которые встречаются в природной среде, извлекаются напрямую из неё, и массовые отходы, а зерновые культуры в природе не встречаются, требуют деятельности человека для появления в природной среде, т.е. относить их к классу сырья нелогично.

Несырьевые неэнергетические товары, в свою очередь, разделены на три категории: товары нижних переделов, средних и верхних по степени переработки (см. *схему*).

К категории товаров нижних переделов отнесены базовые химикаты и удобрения, древесина, камень, некоторые виды металлов, а также первичная продукция растениеводства. К продукции средних - мясо, целлюлоза, стальной прокат и т.д. К товарам верхних переделов относятся, прежде всего, высокотехнологичные товары (авиатехника, машины и приборы, лекарства, ядерное топливо и т.д.) и товары повседневного спроса, которые характеризуются высокой степенью обработки исходных материалов (мебель, одежда, продукты питания и многое другое).

¹ Перспективы экспорта российской несырьевой продукции в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Новости. Российский экспортный центр. 16.12.2020. https://www.exportcenter.ru/press_center/news/perspektivy-eksporta-rossiyskoy-nesyrevo-y-produktsii-v-strany-blizhnego-vostoka-i-severnoy-afriki/ (accessed 01.03.2022)

² UN list of least developed countries. <https://unctad.org/topic/least-developed-countries/list> (accessed 24.04.2022)

³ Приложение 5. Перечень кодов при ТН ВЭД ЕАЭС сырьевых и несырьевых товаров. <https://base.garant.ru/72969012/cae826fe4c9a66b3489670e2f0677320> (accessed 15.03.2022)

В основе классификации - 4-значные коды Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности стран Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС), с полным перечнем которых можно ознакомиться на сайте Российского экспортного центра⁴.

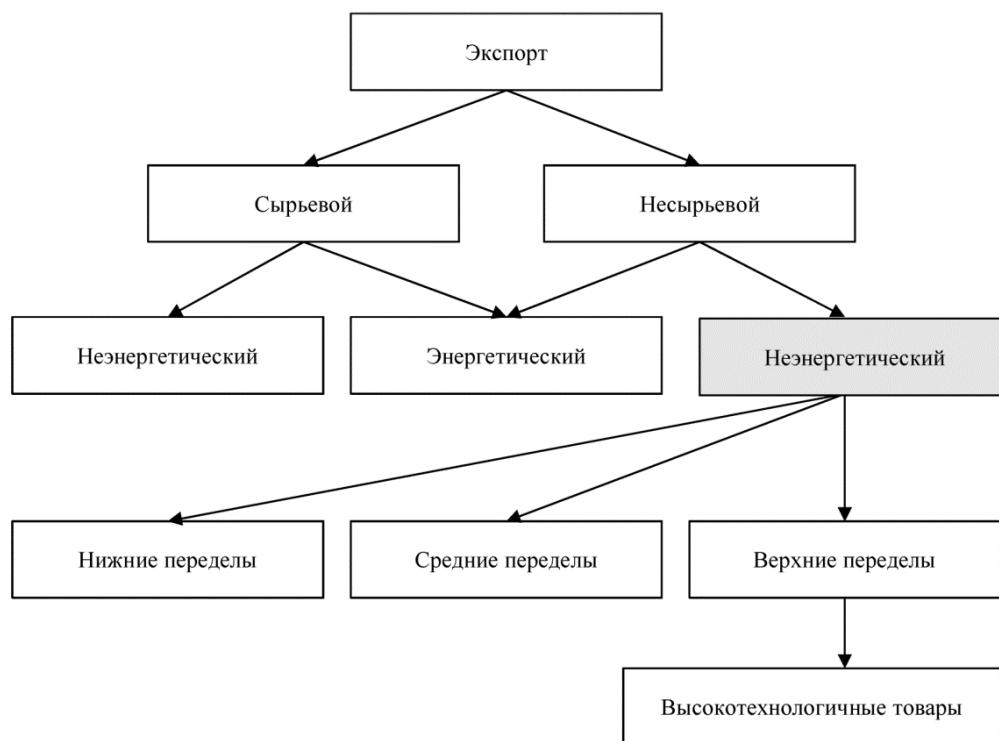

Схема. Классификация экспортных товаров.
Scheme. Classification of export goods.

Источник: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (accessed 03.04.2022)

ТОВАРОБОРОТ РОССИИ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В 2020 г. крупнейшим торговым партнером Африки был Европейский Союз (ЕС), на который приходилась примерно треть внешней торговли континента, на втором месте был Китай с примерно 20% товарооборота, а внутрирегиональная торговля составляла 18% общего африканского экспорта и 15% - импорта⁵.

На семь стран Северной Африки приходится более половины торгового оборота континента с ЕС как по экспорту, так и по импорту. Экспорт товаров из ЕС в Северную Африку вырос с €59 млрд в 2011 г. до €76 млрд в 2021 г. (\$88,56 млрд⁶), что соответствует среднегодовым темпам роста в 2,6%. Устойчивые темпы роста торговли с высокоразвитым рынком ЕС говорят о значительном потенциале внешней торговли стран Северной Африки, который мог бы быть использован для развития торговли с Россией и другими странами ЕАЭС, учитывая тот факт, что страны Северной Африки занимают в основном нейтральную позицию по отношению к введенным против России западным санкциям.

Экспорт товаров из России в Северную Африку в 2011 г. составлял \$5,43 млрд, а в 2021 г. - \$9,4 млрд, увеличившись за 10 лет почти в 2 раза со среднегодовым темпом роста в 6,5%. Объемы экспорта из России в Северную Африку почти в 10 раз меньше, чем экспорт в регион из стран ЕС, но темпы роста экспортных потоков выше, что говорит о потенциале нарастания экспорта на перспективу при условии проведения стимулирующей внешнеторговой политики.

Доля всех стран Северной Африки в товарообороте России в 2021 г. составила 1,34%, что является пока скромным показателем (см. табл. 1).

⁴ Классификация экспортных товаров / АО «РЭЦ». https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (accessed 23.02.2022)

⁵ Eurostat. 2021. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (accessed 24.03.2022)

⁶ В переводе по среднегодовому курсу евро к доллару за 2021 г. (прим. авт.).

Таблица 1. Торговля России со странами Северной Африки в 2021 г.
Table 1. Trade of Russia with the countries of North Africa in 2021

	Экспорт, \$ млн	Импорт, \$ млн	Оборот, \$ млн	Доля в торговом обороте РФ ⁷ , %
Египет	4178,42	591,78	4770,20	0,61
Алжир	2989,45	18,27	3007,71	0,38
Марокко	1213,93	435,55	1649,48	0,21
Тунис	333,03	145,91	478,93	0,06
Судан	306,30	0,27	306,57	0,04
Ливия	331,97	0,001	331,97	0,04
Западная Сахара	0,20	0,15	0,35	0,00
Россия со странами СА, всего	9353,29	1191,92	10545,21	1,34

Составлено по: ITC Trade Map (accessed 03.03.2022)

Страны-лидеры по взаимной торговле - Египет, Алжир и Марокко с долями в товарообороте 0,61%, 0,38% и 0,21%, соответственно, в 2021 г. Доля каждой из трех стран - Туниса, Судана и Ливии - не достигает 0,1%, а Западной Сахары - незначительна. Обращает на себя внимание дисбаланс внешнеторговых операций, причем экспорт России в страны североафриканского региона примерно в 8 раз выше импорта. В этой связи доля региона в экспорте России больше, чем в товарообороте - от 1,91% в 2021 г. до 3,55% в 2017 г. (см. табл. 2).

Несмотря на отмеченную выше общую положительную динамику экспорта России в страны Северной Африки за десятилетие, последние 5 лет характеризовались волатильностью экспортных поставок. Максимальный показатель \$12,68 млрд был достигнут в 2017 г.

Таблица 2. Динамика экспорта России в страны Северной Африки в 2017-2021 гг. (\$ млн)
Table 2. Dynamics of Russian exports to North African countries in 2016-2021 (\$ mln)

Страна/год	2017	2018	2019	2020	2021
Египет	6217,28	7137,18	5765,64	4019,13	4178,42
Алжир	4621,20	4,801,85	3384,92	2957,08	2989,45
Марокко	894,88	929,08	764,89	765,85	1213,93
Тунис	375,3	683,06	515,57	373,63	333,03
Судан	437,913	509,35	274,40	374,31	306,30
Ливия	135,18	227,09	156,34	121,25	331,97
Западная Сахара	0	4,60	0	105	0,20
Экспорт России в Северную Африку	12681,83	9490,36	10861,76	8716,25	9353,29
Экспорт России всего	357083,14	449347,16	422777,17	337105,35	491580,33
Доля стран СА в экспорте РФ, %	3,55	2,11	2,57	2,59	1,91

Составлено по: ITC Trade Map (accessed 03.03.2022)

В пандемийном 2020 г. объемы российской торговли со всем миром и странами Северной Африки заметно снизились. Затем, хотя они и выросли в абсолютном выражении, совокупная доля стран Северной Африки в экспорте России в 2021 г. показала минимальный результат за последние 5 лет - 1,91%, что обуславливает необходимость и возможность работы на этом направлении для возвращения к показателям 2017 г. и их наращивания.

НЕСЫРЬЕВОЙ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПОРТ РОССИИ В СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Доля Северной Африки в несырьевом неэнергетическом экспорте (ННЭ) России значительно выше, чем в российском экспорте в целом. Так, если в 2018 г. доля региона в общем экспорте России составляла 2,11% (см. табл. 2), то доля в ННЭ России - 7,8% [2, с. 46]. При этом Египет занимал 6-е место в списке парт-

⁷ Внешнеторговый оборот России со всеми странами мира в 2021 г. составил \$785 000,38 млн (прим. авт.).

неров России по ННЭ с долей 4,2%, а Алжир 11-е - с долей 3%, остальные страны пока не попали в число 20 ведущих партнеров РФ по ННЭ.

Отличительной особенностью экспорта России в страны Северной Африки является незначительная доля сырьевых товаров и практически полное отсутствие углеводородного сырья (нефти, газа и угля), за исключением Марокко, доля угля в импорте которого составляет примерно треть.

Доля сырьевых товаров в экспорте в Египет составляет 6-8% в разные годы, в Тунис - 3-4%, в Ливию - 1-2%, в Алжир, Судан и Западную Сахару - до 1%. Небольшие объемы сырья из России в страны региона представлены в основном железными рудами, ломом черных металлов, углем и серой. Для развития внешней торговли России очень важны страны и регионы, которые готовы покупать отечественную переработанную продукцию.

Однако, по данным глобального ресурса *World Integrated Trade Solution (WITS)*⁸, доля сырьевых товаров в экспорте из России в некоторые страны региона значительно выше, чем по российской методике. Так, доля сырья в экспорте в Египет составила в 2019 г. 23,5%, Судана - 74,4% и Ливии - 61,8% (см. табл. 3).

Происходит это из-за того, что значительная доля российских сырьевых товаров в указанные страны представлена зерновыми, которые по методике РЭЦ относятся к несырьевым товарам. Например, в 2019 г. доля экспорта пшеницы из России в Египет составила 22% от всего экспорта, в Судан - 74,4% и в Ливию - 61,3%, что почти полностью покрывает доли сырьевого экспорта в эти страны, рассчитанные на базе *WITS*.

Фактором, затрудняющим анализ российского экспорта в страны Северной Африки по стадиям переработки, является наличие значительной доли товаров, «не включенных ни в одну позицию»⁹. Это товары, категории которых не указываются странами-участницами ВЭД по разным причинам. Так, в 2019 г. товары в «серой» зоне составили 41,3% экспорта в Египет и 53,3% экспорта в Алжир.

Таблица 3. Структура экспорта России в страны Северной Африки по стадиям переработки продукции в 2019 г.
Table 3. Structure of Russian exports to the countries of North Africa by stages of product processing in 2019

Продукт экспорта, \$ млн	Египет	Алжир	Марокко	Тунис	Судан	Ливия	Западная Сахара
Сырье	1354,11 (23,5%)	4,16 (0,1%)	439,86 (57,5%)	21,06 (4,1%)	204,17 (74,4%)	97,27 (61,8%)	0
Промежуточные товары	1292,34 (22,4%)	347,44 (10,3%)	220,05 (28,8%)	150,79 (29,2%)	51,36 (18,7%)	28,87 (18,4%)	0
Средства производства	387,11 (6,7%)	660,57 (19,5%)	1,51 (0,2%)	0,62 (0,1%)	4,02 (1,5%)	1,33 (0,9%)	0
Потребительские товары	353,03 (6,1%)	569,12 (16,8)	102,27 (13,4%)	343,52 (66,6%)	11,83 (4,3%)	29,84 (19,0%)	0
Товары, не включенные ни в одну позицию	2381,92 (41,3%)	1803,63 (53,3%)	1,07 (0,1%)	-	3,02 (1,1%)	-	0
Экспорт из России, всего	5768,51 (100%)	3384,92 (100%)	764,76 (100%)	515,99 (100%)	274,40 (100%)	157,31 (100%)	0

Составлено по: *World Integrated Trade Solution* (accessed 01.03.2022)

Отметим, что любая методика несовершенна. Так, в методике *WITS* к «потребительским товарам» отнесли средние дистилляты нефти (печное и судовое топливо), в значительных объемах экспортируемые в Тунис. Так, в 2019 г. доля дистиллятов в экспорте в Тунис составила 57%¹⁰.

Проанализируем несырьевой неэнергетический экспорт России в Египет в 2021 г. по переделам по методике РЭЦ. Сделать это для всех стран Северной Африки представляется довольно трудоемким процессом, т.к. необходимо анализировать все товарные группы как минимум по 4-значным кодам ТН ВЭД ЕАЭС, причем товарных групп может быть до 300 наименований по каждой стране.

⁸ Всемирное интегрированное торговое решение - платформа Всемирного банка для запросов к основным базам данных официальной статистики международной торговли - ООН (*UN COMTRADE*), ЮНКТАД (*TRAINS*), базы данных ВТО. В *WITS* также есть модуль *Global Preferential Trade Agreement (GPTAD)* для просмотра соглашений о свободной торговле (*FTA*) (прим. авт.).

⁹ Commodities not elsewhere specified (прим. авт.).

¹⁰ Логика *WITS* отнесения дизтоплива к потребительским товарам объясняется его использованием в качестве топлива конечными потребителями (прим. авт.).

Египет - крупнейший экспортный рынок российских товаров в Северную Африку с наиболее широким набором товарных позиций по сравнению с другими странами региона при схожести товарной структуры экспорта по всем странам. Поэтому на аналитику по Египту можно опираться как на основу для прогноза развития экспорта переработанных товаров в страны Северной Африки в целом.

Для анализа ННЭ из России в Египет были выбраны товарные позиции, объем которых превысил \$1 млн (77 наименований). В 2021 г. из \$4178 млн экспорта России в Египет на сырьевые позиции пришлось \$212 млн (5,1%), а на товары, не включенные ни в одну позицию, - \$368 млн (8,8%). Соответственно, ННЭ составил 86,1%. Если предположить, что часть товаров, «не включенных ни в одну позицию», являются несырьевыми, то получается, что ННЭ в структуре российского экспорта в Египет составил в 2021 г. более 90%, что соответствует высокой доле ННЭ в экспорте России в Египет за предыдущие годы.

Анализируя ННЭ России в Египет, приходим к выводу, что больше половины, а именно 58,4% экспорта, составляет продукция нижних переделов, за ними следует продукция средних переделов - 26,4% и меньшая доля приходится на верхние переделы - 15,2% (см. табл. 4). Хотя заметна позитивная динамика увеличения доли продукции средних переделов за счет уменьшения доли нижних в 2021 г. по сравнению с 2020 г.

Таблица 4. Структура ННЭ России в Египет по переделам в 2020-2021 гг.

Table 4. The structure of non-primary non-energy exports of Russia to Egypt by stage of processing in 2020-2021

Годы/степень переработки	Нижний передел		Средний передел		Верхний передел		ВСЕГО ННЭ	
	\$ млн	%	\$ млн	%	\$ млн	%	\$ млн	%
2020	2253,34	68,3	510,40	15,5	535,57	16,2	3299,31	100
2021	2073,46	58,4	936,49	26,4	540,69	15,2	3550,64	100

Составлено по ITC Trade Map (accessed 02.03.2022)

Самая крупная экспортная позиция России в Египет - пшеница с долей 37% в общем экспорте России в эту страну и 43,6% - в несырьевом неэнергетическом на сумму \$1,6 млрд. Ежегодно Россия наращивает экспорт этой злаковой культуры, в т.ч. в страны Северной Африки¹¹. Среди других крупных товарных групп нижнего передела выделяются древесина и медь необработанная с 6,7% и 6% в ННЭ России. Крупнейшие позиции средних переделов - растительные масла (6,9%), продукция цветной и черной металлургии (прокат, трубы, литейные формы и др.) и деревообрабатывающей промышленности (фанера, крафт-бумага, картон).

Среди высокотехнологичных товаров российского ННЭ в Египет наиболее крупными статьями являются вагоны пассажирские и багажные, автомобили специального назначения, измерительная и радиолокационная аппаратура, круизные и грузовые суда, запоминающие устройства и смарт-карты.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЭКСПОРТНЫЕ ТОВАРЫ РОССИИ В СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Для выявления товаров, по которым с высокой вероятностью будет нарастать экспорт в ближайшее время, традиционно используется индекс выявленных сравнительных преимуществ (*Revealed Comparative Advantage - RCA*), или «индекс Балашша»¹², рассчитываемый как отношение доли экспорта товара (отрасли) в национальном экспорте к доле в мировом или региональном. При $RCA > 1$ страна экспортирует относительно больше этого товара по сравнению с мировым уровнем, а значит, обладает большим сравнительным преимуществом и экспортной специализацией по нему. При $RCA < 1$ считается, что страна не имеет преимуществ по производству и экспорту товаров этой группы, а значит, возможности их продвижения на внешних рынках ограничены, по крайней мере, в ближайшей перспективе без структурных изменений в экономике [3].

Из представленных в табл. 5 Топ-10 товарных групп экспортной специализации России по индексу Балашша 6 позиций экспортируются в Египет и другие страны Северной Африки, причем 3 из них на лидирующих позициях в своих переделах: «пшеница» (нижний передел), «масла растительные» (средний) и

¹¹ В 2021 г. Египет стал 2-м экспортным рынком российской пшеницы после Турции, Судан был на 6-м месте, Ливия - на 13-м, Алжир - на 14-м, Марокко - на 33-м и Тунис - на 53-м месте. Всего в 2021 г. пшеница из России поставлялась в 88 стран (прим. авт.).

¹² Белла Балашша (1928-1991) - американский экономист венгерского происхождения. Учился в Будапештском университете, работал в Йеле и университете Джона Хопкинса. Был консультантом Всемирного банка. Б.Балашша известен также 5-этапной периодизацией экономической интеграции и «эффектом Балашша-Самуэльсона» (прим. авт.).

«вагоны железнодорожные» (верхний передел). Еще 3 позиции относятся к продукции нижнего передела - «полуфабрикаты из железа», «продукты восстановления железной руды» и «семена льна». Из чего делаем вывод, что в Северную Африку вывозятся «тяжеловесы» российского экспорта с самым высоким уровнем экспортной специализации, поэтому с большой долей вероятности объемы вывоза этих позиций будут продолжать нарастать в обозримой перспективе.

Таблица 5. **Топ-10 товарных позиций экспортной специализации России по индексу Балашша**
Table 5. **Top 10 commodity items of Russian export specialization according to the Balassa Index**

Уровень передела	Наименование товарной группы	Значение индекса Балашша
Нижний	Чугун в чушках, болванках и других первичных формах	14,24
Верхний	Реакторы ядерные	12,96
Нижний	Семена льна	11,93
Нижний	Продукты прямого восстановления железной руды	11,93
Нижний	Никель необработанный	10,33
Нижний	Пшеница и меслин	9,92
Нижний	Штейн никелевый	9,77
Нижний	Полуфабрикаты из железа или нелегированной стали	9,55
Средний	Масло подсолнечное, сафлоровое или хлопковое и их фракции	9,26
Верхний	Вагоны железнодорожные или трамвайные, пассажирские несамоходные, багажные, почтовые и пр.	8,64

Источник: The Observatory of Economic Complexity. Russia Profile. <https://oec.world/en/profile/country/rus> (accessed 15.03.2022)

Еще по одной важнейшей группе экспортной специализации России - «реакторы ядерные» - поставки должны начаться в ближайшее время, т.к. Росатом ведет подготовку к строительству АЭС «Эль-Дабаа» в Египте¹³.

Как было выявлено, более половины экспорта России в страны Северной Африки в соответствии с международной специализацией страны составляет продукция нижних переделов с низким уровнем сложности, меньшую долю - продукция средних и верхних переделов; при этом товары высоких переделов отраслей машино- и приборостроения сложны и взаимосвязаны, т.к. при их производстве используются сходные капитал, знания, технологии.

В этой связи предлагается стратегически важные для экспорта товары с высоким уровнем переработки определять с учетом двух факторов - сложности производства и связанности с текущей структурой экономики. «Связанность» предсказывает вероятность того, что страна способна увеличить производство и нарастить экспорт этого продукта, а «сложность» гарантирует высокие доходы от экспорта, экономический рост, меньшие выбросы парниковых газов и другие социоэкономические выгоды [4; 5].

Из товаров, уже экспортируемых в страны региона, к «сложным» и «связанным» группам, экспорт которых особенно важно наращивать для экономического будущего России относятся:

- продукция верхних переделов: «вагоны железнодорожные», «приборы и аппаратура для измерения», «приборы и инструменты геодезические или топографические», «моторные транспортные средства спец. назначения», «автомобили легковые» и «печатные книги, брошюры, листовки»;

- продукция средних переделов: «изделия из черных металлов, используемые для железнодорожных или трамвайных путей», «трубы и трубки прочие» и «бумага и картон» [6; 7]¹⁴.

Особого внимания заслуживают товары потребительского спроса, вывозимые из России в страны Северной Африки (кондитерские изделия и шоколад, одежда и обувь, осветительные приборы, мебель, товары для дома, мясная и молочная продукция), объемы поставок и ассортимент которых пока незначительны, но идет постепенный рост экспорта и расширение ассортимента. Все эти товары относятся к продукции верхнего передела, экспорт которой важно наращивать.

¹³ См.: <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/> (accessed 24.03.2022)

¹⁴ Выводы сделаны на основе двух источников, выявляющих уровень взаимосвязи между развитием экономики и торговли стран с разнообразием и сложностью ноу-хау, необходимых для производства экспортных товаров: «Обсерватория экономической сложности» (ОЕС) (Массачусетский технологический институт) и «Атлас экономической сложности» (Atlas) (Гарвардский университет) (прим. авт.).

Для ускорения вывода товаров повседневного спроса на рынки стран региона требуются методы, отличные от продвижения продукции традиционной экспортной специализации России с поставками по межправительственным договорам и корпорациями с госучастием. Товары повседневного спроса производят в основном предприятия малого и среднего бизнеса, не всегда имеющие экспортные компетенции. В этой связи институтам поддержки экспорта России необходимо инициировать исследования по анализу основных компаний стран-конкурентов российских экспортеров на североафриканских рынках, специфики продвижения и продаж потребительских товаров, в т.ч. через крупные торговые сети и дистрибьюторские каналы региона.

Потребительские рынки стран Северной Африки достаточно развиты и на них представлено множество игроков, которых условно можно разделить на 4 группы: корпорации развитых стран, предлагающие продукцию всемирно известных брендов; компании из стран с развивающимися рынками, предлагающие известные и малоизвестные бренды, куда входит и Россия; компании из стран Северной Африки и Ближнего Востока с продукцией, соответствующей традиционным вкусам жителей региона, и местные производители, продающие знакомые вкусы по демократичным ценам.

Например, на рынке шоколада Египта представлены компании из всех 4 групп стран-производителей: американские *Mondelez International*, *Hershey's*, *Mars*, швейцарская *Lindt*, итальянская *Ferrero*, немецкие *Ludwig Schokolade* и *Ritter Sport*, греческий *Ion*, украинская *Roshen*, Королевская шоколадная фабрика Египта *Corona* - старейшая на египетском рынке.

Таким образом, уровень конкуренции на рынке шоколада в Египте довольно высок, и российским экспортерам сладкой продукции нужно готовиться к напряженной борьбе за вкусы жителей региона. Также следует принимать во внимание, что на потребительских рынках стран Северной Африки доминируют европейские торговые сети-гиганты - французские *Auchan* и *Carrefour*, немецкий *Metro*, а также крупные местные сети, например *Label'Vie SA* в Марокко.

Группа товаров верхнего передела, вывозимая в страны Северной Африки, самая разнообразная и многочисленная по числу товарных позиций, но масштабы вывоза по каждой позиции невелики и нестабильны год от года. Основными причинами такой ситуации являются как недостаток внимания к региону со стороны институтов развития внешнеэкономических связей в России, так и объективная узость внутренних рынков стран Северной Африки. «Расшить» узость предлагается путем продвижения российских товаров не только через бизнес-миссии в отдельные страны, но и в регион в целом через выставки, ярмарки и ассоциации предпринимателей африканского континента, например через ярмарку *Food Africa* в Египте, заявки на участие в которой в декабре 2022 г. принимает РЭЦ с возможностью компенсации части затрат на аренду выставочных площадей¹⁵. Также в Египте (Новом Каире) в декабре 2021 г. открыт демонстрационно-дегустационный павильон РЭЦ, где представлена кондитерская, мукомольная, алкогольная, пивобезалкогольная и прочая продукция 31 компании АПК, включая «Объединенные кондитеры», Мираторг, Группу Ладога, Байкал Аква, Останкинский завод бараночных изделий и др.¹⁶

Именно на продвижении продукции верхних переделов из России в страны Северной Африки с высокой долей добавленной стоимости необходимо сосредоточить максимальные энергии экспортеров, меры правительства и усилия структур господдержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Особенностью российского экспорта в страны региона является малая доля сырья и почти полное отсутствие углеводородного сырья за исключением экспорта угля в Марокко, что приводит к более весомой доле стран региона в несырьевом неэнергетическом экспорте России, чем в экспорте в целом, - на уровне 7-8%, причем Египет входит в Топ-10, а Алжир - в Топ-20 партнеров РФ по ННЭ.

2. В Северную Африку в основном вывозятся товары традиционной экспортной специализации России нижних переделов - «пшеница», «полуфабрикаты из железа», «продукты восстановления железной руды» и «семена льна». Из товаров среднего передела лидируют «масла растительные», из верхнего - «вагоны железнодорожные». Спрос на эти позиции остается стабильным, в связи с чем их поставки в регион должны увеличиваться.

3. К наиболее важным для наращивания экспорта товарам средних и верхних переделов, уже экспортируемых в Северную Африку, но пока в недостаточных объемах, относятся: «изделия из черных металлов»,

¹⁵ Food Africa. Мероприятия. РЭЦ. <https://myexport.exportcenter.ru/events/food-africa-2022-05122022-07122022> (accessed 11.06.2022)

¹⁶ В рамках Постановления Правительства РФ от 26.02.2021 №255 по продвижению продукции АПК на внешние рынки (прим. авт.).

«трубы и трубки» и «бумага и картон» (средний передел), «инструменты и аппараты», «транспортные средства спец. назначения», «автомобили легковые» и «печатные книги, брошюры, листовки» (верхний передел).

4. Потребительские товары вывозятся из России в страны Северной Африки в малых объемах. Для их продвижения институтам поддержки экспорта России необходимо инициировать исследования по изучению конкурентной среды в странах региона, специфики маркетинга и продаж, а также содействовать российским компаниям при выходе на североафриканские рынки.

5. Увеличить спрос на произведенные в России товары ННЭ можно за счет сокращения финальной стоимости продукции при увеличении ее количества. Привлечение прямых иностранных инвестиций из стран Северной Африки может помочь преодолеть барьер недостаточности производственной и ресурсной баз в России и, в случае их получения, повысить вероятность заключения взаимовыгодных контрактов с последующим экспортом товаров на североафриканские рынки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Спартак А.Н. и др. Перспективы наращивания российского несырьевого экспорта. Отчет. Всероссийская академия внешней торговли. 2018, апрель.
Spartak A.N. et al. Prospects for increasing Russian non-resource exports. *Report*. All-Russian Academy of Foreign Trade. 2018, April (In Russ.).
2. Морозенкова О.В. Перспективы развития российского экспорта несырьевых неэнергетических товаров на новых рынках. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 9. С. 44-60.
Morozenkova O.V. Prospects for the development of Russian exports of non-primary non-energy goods in new markets. *Russian Foreign Economic Journal*. 2019. № 9. Pp. 44-60 (In Russ.).
3. Balassa B. Trade Liberalisation and “Revealed” Comparative Advantage. The Manchester School. 1965. № 33, pp. 99-123.
4. Моисеев А.К., Бондаренко П.А. Применение индекса экономической сложности в макрофинансовых моделях. *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 3 (180). С. 101-112.
Moiseev A.K., Bondarenko P.A. Application of the index of economic complexity in macro-financial models. *Problems of Forecasting*. 2020. № 3 (180), pp. 101-112 (In Russ.).
5. Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the national academy of sciences*. 2009. V. 106. № 26, pp. 10570-10575.
6. The Observatory of Economic Complexity. Russia Profile. <https://oec.world/en/profile/country/rus> (accessed 24.03.2022)
7. Atlas of Economic Complexity: <https://atlas.cid.harvard.edu/what-is-the-atlas> (accessed 25.03.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прогунова Лада Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой международного бизнеса и таможенного дела, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия.

Lada V. Progunova, PhD (Economics), Associate Professor, Acting Head, International Business and Customs Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.06.2022

Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям**Часть 2***© Зеленеv Е.И.^{a,b}, Солощевa М.А.^{a,c}, 2022^a НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. Статья представляет собой продолжение исследования китайско-африканских отношений в контексте теории зависимого развития. Авторы выделяют две основных цели китайской политики в Африке: во-первых, удовлетворить насущные потребности быстро растущей экономики КНР, и, во-вторых, сформировать прокитайский панафриканский двухуровневый блок государств. На первом, базовом уровне, речь идет о *государствах-партнерах*; на втором, более высоком уровне, - о *странах-последователях* Китая, которые в целом разделяли бы китайское видение глобального мироустройства.

Ставя задачу подвергнуть 54 суверенных африканских страны анализу на функциональную геополитическую роль, экономическую и культурную важность каждой африканской страны для Китая, авторы статьи разработали методику данного анализа. Речь идет о формировании 5 групп факторов, именуемых «измерениями влияния»: геополитическое, торгово-экономическое, финансово-инвестиционное, военное и культурно-идеологическое измерения. В статье приводится сводная матрица измерения влияния, обобщающая информацию пяти вышеназванных таблиц. Итоговая матрица влияния позволяет выстроить 54 африканских государства по степени их важности во внешней политике КНР.

Приведенные в статье выводы не только фиксируют положение, сложившееся де-факто на данный момент, но и позволяют сделать научно обоснованные выводы о будущем китайско-африканских отношений.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Африка, зависимое развитие, рейтинг африканских стран, китайско-африканские отношения

Для цитирования: Зеленеv Е.И., Солощевa М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 14-25. DOI: 10.31857/S032150750021323-7

China in Africa: from partner countries to follower countries. Part 2© Evgeny I. Zelenev^{a,b}, Maria A. Soloshcheva^{a,c}, 2022^a HSE University, Saint-Petersburg, Russia^b ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com^c ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. The article is a continuation of the study of Sino-African relations in the context of the theory of dependent development. The authors of the article identify two main goals of Chinese policy in Africa: to meet the urgent needs of the rapidly growing economy of the People's Republic of China, and to form a pro-Chinese pan-African two-level bloc of states - at the first, basic level, we are talking about partner countries, at the second, higher level - about the follower countries of China which would generally share the Chinese vision of the global world order. The authors of the article developed a methodology by setting the task of analyzing the functional geopolitical role, economic and cultural importance of each African country for China of 54 sovereign African countries.

We are talking about the formation of five groups of factors called dimensions of influence: geopolitical, trade and economic, financial and investment, military and cultural and ideological dimensions. In the course of the study, the authors compiled five summary tables referred to in the article as matrices of influence, each of which includes information about all 54 sovereign states of Africa. At the end of the article, a general matrix of influence is provided, summarizing the information of the five above-mentioned tables. The final matrix of influence makes it possible to range 54 African states according to the degree of their importance in the foreign policy of the People's Republic of China.

The authors emphasize the objectivist nature of the results obtained, without taking into account the subjective factor of the personal relations of the heads of African states with the leader of the PRC. The conclusions given in the article not only fix the situation that has developed de facto, but also bring us to the scientifically based conclusions about the future of Sino-African relations.

Keywords: China's foreign policy, Africa, dependent development, rating of African countries, Sino-African relations

For citation: Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. China in Africa: From *partner countries* to *follower countries*. Part 2. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 14-25 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021323-7

* Окончание. Часть 1 статьи см.: *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 7, с. 12-21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2

ВВЕДЕНИЕ

Китайские официальные источники фактически открыто декларируют две важнейшие группы китайских целей в Африке: во-первых, развитие и углубление экономического и финансово-инвестиционного сотрудничества со странами континента; во-вторых, создание особых отношений КНР с отдельными африканскими странами, что позволяет рассматривать их как страны, поддерживающие Китай на различных международных политических площадках, прежде всего, ООН.

Вышеназванные цели КНР в Африке, равно как и китайские национальные интересы в этой части мира, могут быть формализованы в 5 базовых групп факторов, именуемых в статье «измерениями влияния». Авторами составлены 5 сводных статистических таблиц («матриц влияния»), включающих в себя информацию по всем 54 суверенным государствам Африки.

Каждая из этих «матриц влияния» формируется с помощью параметров, корректируемых соответствующими коэффициентами и включенными в интерактивную таблицу, дающую возможность вносить дополнения, уточнения и изменения в их содержание по мере необходимости. Обобщенные в 5 матрицах влияния сведения подвергаются следующему уровню анализа в рамках т.н. Генеральной матрицы влияния (см. табл. 5), которая выстраивает африканские страны по степени важности для КНР.

Первое место, которое занимает Геополитическая матрица влияния (см. Часть 1), соответствует приоритетному месту геополитического измерения во внешней политике КНР последних 15 лет. Наряду с геополитическим измерением, анализ которого был осуществлён в **части 1** статьи, в ее 2-й части авторы рассматривают четыре других измерения: торгово-экономическое, финансово-инвестиционное, военное и культурно-идеологическое измерения влияния.

Результаты вычислений и полученные на их основе выводы позволяют, на наш взгляд, с уверенностью говорить, что китайская внешнеполитическая доктрина в отношении Африки носит панафриканский характер и может быть осмыслена на основе не только умозрительных заключений, но и эмпирического анализа статистических данных и иных фактических сведений, представленных в соответствующих матрицах влияния.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

В 2020 г. суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$187,94 млрд, или, как и в предыдущие годы, менее 5% от общего товарооборота КНР¹, и играет далеко не первостепенную роль в современной китайской экономике.

Китай не спешит форсировать экономическое сотрудничество с Африкой, удовлетворяясь имеющимся уровнем и постепенно наращивая инфраструктурный потенциал, прежде всего, в таких сферах, как логистика, военное и военно-техническое сотрудничество (увеличение количества пунктов обслуживания ВМС НОАК, создание новых портов и аэропортов, соединение ключевых геополитических пунктов системой современных железных и шоссейных дорог, строительство электростанций и т.п.).

Ключевые партнеры КНР в Африке по такому показателю, как **совокупный объем торговли**, - ЮАР, Ангола и Нигерия, доля которых от общего объема китайской торговли со странами континента составляет 20,35%, 12,4 и 9,23%, соответственно.

Степень зависимости африканских стран от Китая можно охарактеризовать, определив долю КНР в экспорте из страны. Так, в КНР уходит более 95% всех товаров из Южного Судана, 2-е место по этому показателю занимает Конго (>62%), 3-е - Эритрея (>60%).

С ЮАР и Анголой Китай имеет стабильно отрицательное сальдо торгового баланса, в котором профицит африканских стран составляет \$9,4 млрд и \$21,78 млрд по данным за 2019 г., соответственно². В 2004 г. Анголе был предоставлен первый кредит КНР для торговых операций с Китаем, с 2005 по 2014 г. она занимала 2-е место после Саудовской Аравии по экспорту нефти в КНР, уступив в 2015 г. 2-е место РФ и в 2019 г. (уже 3-е место) - Ираку. Китай не только покупает у Анголы нефть, но силами компании *Sinopet*, объединившейся с ангольской *Sonango* в совместную *SSI*, занимается добычей, переработкой и разведкой шельфовой нефти.

¹ В 2016-2020 гг. товарооборот между Китаем и Африкой составлял 4,04, 4,15, 4,42, 4,57 и 4,04% общего товарооборота Китая, соответственно (*прим. авт.*).

² Отрицательный профицит торгового баланса КНР с Анголой больше, чем совокупный объем товарооборота РФ со всеми странами Африки, вместе взятыми, который составил менее \$15 млрд в 2020 г. и немногим превышал \$20 млрд в доковидный 2019 г. (*прим. авт.*).

Кроме ЮАР и Анголы, у КНР хронически отрицательное сальдо торгового баланса со следующими африканскими странами: ДР Конго, Конго, Ливия, Замбия, Габон, Гвинея, Экваториальная Гвинея, Южный Судан, Зимбабве, Намибия, Эритрея и, в незначительных абсолютных цифрах, Чад и ЦАР (\$173,6 млн и \$10,5 млн за 2019 г., соответственно). Очевидным образом профицит торговли стран Африки с Китаем связан с наличием в этих странах природных ресурсов. Эта группа стран более остальных заинтересована в сохранении партнерских отношений с КНР.

К зависимым от торговли с КНР странам добавим те, у которых, наряду с Южным Суданом, Конго и Эритреей, экспорт в КНР составляет высокую долю общего объема экспорта. Более 50% всех вывозимых товаров экспортируют в Китай Ангола и ДР Конго, более 40% - Габон, более 30% - Чад, Экваториальная Гвинея и Мавритания.

Как уже отмечалось выше, интерес Китая к странам может быть определен такими показателями, как **профицит** этой страны в торговле с КНР, который в большинстве случаев можно интерпретировать как наличие в данной стране дефицитных для Китая ресурсов. С другой стороны, наличие торгового профицита африканской страны может отражать желание КНР помочь этой стране решить ее внутриэкономические задачи (Ангола, Судан, Южный Судан и др.).

Весьма часто определить, какая из двух интерпретаций применительно к конкретной африканской стране более правильная, бывает либо сложно, либо в принципе невозможно. Поэтому авторы статьи предлагают рассматривать наличие профицита в торговле с Китаем как указатель на особые, более высокого уровня, торгово-экономические отношения данной страны с КНР. Для африканских стран, имеющих профицит в торговле с Китаем, в Матрице торгово-экономического влияния вводится специальный коэффициент (1,2), повышающий значение данной страны в рейтинге влияния для КНР.

В рамках Торгово-экономического измерения влияния (см. *табл. 1*) важную роль играют показатели **торговли углеводородами**.

Безусловным приоритетом со стороны КНР пользуется группа африканских государств-экспортеров нефти: Нигерия, Ангола, Алжир, Ливия, Конго, Гана, Габон, Экваториальная Гвинея, Камерун, Чад, ДР Конго, Египет, Южный Судан, Судан, Кот-д'Ивуар, Тунис, ЮАР и Уганда. Наряду с нефтью, важное сырье, в котором заинтересован Китай, - это природный газ, который экспортируют Алжир, Нигерия, Ангола, Ливия, Экваториальная Гвинея, Египет, Камерун, Мозамбик, а также ЮАР, Конго и Танзания. Нефте- и газоэкспортирующие страны, особенно те из них, которые обладают обоими видами ресурсов, считаются КНР потенциально важными партнерами.

Особое отношение КНР к группе стран-экспортеров нефти и газа отражено в Матрице торгово-экономического измерения влияния (см. *табл. 1*), где помещен рейтинг этих африканских стран по мере уменьшения объема поставляемых ими в Китай углеводородов.

Имеется и другой интерпретационный ракурс рассмотрения китайско-африканских торговых отношений. Речь идет о странах Африки, доля которых в китайском импорте по целому ряду наименований **товаров, не относящихся к углеводородам**, согласно официальной статистике, составляет более 50%, иногда приближаясь к 100% всего китайского импорта. Принимая во внимание, что Китай старается соблюдать баланс в торговле с регионами и странами мира, максимально диверсифицируя свой импорт, приходим к выводу, что данный показатель будет свидетельствовать о большой заинтересованности Китая в сотрудничестве с такими странами.

Большое значение в поставке Китаю дефицитных неуглеводородных ресурсных товаров имеют (в порядке уменьшения объема китайской торговли этими товарами): ЮАР, ДР Конго, Мадагаскар, Замбия, Мозамбик, Гвинея, Намибия, Ангола, Нигерия, Зимбабве, Гана, а также Танзания, Сьерра Леоне, Габон, Эфиопия и Джибути.³

В Матрице (см. *табл. 1*) этой группе стран нами присвоен повышающий коэффициент (от 1,1 до 1,5 в зависимости от доли поставок этих товаров из африканской страны в импорте КНР). Учтены также следующие параметры вовлеченности африканских стран в торгово-экономические отношения с КНР: объем экспорта, импорта и совокупный объем торговли африканских стран с КНР; доля китайских товаров в совокупном импорте африканских стран и доля вывозимых в Китай товаров от совокупного экспорта африканских стран; объем импорта Китаем углеводородов из африканских стран.

Отдельная группа повышающих коэффициентов отражает наличие высокой доли ресурсных товаров африканских стран в китайском импорте: для стран, товары которых имеют долю в импорте КНР более 90% - 1,5; от 70 до 89% - 1,4; от 50 до 69% - 1,3; от 30 до 49% - 1,2; от 10 до 29% - 1,1.

³ UN Comtrade. <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 24.02.2022)

Таблица 1. Матрица торгово-экономического влияния
Table 1. Matrix of trade and economic impact

Страны	Параметры сравнения									Кoeffици- енты		Итоговое место в рейтинге
	1				2			3		1	2	
	Совокупный объем торговли каждой из стран с КНР, \$ млн, 2019 г.				Экспортно-импортное изменение влияния			Торгово-ресурсное измерение влияния (углеводороды)		Наличие профицита торговли с Китаем более \$1 млрд	Наличие ресурсных товаров, имеющих высокую долю в импорте КНР	
	Импорт из КНР, \$ млн	Экспорт в КНР, \$ млн	Совокупный объем торговли каждой из стран с КНР, \$ млн	Место в рейтинге	Доля китайских товаров в совокупном импорте, %, 2019	Доля вывозимых в Китай товаров от совокупного экспорта, %, 2019	Место в рейтинге	Объем импорта Китаем ресурсов (энергоносителей)	Место в рейтинге			
Северная Африка												
Ливия	2451,6	4816,5	7268,1	7	15,92	15,37	19	4766	3	1,2	1	8
Восточная Африка												
Замбия	970,4	3264,5	4234,9	13	14,11	16,53	23	0	18	1,2	1,3	10
Южный Судан	122,2	1533,2	1655,4	28	20,21	95,58	3	1511	8	1,2	1	9
Центральная Африка												
Ангола	2055,7	23837,4	25893	2	14,53	57,47	12	23257	1	1,2	1	1
Габон	377,3	4646,7	5023,9	11	16,25	44,36	8	3454	4	1,2	1,1	4
ДР Конго	2076,8	4429,2	6506	9	26,93	50,83	1	413	13	1,2	1,5	2
Конго	435,1	6102,2	6537,3	8	11,43	62,68	16	5561	2	1,2	1	6
Южная Африка												
ЮАР	16542,9	25948,9	42492	1	18,77	9,15	11	18	16	1,2	1,4	3
Западная Африка												
Гана	4903,3	2576,4	7479,7	6	18,16	16,75	7	1807	6	1	1	5
Нигерия	16622,6	2656,4	19279	3	25,46	3,11	16	2399	5	1	1	7

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjsj/2021/indexch.htm> (accessed 15.03.2022); UN Comtrade...

ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

С точки зрения вложения ПИИ, приоритетными для Китая остаются страны Азии - более 70%, Латинской Америки - более 10%, Северная Америка и Европа - более чем по 6%. Накопленные ПИИ из КНР в Африку (по данным 2020 г.) составили 1,68% от всех китайских зарубежных инвестиций. Только в 2018 г. Африка ушла с последнего места по этому показателю, уступив его Океании (1,5% от общего объема ПИИ КНР).

Абсолютное большинство стран Африки - реципиенты китайских ПИИ, однако африканский регион, как сказано выше, не является для КНР приоритетным в этом вопросе. Китай способен выделять гораздо больший объем ПИИ в Африку, однако воздерживается от этого, так что обвинять КНР в финансово-инвестиционной оккупации Африки было бы преувеличением. Что действительно может вызывать и вызывает опасения конкурентов КНР в этой части мира - это огромный финансово-инвестиционный потенциал Китая, который при необходимости может быть направлен на африканские проекты.

На сегодняшний день для осуществления финансово-инвестиционной деятельности Китай использует следующие институты: Министерство коммерции, прежде всего Департамент по предоставлению помощи за рубежом, которое выделяет беспроцентные займы и предоставляет гранты; Китайский экспортно-им-

портный банк; Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества; Китайский банк развития; Китайско-африканский фонд развития; Банк Китая; Китайский строительный банк; Китайский промышленно-коммерческий банк. С 2000 по 2019 гг. общая сумма выданных этими структурами «африканских» кредитов достигла \$151 млрд⁴.

Приоритетные направления финансовых вложений КНР в Африку, как отмечалось выше, - инфраструктура и добыча полезных ископаемых (см. *диагр.*).

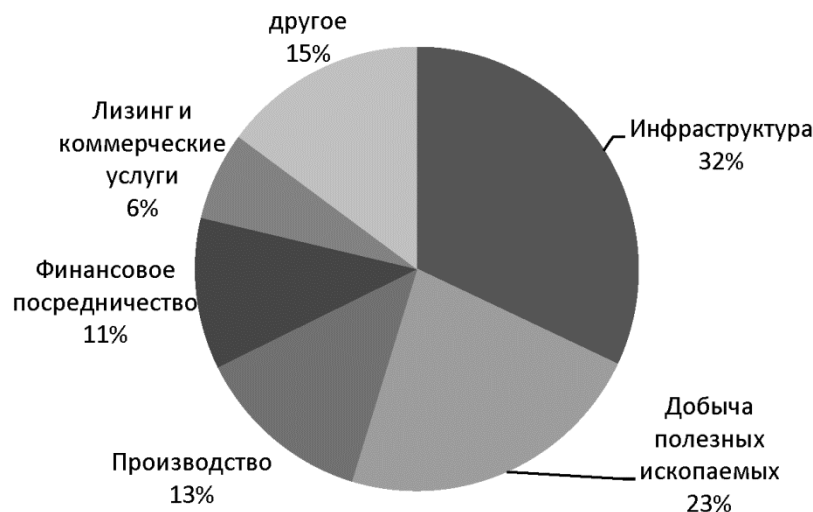

Диаграмма. Секторы инвестирования КНР в Африку.
Chart. China's investments sectors in Africa.

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021)...

Главные получатели китайских ПИИ в Африке - ЮАР (\$7,73 млрд - 16,8% совокупных накопленных китайских инвестиций в Африку), ДР Конго (\$3,96 млрд - 8,6%), Замбия (\$3,43 млрд - 7,45%), Нигерия (\$2,96 млрд - 6,44%), Кения (\$2,42 млрд - 5,25%), Эфиопия (\$2,27 млрд - 4,93%), Алжир (\$2,06 млрд - 4,48%), Ангола (\$2,04 млрд - 4,44%), Зимбабве (\$1,6 млрд - 3,48%) и Гана (\$1,55 млрд - 3,37%)⁵.

Только за последние 7 лет КНР дважды - в 2015 и 2019 гг. - заявляла о создании 60-миллиардных фондов сотрудничества со странами Африки для использования этих средств с целью финансирования китайской экономической деятельности на Черном континенте. Последний фонд, созданный по итогам Форума Китай-Африка 2018 г., имеет следующую структуру: \$15 млрд - гранты, беспроцентные и льготные кредиты; \$20 млрд - кредитные линии; \$10 млрд - на нужды Китайско-африканского фонда финансирования развития; \$5 млрд - поддержка импорта африканских товаров [2].

По сумме займов, полученных с 2000 по 2019 гг., лидируют Ангола (27,8%) и Эфиопия (8,95%), большую долю займов получили Замбия (6,42%), Кения (5,98%), Нигерия (4,39%), Камерун (4,04%), Судан (4,02%), Конго (3,51%), Египет (3,44%) и Гана (3,14%)⁶.

К исходу второго десятилетия XXI в. в Африке появились государства, чей долг Китаю составляет значительную долю их ВВП. Рекордсмен по этому показателю - Джибути, долг которого близок к 50% годового ВВП страны. 38% своего ВВП должна Китаю Ангола. Конго и Замбия должны суммы, превышающие 20% их ВВП. Это очевидно свидетельствует о зависимости указанных стран от Китая. В Матрице (см. *табл. 2*) финансово-инвестиционного влияния отражено процентное соотношение долга Китаю к ВВП страны. Кроме этого, Матрица включает следующие параметры: балансовая стоимость ПИИ в страны Африки; сумма займов, выданных КНР африканским странам; доход КНР от строительных проектов в африканских странах; долг африканских стран КНР.

⁴ Значительная часть информации о реальных объемах ПИИ подпадает под классификацию «коммерческой тайны», нет четких границ между «государственными» и «частными» инвестициями, идущими на конкретные цели в африканских странах, наконец, «круговая модель функционирования капитала» между материковым Китаем и гонконгским оффшором затрудняет определение реальных ПИИ из Китая в Африку. Например, в 2017 г. 75% ПИИ и 90% инвестиций в финансовый сектор были направлены через оффшоры Гонконга. См. [1].

⁵ 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021)...

⁶ Loan Data / China-Africa research Initiative, 17.07.2020. <http://www.saiscari.org/data> (accessed 28.04.2022)

Таблица 2. Матрица финансово-инвестиционного влияния
Table 2. Matrix of financial and investment impact

Страны	Параметры сравнения										Итоговое место в рейтинге
	1		2		3		4		5		
	Балансовая стоимость ПИИ, 2019 г., \$млн	Место в рейтинге	Сумма займов за 2000-2019 гг., \$млн	Место в рейтинге	Доход КНР от строительных проектов в странах/регионах, 2015-2019 гг., \$млн	Место в рейтинге	Долг Китаю, \$млрд	Место в рейтинге	Долг Китаю, отношение к ВВП страны, %	Место в рейтинге	
Восточная Африка											
Замбия	2863,79	4	9848	3	2233,23	6	3,77	5	20,41	4	3
Кения	1624,23	10	9175	4	4128,59	4	7,396	3	7,49	12	4
Мозамбик	1146,75	14	2293	17	1086,84	14	1,893	13	13,31	5	8
Уганда	669,94	18	3125	13	1860,57	8	2,606	10	7,82	9	7
Эфиопия	2558,87	5	13729	2	4523,91	3	7,932	2	8,5	8	2
Центральная Африка											
Ангола	2890,73	3	42619	1	4677,4	2	22,454	1	38	2	1
Камерун	303,9	26	6202	7	1494,91	9	3,834	4	9,5	7	5-6
Конго	609,84	20	5390	8	1347,77	11	2,526	11	25,13	3	5-6
Западная Африка											
Гана	1831,29	7	4811	10	1117,67	13	1,879	14	2,75	23	10
Нигерия	2194	6	6732	6	3568,29	5	3,404	7	0,79	40	9

Составлено по: 中国统计年鉴2021 (Statistical Yearbook of China 2021); UN Comtrade...

ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

КНР уже несколько лет (с 2013 г.) наращивает свой военный потенциал в Африке, хотя делает это крайне осторожно, подчеркивая, что свое политическое влияние на африканском континенте она укрепляет с помощью доктрины «мягкой силы» [3]. Основными инструментами в рамках доктрины «мягкой силы» на сегодняшний день выступают торговля и инвестиции, тогда как военный потенциал необходим исключительно для защиты собственных экономических интересов и предотвращения террористических атак [4].

По совокупному количеству военнослужащих в странах Африки, включая контингент китайской военной базы в Джибути и контингент ООН, а также служащих частных военных и охранных компаний, китайский военный контингент на Черном континенте приближается к 6 тыс. человек. По некоторым оценкам, он уже достиг численности американского военного контингента в Африке и даже может его превосходить, что, впрочем, не имеет достаточно достоверной доказательной базы. Так или иначе, КНР сегодня входит в тройку самых влиятельных внешних военно-политических игроков в Африке наряду с США и Францией.

Усиление китайского военного присутствия в Африке подтверждается, *во-первых*, открытием в Джибути в 2017 г. первой китайской военной базы и последующим стремительным наращиванием ее военно-технического и инфраструктурного потенциала; *во-вторых*, вынесением в качестве главных тем китайско-африканского сотрудничества вопросов государственной безопасности на состоявшемся в 2019 г. первом китайско-африканском форуме мира и безопасности, в работе которого приняли участие представители 50 африканских государств, в т.ч. 15 министров обороны и начальников генеральных штабов [5]; *в-третьих*, усилением вовлеченности Китая в решение проблем миротворчества в составе сил ООН; *в-четвертых*, наличием практически не поддающегося статистическому учету контингента служащих китайских частных военных и охранных компаний, сопоставимого с численностью военнослужащих китайской военной базы в Джибути⁷.

⁷ Подробнее о деятельности китайских ЧОП в Африке см. [6].

К 2020 г. китайские военнослужащие приняли участие в 18 миротворческих операциях ООН в Африке, в которых проходили службу более 32 тыс. военнослужащих КНР. К началу 2022 г. в составе миротворческих миссий на континенте проходят службу до 2 тыс. китайских военных, которые дислоцированы в ДР Конго, Мали и Южном Судане. Крупные китайские военные миссии на постоянной основе действуют в Эфиопии и Кот-д'Ивуаре. Свое участие в операциях ООН Китай объясняет необходимостью «брать на себя ответственность державы» за сохранение мира и создание «сообщества единой судьбы человечества»⁸.

Таблица 3. Матрица военного влияния
Table 3. Matrix of military impact

Страны	Параметры сравнения									Коэффициенты		Итоговое место в рейтинге
	1		2		3			4		1	2	
	Пункты обслуживания ВМС НОАК	Место в рейтинге	Закупка вооружения в 2001-2020 гг., млн \$	Место в рейтинге	Годы участия в миротворческих операциях	Военный контингент на территории страны, декабрь 2021 г.	Место в рейтинге	Количество ЧОК, действующих на территории страны	Место в рейтинге	Наличие военной базы	Наличие представительств ЧОК	
Северная Африка												
Судан		11	375,682	4	2005-2011; 2007-2020		5	1	11	1	1	5
Восточная Африка												
Джибути	Многофункциональный	1	0	49		8000 (военная база)	1	1	11	5	1	1
Замбия		11	244,859	6			13	1	11	1	1	8
Кения	Универсальный	5	389,388	3			13	5	2	1	1,3	2
Уганда		11	33,821	12			13	2	6	1	1	9
Эфиопия		11	87,263	8			13	2	6	1	1	6
Центральная Африка												
Ангола	Универсальный	5	14,545	19			13	1	11	1	1,1	10
Южная Африка												
ЮАР		11	43,363	9			13	6	1	1	1,5	3
Западная Африка												
Гана		11	236,349	7			13	1	11	1	1,1	7
Нигерия		11	980,087	1			13	4	3	1	1	4

Составлено по: United Nations Peacekeeping Operations, Special Political Missions and Other Political Presences, 2022. <https://www.unmissions.org/> (accessed 15.03.2022); UN Comtrade...; данные официальных сайтов китайских частных охранных компаний.

Важным компонентом военного измерения влияния является **торговля вооружением**. Информация об этом виде деятельности, бывает порой труднодоступна: не все страны декларируют закупку и продажу оружия и военной техники. Согласно данным *UN Comtrade*, африканские страны за последние 20 лет задекларировали поставку оружия и военной техники из КНР на сумму \$3,38 млрд, тогда как сама КНР оценила эти поставки на существенно меньшую сумму. Бывают случаи срыва поставок вооружений по независящим от страны-экспортера причинам. Например, во время кризиса в Зимбабве в 2008 г. китайское оружие для этой страны было задержано в порту ЮАР. Причиной тому стала острая критика на площадках ООН

⁸ China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations (In Chin.). <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm> (accessed 30.04.2022)

репрессивной политики президента Зимбабве Роберта Мугабе. Резолюция ООН по этому вопросу была заблокирована Китаем и Россией (хотя президент РФ Медведев и подписал ранее аналогичное заявление «Большой восьмерки»), но китайский корабль с вооружением был вынужден вернуться домой [7, 8].

Развитие логистических и инфраструктурных проектов КНР в Африке также играет важную роль в военном измерении влияния. Так, **логистическая система стационарного обеспечения ВМС НОАК** включает в себя порты трех категорий: специализированные (материально-техническое обеспечение) - в Накале (Мозамбик), Виктории (Сейшельские о-ва), Анцеранане (Мадагаскар); универсальные (пополнение запасов, кроме вооружения, отдых экипажа, стоянки кораблей и судов) - в Момбасе (Кения), Дар-эс-Саламе (Танзания); многофункциональные (возможно пополнение запасов вооружения, обслуживание вооружения) - в Джибути.

Один из важнейших транспортных узлов, созданных КНР в Африке, расположен в Джибути. Наряду с военной базой, здесь силами китайских компаний строятся два гражданских торговых порта, способных принимать суда практически любого водоизмещения и назначения, строится крупный аэропорт и район для обслуживающего персонала, приезжающего из Китая. По разным оценкам, на базе расквартировано от 2 до 3 тыс. китайских военнослужащих, при этом численность китайских военных на базе, согласно китайско-джибутийскому договору, может быть доведена до 8 тыс. человек.

В Матрицу военного измерения (см. табл. 3) влияния включены: наличие в африканских странах пунктов обслуживания ВМС НОАК; объем совокупной торговли оружием и военной техникой африканских стран с КНР; количество китайских военнослужащих на территории африканских стран; количество действующих на территории африканских стран китайских частных охранных компаний (ЧОК).

В этой Матрице введен повышающий коэффициент для стран, имеющих на своей территории представительства китайских ЧОК - от 1,5 до 1,1 - в зависимости от количества представительств. Повышающий коэффициент 5 применен к Джибути ввиду наличия на его территории китайской военной базы, имеющей исключительно важное значение в военной политике КНР.

По совокупности критериев военного сотрудничества, складывается следующий список приоритетных в военном отношении партнеров Китая - Джибути, Кения, ЮАР, Нигерия и Судан. Кроме них, отношения в военной сфере развиваются с Эфиопией, Ганой, Замбией, Угандой, Анголой и, с некоторой оговоркой, с Мали, Зимбабве, Мадагаскаром, ДР Конго и Мозамбиком.

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ

Культурно-идеологическое измерение влияния в определенном смысле носит характер индикатора, указывающего на качество китайско-африканских отношений.

Дело в том, что китайская политика *мягкой силы* опирается на ряд серьезных глобальных, а также некоторое число локальных гуманитарных проектов.

Речь идет о таких сферах, как информационные технологии и создание благоприятной информационной среды для китайской деятельности в Африке, о развертывании сети корпунктов крупнейших китайских информационных агентств и обусловленную этим плотную сеть радио- и телевидения на африканские страны, о создании сети мобильных операторов, которая взаимодействует с интернет-операторами, создавая альтернативное уже имеющемуся китайское информационное пространство. В китайском информационном пространстве как технические средства его обеспечения, так и контент этого пространства в значительной степени продиктованы китайскими геополитическими и иными интересами в регионе Африки.

Формальными показателями развитых отношений Китая с иностранными государствами на культурно-идеологическом уровне служит наличие китайских культурно-просветительских центров - Институтов и Классов Конфуция, действующих под контролем Китайского международного образовательного фонда⁹. Другим показателем китайского влияния в Африке служит рост числа представительств трех СМИ из китайской «большой четверки» - информационного агентства *Синьхуа*, телевизионной сети *CCTV* и *China Radio International (CRI)*¹⁰. Четвертый информационный гигант Китая - газета «*China Daily*» - производит свою печатную продукцию (газету «*Africa Weekly*») в Найроби (Кения), и уже оттуда распространяет ее по всему континенту¹¹. Деятельность вышеназванных учреждений явно свидетельствует о наращивании *мягкой силы* в регионах Африки.

⁹ Дословно с китайского языка название фонда переводится как «Китайский международный фонд образования на китайском языке» (中国国际中文教育基金), в переводе на англ. яз. - *China International Education Foundation* (прим. авт.).

¹⁰ Кроме европейских языков, *CRI* ведет также вещание на суахили (причем с 1960 г.) и на хауса. Имеет дочерние зарубежные радиостанции и радиошколы, интернет-радиоканалы, а также сотрудничает с более чем 160 радиостанциями мира. Основанная в 2011 г., *China International Broadcasting Network (CIBN)* - её дочерняя структура (прим. авт.).

¹¹ Подробнее см. [9].

Институты Конфуция (ИК) присутствуют в 46 странах (всего 62 Института), в т.ч. в 9 странах (Египет, Марокко, Кения, Мадагаскар, Танзания, Эфиопия, ЮАР, Гана и Нигерия) базируются два и более ИК. Лидер по количеству ИК в одной стране - ЮАР, где находится 6 ИК, в Кении - 4, в Марокко - 3 ИК.

Представительства и корпункты китайского государственного информационного агентства Синьхуа есть в 46 африканских странах. Они имеются во всех странах Северной Африки, причем в Египте оно является центральным во всем ближневосточном регионе.

В Африке южнее Сахары главное представительство располагается в столице Кении - Найроби. В Восточной Африке представительства и корпункты Синьхуа есть в 15 странах из 18, они охватывают своим влиянием 93,7% населения региона. В Южной части континента - в 3 странах из 5 - Ботсвана, Лесото и ЮАР (94,5% населения региона). В Центральной Африке - во всех странах, кроме ЦАР (97,3% населения региона). На Западе Африки - в 14 из 16 стран (91,6% населения региона), отсутствуя только в Гвинее и Мали.

Население Южной Африки охвачено китайским официальным радио- или телевещанием на 91%, Восточной - на 89%, Северной - на 82%, Западной - на 78%, Центральной - на 3,2%.

Ведущими партнерами в области культурно-идеологического сотрудничества стран Африки с КНР являются Кения, Египет, Эфиопия, ЮАР, Гана и Нигерия. К странам, играющим важную роль в распространении мягкой силы КНР в Африке, также отнесем по формальным признакам Марокко, Зимбабве, Мадагаскар, Танзанию, Уганду и, в чуть меньшей степени, - Алжир, Замбию, Камерун, Тунис и Сенегал. Не исключены из сферы культурно-идеологического влияния Китая также Того, Мавритания, Либерия, Кот-д'Ивуар, ДР Конго, Гвинея, Габон, Ангола, Мозамбик, Малави и Судан.

Таблица 4. Матрица культурно-идеологического влияния
Table 4. Matrix of cultural and ideological impact

Страны	Параметры сравнения												Коэффициенты				Итоговое место в рейтинге	
	1		2		3		4		5		6		1	2	3	4		
	Количество Институтов Конфуция	Количество Классов Конфуция	Место в рейтинге	Наличие представительства ИА Синьхуа	Место в рейтинге	Сотрудничество с CCTV	Место в рейтинге	CRI FM вещание или вещание на африканских языках	Место в рейтинге	Наличие филиалов Huawei	Место в рейтинге	Сотрудничество с ZTE Corporation	Место в рейтинге	Головной офис Синьхуа	Головной офис CCTV	Головной офис China Daily		Вещание на хауса и суахили
Северная Африка																		
Египет	2	3	2	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1,5	1	1		4
Марокко	3		4	+	1		11		15	+	1	+	1	1	1	1		10
Восточная Африка																		
Кения	4	1	2	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1,5	1,5	1,5	1	1
Танзания	2	1	4	+	1		11	+	1		13	+	1	1	1	1	1	8-9
Уганда	1		14	+	1	+	1	+	1		13	+	1	1	1	1	1	8-9
Эфиопия	2		6	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1	1	1		6
Центральная Африка																		
Камерун	1		14	+	1		11	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	7
Южная Африка																		
ЮАР	6	3	1	+	1	+	1		15	+	1	+	1	1	1	1		5
Западная Африка																		
Гана	2		4	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	2-3
Нигерия	2		4	+	1	+	1	+	1	+	1	+	1	1	1	1	1	2-3

Составлено по данным официальных сайтов *Huawei*, *ZTE*, *Xinhua*, *CCTV* и *China International Education Foundation*.

В Матрицу культурно-идеологического измерения влияния (см. табл. 4) включены следующие параметры: количество Институтов и Классов Конфуция; наличие представительств и корпунктов информационного агентства Синьхуа; наличие у африканских стран договоров с *CCTV*; FM-вещание на африканских языках на территории африканских стран; наличие филиалов *Huawei* и филиалов *ZTE Corporation*.

В Матрице применены повышающие коэффициенты (1,5) для стран, в которых располагаются головные офисы Синьхуа, *CCTV* и «*China Daily*».

Поскольку культурно-идеологическое влияние КНР в Африке носит тотальный характер, охватывая практически весь континент, а методы и средства этой политики имеют стереотипный характер, это отражается в соответствующей Матрице: ряд позиций по культурно-идеологическому измерению влияния занимают сразу два и более государства (2-е, 8-е, 14-е и 18-е места в рейтинге).

ИТОГОВЫЙ РЕЙТИНГ ВЛИЯНИЯ

В табл. 5 представлена Генеральная матрица влияния, в которой объединена информация по 5-ти матрицам влияния (геополитической, торгово-экономической, финансово-инвестиционной, военной и культурно-идеологической).

Таблица 5. Генеральная матрица влияния
Table 5. General Matrix of impact

Страны	Геополитическое измерение влияния	Торгово-экономическое измерение влияния	Финансово-инвестиционное измерение влияния	Военное измерение влияния	Культурно-идеологическое измерение влияния	Итоговый рейтинг
Северная Африка						
Египет	3	17	13	16	4	7
Судан	12	11	17	5	35	12
Восточная Африка						
Замбия	17	10	3	8	16	8
Зимбабве	13	33	18	12	14-15	15
Кения	4	15	4	2	1	2
Мозамбик	18	22	8	15	18-27	13-14
Танзания	7	17	11	18	8-9	10
Уганда	19	38	7	9	8-9	13-14
Эфиопия	9	13	2	6	6	5-6
Центральная Африка						
Ангола	6	1	1	10	18-27	5-6
ДР Конго	10	2	16	14	18-27	9
Камерун	16	13	5-6	32	7	11
Южная Африка						
ЮАР	2	3	15	3	5	3
Западная Африка						
Гана	11	5	10	7	2-3	4
Нигерия	1	7	9	4	2-3	1

Составлено авторами.

В соответствии с приведенными в табл. 5 сводными данными, группа приоритетных для КНР стран Африки выглядит следующим образом: Нигерия, Кения, ЮАР, Гана, Ангола и Эфиопия (5-е - 6-е места), Египет, Замбия, ДР Конго и Танзания.

За пределами текста статьи по нижеприведенной ссылке¹² любой читатель может получить доступ к интерактивным таблицам, часть из которых фрагментарно приведена в данной статье.

¹² Зеленев Е.И., Солощева М.А. Генеральная матрица влияния. <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1687TFL48LQRSBPQ10IEMTynNQ6EsLHdO3MkDtTfxf-Y/edit> (accessed 30.05.2022)

Получив доступ к этим таблицам в интернет-пространстве, заинтересованное лицо может попробовать, во-первых, провести собственные вычисления и проверить те из них, которые легли в основу выводов нашей статьи. Во-вторых, при обращении к авторам статьи, читателю может быть предоставлен доступ к инструменту, позволяющему менять коэффициенты в зависимости от приоритетных задач исследования и получать скорректированные в соответствии с интересами исследователя результаты.

Иными словами, предложенный в Генеральной матрице влияния рейтинг на самом деле является лишь одной из возможных его версий. Рассматривая под этим углом зрения контент статьи и ее выводы, авторы предлагают воспринимать их не как безусловный и однозначный конечный результат, а как определенный этап формирования более сложных инструментов научного исследования на основе собранной и постоянно пополняющейся базы данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если допустить, что 5 примененных в статье измерений влияния имеют для политики КНР одинаковый вес, то среди первых 20 стран рейтинга наибольшее количество стран будет относиться к Восточной Африке (Кения, Эфиопия, Замбия, Танзания, Зимбабве, Мозамбик, Уганда и Мадагаскар). В остальных регионах Африки приоритетными являются: в Западной Африке - Нигерия и Гана (1-е и 4-е место), далее - Кот-д'Ивуар и Сенегал (19-е и 20-е). Из государств Южной Африки в число стран первых двух десятков рейтинга входит только ЮАР, причем на высоком, 3-ем месте, из стран Центральной Африки - Ангола (5-е - 6-е место), ДР Конго (9-е), Камерун (11-е) и Конго (17-е место). Из стран Северной Африки в первую 20 рейтинга входят: Египет (7-е место), Судан (12-е), Марокко (16-е) и Алжир (18-е место).

В последние годы приоритетное место в китайских планах освоения Африки занимает геополитический блок Джибути-Кения-Эфиопия-Судан и примыкающий к ним Южный Судан, в общем рейтинге находящийся в конце четвертой десятки рейтинга африканских стран.

Другой важный геополитический блок - Ангола-Замбия-Мозамбик - представляет собой геополитическую ось, разделяющую Южную и Центральную Африку и соединяющую африканские побережья Атлантического и Индийского океанов.

На восточном африканском побережье до недавнего времени сравнительно слабо охваченной китайским влиянием оставалась Танзания. К сегодняшнему моменту там также активизировалась работа по подключению этого государства к китайским стратегическим инициативам¹³.

На атлантическом побережье Африки китайские позиции сильны в Нигерии, Гане, Анголе, ДР Конго, Камеруне, Конго и с большим отрывом - в Кот-д'Ивуаре и Сенегале. *Страны-последователи* КНР располагаются вдоль всего западного побережья Африки, а с учетом двух государств-партнеров (ЮАР на юге и Марокко на севере), тезис о неосвоенности Китаем атлантического побережья оказывается несостоятельным.

Вторгаясь в регион, где до этого господствовали страны условного Запада во главе с США, КНР оказывается втянута в финансово затратную конкуренцию, которая в перспективе может перейти в состояние экономической войны, не исключая также риск вооруженного столкновения с конкурентами. Готовясь к возможным политическим кризисам, Китай выстраивает со многими странами африканского континента отношения по типу *страна-лидер* и *страна-последователь* (в грубо прагматичной форме - кредитор и должник), что дает Китаю дополнительный инструмент воздействия на африканского партнера в кризисных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019, № 2. С. 227-239.
Sizykh E.Yu. Current Trends and Prospects of Direct Foreign Investment Export from China. *Bulletin of Baikal State University*. 2019, № 2, pp. 227-239 (In Russ.).
2. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 6-29.
Fituni, L.L. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa). *Political Processes in the Changing World*, 2019, № 12 (3). Pp. 6-29 (In Russ.).

¹³ 17 апреля 2019 г. Синьхуа объявило об успешно прошедшем однодневном диалоге на высоком уровне по вопросам инвестиций и деловой среды - «Танзания-Китай 2019», открывшем перспективы китайско-танзанийского сотрудничества, прежде всего, в сфере инвестиций и финансов (*прим. авт.*).

3. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии и прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. *Стратегические изыскания*. М. 2019. С. 83-97.
Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by A.D.Voskressenski. *Strategic Research*. Moscow. 2019. Pp. 83-97 (In Russ.).
4. 李庆四, 陈春雨, 试析中国的海外港链基地战略 // 区域与全球发展, 2019年02期123-137页. (Li Qingsi, Chen Chunyu, Analysis of Chinese Overseas Port String Bases Strategy, *Regional and Global Development*. 2019, № 2, pp. 123-137) (In Chin.).
5. Xu Yi. Overview of 1st China-Africa Peace and Security Forum, July 17, 2019. Ministry of National Defence. http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/17/content_4846012.htm (accessed 24.04.2022)
6. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс. *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 157-158.
Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis. *Comparative Politics*. 2021, № 3. Pp. 142-164 (In Russ.).
7. Alao A. Mugabe and the Politics of Security in Zimbabwe, Montreal: McGill-Queen's University Press, 2012. Pp. 189-190.
8. Thompson R. Assessing the Chinese Influence in Ghana, Angola, and Zimbabwe: The Impact of Politics, Partners, and Petro. Stanford University: Centre for International Security and Cooperation (CISAC), 2012. P. 102.
9. Zhang X.A World of Shared Influence. *Zhang, Wasserman and Mano, China's Media and Soft Power in Africa*. Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 7-11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University - St. Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург, Россия.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African studies, HSE University - St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2022

Процессы цифровизации в Иране в период санкций

© Решиков О.И.^а, 2022

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3249-778X; reshchikov.oleg@gmail.com

Резюме. Современный дискурс по тематике цифровизации создает широкое поле для изучения страновых примеров. Особый интерес представляет ситуация в Исламской Республике Иран в контексте оказываемого на нее внешнего санкционного давления.

Тегеран проявляет заинтересованность в развитии многостороннего сотрудничества в рамках форматов, которые имеют свою «цифровую» повестку. Прежде всего, речь идет о Евразийском экономическом союзе, Шанхайской организации сотрудничества, группе БРИКС и «каспийской пятёрке». Интернет-технологии создали возможности для реализации внешнеполитических интересов страны.

Иран входит в топ-100 мировых рейтингов цифрового развития. Процессы цифровизации в Исламской Республике соответствуют трендам, характерным для других стран региона. Увеличиваются показатели доступа населения к сети Интернет посредством проводного и мобильного подключения. Значительными темпами растет масштаб и номинальный объем электронной торговли. Национальный сегмент «цифровой экономики» продемонстрировал устойчивость к «санкционным шокам».

Проблематика внедрения информационно-коммуникационных технологий находит отражение в национальных планах среднесрочного развития. Правительство Ирана рассматривает цифровую трансформацию в качестве фактора будущего экономического благосостояния населения страны. Ведется работа по расширению линейки государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, и обеспечению доступа к ключевым сервисам как в городах, так и селах. Готовится переход к системе «одного окна». Внедрение цифровых технологий охватывает среди прочего сферы образования, здравоохранения, регулирования предпринимательства и жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: Иран, экономика, цифровая экономика, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, санкции

Для цитирования: Решиков О.И. Процессы цифровизации в Иране в период санкций. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 26-33. DOI: 10.31857/S032150750021324-8

Digitalization processes in Iran during the period of sanctions

© Oleg I. Reshchikov^a

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
ORCID ID: 0000-0003-3249-778X; reshchikov.oleg@gmail.com

Abstract. A set of unilateral sanctions against Iran had a negative impact on the economy of the Islamic Republic. Although restrictions harmed purchasing power of the population as well as IT-related businesses, the digital sector by relying on domestically designed systems showed resistance to 'sanctions shocks'.

World rankings place Tehran among the top 100 countries across various indicators of digital development. Global review indicates that the percent of population with Internet access in Iran has significantly increased recently, which corresponds to trends in some countries of the region. According to the national data, the Islamic Republic has achieved considerable results in expanding the network of broadband subscribers both in cities and rural area. Iranian electronic commerce is on the rise. There is a hike in the e-commerce sales nominal value and the number of online orders.

Nowadays Tehran puts emphasis on enhancing multilateral cooperation within regional and inter-regional groupings that have their own digital agenda in line with the times. In particular, it is about the Eurasian Economic Union (EAEU), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the BRICS and the 'Caspian five'. Intensifying such contacts could lead to adoption of new digital solutions inside the Islamic Republic.

Specific elements of digitalization are reflected in national medium-term development plans. The Government considers digital transformation as a promising opportunity to generate economic growth. Serious effort is underway to improve e-government services and also manage a transition to a special 'single-window' gateway. Implementation of digital technologies in Iran has covered, inter alia, education, healthcare, housing and utility services, regulation of business activity.

Keywords: Iran, economy, digital economy, digitalization, information and communication technologies, sanctions

For citation: Oleg I. Reshchikov. Digitalization Processes in Iran during the Period of Sanctions. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 26-33 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021324-8

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время проблематика оценки трендов цифровизации на глобальном, региональном и страновом уровнях находится в поле зрения исследователей, национальных правительств и международных организаций. В современном иранском общественно-политическом и экономическом дискурсе закрепляется категория «цифровая трансформация» (*tahavvol-e dijital*). Правительство Исламской Республики Иран (ИРИ) рассматривает «цифровую экономику» (*eqtesād-e dijital*) в качестве сегмента, способного стать значимой частью валового внутреннего продукта (ВВП) страны и обеспечить устойчивую занятость в условиях расцвета экономической деятельности [1, p. 22].

Комплексный обзор данных о цифровизации в Иране представляет особый интерес еще и с учетом того, что на фоне внешнего санкционного давления в стране сложилась многогранная цифровая среда, в которой функционируют разработанные в ИРИ государственные и частные цифровые продукты. Правительство увеличивает спектр госуслуг, предоставляемых в электронном виде, и расширяет географию их доступности в регионах страны. Созданы и работают национальные электронные платежные системы [2]. Функционирует технопарк (стартап-кампус) «Пардис» (провинция Тегеран). В режиме «онлайн» иранским потребителям доступны отечественные маркетплейсы, мобильные приложения банков, мессенджеры, видео-хостинги, сервисы вызова такси или курьера, Интернет-телевидение.

Тематика внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различные сферы жизни населения страны находит отражение в государственных стратегиях среднесрочного планирования комплексного развития страны. К примеру, в 5-м пятилетнем плане развития на 1390-1394 гг. (2011/12 - 2015/16 гг.¹) была закреплена установка о необходимости обеспечения доступа к сети Интернет 60% домохозяйств и всех экономических операторов. При этом долю отрасли информационных технологий в ВВП страны предполагалось довести до 2%².

План на 6-ю «пятилетку», рассчитанную на 2017/18 - 2021/22 гг., содержит положения о развитии инфраструктуры ИКТ, расширении линейки электронных госуслуг и внедрении систем электронного обмена информацией между органами государственной власти³.

ФАКТОР САНКЦИЙ

За последнее десятилетие Исламская Республика пережила два «санкционных шока» - в 2012 и 2018 гг.

Первый был связан с введением США и Европейским Союзом эмбарго на поставки иранской нефти и отключением ИРИ от международной системы передачи финансовых сообщений *SWIFT*, второй - с провозглашением Вашингтоном политики «максимального давления» в отношении Тегерана и эскалацией американских антииранских санкций.

В обоих случаях внешние рестрикции обусловили сокращение ВВП страны и вкуче с внутренними факторами - рост инфляции [3; 4]. ВВП ИРИ в 2012/2013 г. сократился на 6,17%, в 2018/19 г. - на 4,92%. Инфляция в городах в 2012/13 г. составила 28,6% (в 2011/12 г. - 26,4%), в 2018/19 г. - 26,6% (в 2017/18 г. - 8,1%) [5, p. 27; 6, pp. 35, 48].

В иранских бизнес-кругах сферы Интернет-коммерции указали на то, что санкции 2018 г. ударили по покупательной способности населения, вынудили некоторые местные и зарубежные компании приостановить свою деятельность на рынке, а также создали барьеры для использования стартапами международных онлайн-сервисов⁴.

Тем не менее, по оценке иранских исследователей, сегмент «информационные технологии» в период 2012-2019 гг. имел тенденцию к поступательному наращиванию своей доли в ВВП страны, что свидетельствует о его устойчивости перед «санкционными шоками». В 2012 г. ИТ-сегмент в ВВП Ирана имел долю в 0,13%, в 2013 г. - 0,36%. В дальнейшем, в 2017 г. ИТ-сегмент составил 0,44% ВВП, в 2018 г. - 0,59%, в 2019 г. - 0,71%⁵.

¹ В Иране используется своя версия исламского летоисчисления - Солнечная Хиджра. Отсчет ведется с 622 г., календарный год начинается в день весеннего равноденствия (обычный год - 21 марта, високосный - 20 марта) (*прим. авт.*).

² Fifth Five-Year Development Plan of the Islamic Republic of Iran (In Pers.). https://www.satba.gov.ir/suna_content/media/image/2016/06/4668_orig.pdf (accessed 24.06.2022)

³ Sixth Five-Year Economic, Social and Cultural Development Plan of the Islamic Republic of Iran Law. *Official Newspaper*, 2017, vol. 20995, pp. 19-20 (In Pers.). <https://www.rk.ir/Files/Laws/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%...> (accessed 28.06.2022)

⁴ Iranian E-Commerce Unionist Reviews US Sanctions: Interview. *Financial Tribune*, 07.01.2019. <https://financialtribune.com/articles/sci-tech/96008/iranian-e-commerce-unionist-reviews-us-sanctions-jahromi-s-performance> (accessed 21.06.2022)

⁵ Iran Digital Economy Report 2020. *Saytek*, 2021. <https://saytek.ir/wp-content/uploads/2021/05/Iran-Digital-Economy-Report-2020-Preview.pdf> (accessed 24.06.2022)

ЭЛЕМЕНТЫ «ЦИФРЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

Тегеран последовательно прилагает усилия, направленные на активизацию своего участия в многосторонних форматах взаимодействия, в каждом из которых имеется своя «цифровая» повестка. В первую очередь, речь идет о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), группе БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и «Каспийской пятерке» (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан).

С 2019 г. действует Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и ИРИ. В документе, в частности, акцент сделан на том, что приоритет в обмене таможенной информацией отводится электронному формату⁶. В 2022 г. продолжаются переговоры о запуске полноформатного режима свободной торговли.

В сентябре 2021 г. по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС было принято решение о начале процедуры приема Ирана в члены организации⁷. В повестку этой структуры входит широкий круг вопросов сотрудничества в сферах безопасности, торговли, экономики и культуры, где также присутствует «цифра». К примеру, в 2019 г. была одобрена Концепция сотрудничества в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий.

Исламская Республика подала заявку на присоединение к группе БРИКС. В июне 2022 г. на саммите объединения особый акцент был сделан на вопросах, связанных с развитием цифровой экономики и применением цифровых технологий в различных отраслях⁸. «Цифровая» проблематика поднимается в рамках саммитов «каспийской пятерки» и Каспийского экономического форума (КЭФ)⁹. Обсуждается тематика сотрудничества в сфере цифровой экономики и цифровизации внешнеторговых операций, грузоперевозок и логистики¹⁰.

Нарастает потенциал информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Ирана. Министерство иностранных дел, руководство ведомства, а также заграничные учреждения и их руководители используют аккаунты в социальных сетях в качестве одного из инструментов доведения до мировой общественности официальной позиции Тегерана. Кроме того, МИД обеспечивает функционирование портала оформления заявлений на получение электронной визы для въезда в Иран.

ИНДИКАТОРЫ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИРАНА
В МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАТИСТИКЕ И МИРОВЫХ РЕЙТИНГАХ

Обзор глобальных данных позволяет по отдельным показателям оценить положение ИРИ в мире и регионе. С учетом отечественной практики востоковедения интерес также представляет сравнение позиций Ирана и Турции [7; 8].

Таблица 1. Число пользователей сети Интернет в Иране, Турции и некоторых арабских странах Ближнего Востока
Table 1. Individuals using the Internet in Iran, Turkey and some Arab states in the Middle East

	Число пользователей сети Интернет, % населения		Население, млн чел.		ВВП (в текущих ценах), \$ млрд	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Иран	15,9	84,1	73,76	83,99	486,81	203,47
Турция	39,8	77,7	72,33	84,34	776,99	719,95
Иордания	27,2	66,1	7,26	10,20	27,13	43,70
ОАЭ	68,0	100,0	8,55	9,89	289,79	358,87
Саудовская Аравия	41,0	97,9	27,42	34,81	528,21	700,12

Источник: <https://data.worldbank.org/country/> (accessed 24.06.2022)

⁶ Interim Agreement leading to formation of a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part. *Eurasian Economic Commission*, 2018. [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/...](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/) (accessed 24.06.2022)

⁷ Meeting of the SCO Heads of State Council. President of Russia, 17.09.2021. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/66706> (accessed 29.06.2022)

⁸ XIV BRICS Summit Beijing Declaration. President of Russia, 23.06.2022. <http://en.kremlin.ru/supplement/5819> (accessed 24.06.2022)

⁹ Первый КЭФ состоялся в августе 2019 г. в г.Туркменбаши, Туркменистан. Проведение Второго КЭФ планируется в России (прим. авт.).

¹⁰ Fifth Caspian Summit. President of Russia, 12.08.2018. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58296> (accessed 24.06.2022)

Анализ сводных материалов Всемирного банка за период 2010-2020 гг. выявил, что увеличение числа пользователей Интернета в Иране соответствовало тенденции, характерной для некоторых стран региона. По данному показателю Исламская Республика по итогам 2020 г. опередила такие государства, как Турция и Иордания, хотя в 2010 г. по сравнению с ними находилась на более низких позициях (см. табл. 1).

Данные, представленные в докладах Международного союза электросвязи (МСЭ) о статистическом измерении информационного общества, также свидетельствуют о растущей степени проникновения широкополосной связи в Иране, а также в других странах региона. Так, в 2017 г. число абонентов сотовой связи на 100 чел. населения в Иране составило 107,3, что больше, чем у Турции (96,4). Число активных абонентов сотовой широкополосной связи на 100 чел. в 2017 г. в Иране составило 68,2 против нуля в 2010 г. и приблизилось к показателям Турции (70,5) [9, pp. 218-225; 10, pp. 80, 87, 158, 184, 189].

В мировых рейтингах цифрового и экономического развития, подготовленных международными организациями и исследовательскими центрами, Иран входит в топ-100, а в отдельных случаях и в топ-50 стран, сведения о которых принимаются в расчет при подготовке таких материалов. Среди прочих выделяется Индекс электронной торговли за 2020 г., опубликованный Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В нем Иран занимает более высокие позиции по сравнению с Турцией, хотя в остальных рейтингах представленной ниже выборки Анкара опережает Тегеран (см. табл. 2). Вместе с тем, Иран, в отличие от Турции, не фигурирует во Всемирном рейтинге цифровой конкурентоспособности и Глобальном индексе сетевого взаимодействия¹¹.

Таблица 2. Позиции Ирана и Турции в мировых рейтингах цифрового и экономического развития
(справочно: в Индексе человеческого развития)

Table 2. Iran and Turkey in world rankings of digital and economic development
(for reference: Iran and Turkey in the Human Development Index)

Наименование рейтинга, год публикации (организация-публикатор)	Место Ирана в рейтинге	Страны- «соседи» Ирана в рейтинге	Место Турции в рейтинге	Страны-лидеры рейтинга
Индекс развития ИКТ, 2017 г. (МСЭ)	81 из 176	Китай, Сент-Винсент и Гренадины	67 из 176	Исландия, РК, Швейцария
Индекс развития электронного правительства, 2020 г. (Департамент экономического и социального развития ООН)	89 из 193	Индонезия, Фиджи	53 из 193	Дания, РК, Эстония
Индекс электронной торговли В2С, 2020 г. (ЮНКТАД)	44 из 152	Сербия, Румыния	57 из 152	Швейцария, Нидерланды, Дания
Глобальный инновационный индекс, 2021 г. (Всемирная организация интеллектуальной собственности)	60 из 132	Северная Македония, ЮАР	41 из 132	Швейцария, Швеция, США
Индекс готовности к сетевому обществу, 2021 г. (Институт Портуланс, США)	79 из 130	Шри-Ланка, Албания	45 из 130	Нидерланды, Швеция, Дания
Индекс инклюзивного интернета, 2022 г. (Economist Impact, Великобритания)	45 из 100	Венгрия, Вьетнам и Индонезия	43 из 100	Сингапур, РК, США
Индекс человеческого развития, 2019 г. (Программа развития ООН)	70 из 189 (вместе с Кубой)	Албания, Шри-Ланка	54 из 189	Норвегия, Ирландия, Швейцария

Составлено по: [11; 12; 13, pp. 14-16; 14, pp. 95, 161; 15; 16; 17].

ИНДИКАТОРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ ИРАНА

Для оценки развития информационного общества и цифровизации экономики ИРИ могут быть применены показатели, учетом которых занимаются Статистический центр при Организации по планированию

¹¹ World Digital Competitiveness Ranking. <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (accessed 24.06.2022); Global Connectivity Index 2020. <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/index.html> (accessed 24.06.2022)

и бюджету, Министерство связи и информационных технологий и Центр электронной торговли при Министерстве промышленности, рудников и торговли.

Отдельный раздел «информационные технологии» появился в ежегоднике Статистического центра 2013/14 г. Специальные исследования проводились также в 2008/09, 2010/11, 2013/14, 2015/16, 2017/18 гг. [18, p. 487].

По итогам 2017/18 г. было зафиксировано, что за 10 лет наблюдений доля домашних хозяйств, имеющих компьютер, выросла с 30,2% до 69,7%, а доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету - с 18,2% до 72,8%. Подъем в этих сегментах произошел на фоне стабильно высокой степени телефонизации населения (более 90%), которая позволяет обеспечивать подключение к Интернету по технологии *xDSL*. Помимо этого, протяженность междугородних волоконно-оптических линий связи в Иране в 2020/2021 г. составила примерно 71,2 тыс. км. За 10 лет прирост составил 24,3 тыс. км [18, p. 502].

Статистический центр в рамках работы по систематизации данных, необходимых для анализа исполнения положений 6-й «пятилетки», уточнил, что по итогам 2020/2021 г. доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, составила 86%. Доступ к высокоскоростному Интернету получили 99% школ, расположенных в пригородах мегаполисов, селах и городах с населением до 20 тыс. человек [6, p. 103].

В период с 2016/17 по 2020/21 гг. существенно увеличилось число абонентов мобильной связи. По состоянию на март 2021 г. широкополосным мобильным Интернетом пользовались 84,2 млн из 131,1 млн абонентов (62,4%). При этом было зарегистрировано 10,6 млн активных линий стационарного высокоскоростного Интернета [18, p. 500].

В Иране рынок мобильной связи представлен тремя игроками - Компанией мобильной связи Ирана (*MCI / Hamrah-e Avval*), *Irancell* и *RighTel*. Оператор *MCI* по состоянию на март 2021 г. имел наибольшее число абонентов не только мобильной связи (53,7%), но и широкополосного мобильного Интернета (52%). Компания декларирует 100%-ное покрытие городов страны сетями *3G*, *4G* и *4.5G*. В период с декабря 2020 г. по март 2021 г. трафик примерно 75% её пользователей Интернета осуществлялся через сеть *4G*¹². Следует также отметить, что *MCI* и *Irancell* занимаются развитием сетей *5G* в городах ИРИ¹³.

Национальные коэффициенты проникновения отдельных видов связи и устройств среди населения Ирана рассчитываются Министерством связи и информационных технологий. Центр электронной торговли (ЦЭТ) при Министерстве промышленности рудников и торговли использует их в своих материалах. По итогам 2021/22 г. уровень проникновения мобильных телефонов среди населения Ирана составил 166%, а уровень проникновения широкополосного Интернета (фиксированного и мобильного) - 127,5%¹⁴. Кроме того, ЦЭТ с опорой на зарубежные оценки сообщил, что в 2021 г. уровень проникновения смартфонов в Иране составил 69% [19, p. 15].

Что касается Интернет-коммерции, ЦЭТ исходит из того, что в стране в данном сегменте функционируют примерно 350 тыс. предприятий. По состоянию на март 2021 г. 89 тыс. из них (около 25%) имели электронный сертификат *eNamad*. Этот «знак доверия» с двухгодичным сроком действия оформляется ЦЭТ после проверки информации о предприятии, поданной заявителем [19, p. 37]. Растет количество электронных подписей, оформленных в инфраструктуре открытых ключей Ирана: в 2018/19 г. - 126,6 тыс., в 2019/20 г. - 181,9 тыс. (прирост - 43%), в 2020/21 г. - 589,5 тыс. (+ 224%) [19, p. 19].

ЦЭТ фиксирует последовательное увеличение номинального объема электронной торговли (см. табл. 3). «Бум» в этом сегменте рынка в 2020/2021 г. можно рассматривать в контексте активизации коммерческой деятельности в виртуальной среде на фоне локдаунов в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции *COVID-19*.

Сокращение реальных объемов электронной торговли в 2018/19 г. можно связать с общим ухудшением экономической ситуации в стране вследствие американской «политики максимального давления» [4, с. 186-191]. В связи с этим необходимо упомянуть, что на конец 2018/19 г. уровень инфляции (совокупно в городах и селах) достиг отметки 26,9% (2017/18 г. - 8,2%), а курс национальной валюты (риала) - 128 тыс. за \$1 (2018/19 г. - 47 тыс.)¹⁵. При этом ВВП сократился на 4,9%, а импорт товаров - на 20% (в 2017/18 г. - \$54,5 млрд, в 2018/19 г. - \$43,2 млрд) [6, p. 35].

¹² Full Report of the Hamrah-e Avval Stakeholders Assembly. *IRNA*, 20.05.2021 (In Pers.). irna.ir/xjDRV4 (accessed 30.06.2022)

¹³ One Year of the 5G Internet in Iran. *ISNA*, 23.07.2021 (In Pers.). <https://www.isna.ir/news/1400050100150/> (accessed 30.06.2022)

¹⁴ Internet Penetration Rate in Iran Passes 127%. *Donyā-ye Eqtesād*, 25.04.2022 (In Pers.). <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3860092> (accessed 24.06.2022)

¹⁵ Weighted Average Market Exchange Rate. <http://www.sanarate.ir/Default.aspx> (accessed 24.06.2022)

Таблица 3. Объем электронной торговли Ирана
Table 3. Volume of electronic commerce in Iran

Финансовый год	Номинальный объем электронной торговли			Реальный объем электронной торговли*	
	Всего, трлн риалов	Прирост, %	Всего, \$ млрд **	Всего, трлн риалов	Прирост, %
2017/2018	1 594	-	≈ 33	696	-
2018/2019	2 081	31	≈ 16	603	-13
2019/2020	4 230	103	≈ 29	868	44
2020/2021	10 970	159	≈ 46	1 544	78

* Базовый год - 2011/2012 г.

** Расчет произведен на основании данных Центрального банка ИРИ (*Sanarate*) на последнюю отчетную дату соответствующего фин. года.

Составлено по: [19, pp. 23-24].

По данным иранской электронной процессинговой системы *Shaparak* за 2020/21 г., 70% от общей суммы онлайн-заказов были оплачены через Интернет-порталы платежей (7679 трлн риалов - примерно \$32 млрд). Оплата 30% заказов была выполнена через *POS*-терминалы, наличными или картой при получении (*cash/card on delivery - COD*), а также посредством онлайн-переводов с карты на карту или банковских переводов по выставленным счетам (3291 трлн риалов - примерно \$14 млрд). Общее число заказов через Интернет-порталы платежей также растет: в 2017/18 г. - 437,9 млн риалов, в 2018/19 г. - почти 774 млн (прирост - 77%), в 2019/20 г. - более 1 млрд (+ 37%), в 2020/21 г. - более 1,5 млрд (+ 49%) [19, pp. 22, 26].

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

На современном этапе правительство ИРИ расширяет спектр государственных услуг, предоставляемых гражданам в электронном виде. Доля переведенных в онлайн-формат госуслуг в 2020/21 г. составила 75%. В 2017/18 г. этот показатель находился на уровне 40%. Параллельно в стране увеличена доля сел с 20 домохозяйствами и более, которые имеют доступ к 4 основным категориям электронных госуслуг (здравоохранение, образование, сельское хозяйство, финансово-банковские дела): в 2017/18 г. - 50%, в 2020/21 г. - 91% [6, p. 103].

Функционирует «Национальный портал умных услуг Правительства», где в различные категории собраны услуги по профильным направлениям. По архитектуре представляет собой каталог, который позволяет пользователю перейти на Интернет-сайт ведомства, занимающегося тем или иным вопросом. В частности, это:

- получение единого «экономического номера» предприятия, отправка налоговой декларации, оплата налогов (переход на сайт Организации по налоговым делам Ирана),
- замена общегражданского паспорта, регистрация смены имени и фамилии, регистрация рождения ребенка, регистрация смерти (переход на сайт Организации записи актов гражданского состояния),
- отслеживание почтовых отправлений (переход на сайт Почты Исламской Республики Иран),
- истребование документов о начальном и среднем образовании (переход на сайт Министерства воспитания и образования)¹⁶.

Министерство связи и информационных технологий ведет работу по переводу «умных услуг Правительства» в формат «одного окна». На 2022/23 г. запланирован запуск соответствующего единого портала¹⁷. Кроме того, ведомство совместно с мобильными операторами реализует проект в области обеспечения безопасного ограниченного доступа детей в сеть Интернет («детский Интернет»)¹⁸.

В рамках реализации мер по противодействию контрабанде и борьбе с преступностью, включая кибермошенничество, с 2017 г. в Иране действует процедура обязательной регистрации мобильных устройств по заводскому номеру *IMEI*. Соответствующая программа была реализована Министерством промышленности, рудников и торговли, Министерством связи и информационных технологий вместе с подведомст-

¹⁶ Smart Government Services National Website (In Pers.). <https://iran.gov.ir/> (accessed 24.06.2022)

¹⁷ Smart Services National Window: End of People's 20-year Wait. *IRNA*, 31.05.2022 (In Pers.). irna.ir/xjJwzP (accessed 15.06.2022)

¹⁸ Second Opening of the Internet for Children via ICT Ministry. *Donyā-ye Eqtesād*, 25.06.2022 (In Pers.). <https://www.donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-3876160> (accessed 20.06.2022)

венным ему профильным органом по регулированию деятельности в сфере коммуникаций и Таможенной администрацией ИРИ.

Заслуживает внимания представленный в июне 2019 г. тогдашним министром энергетики Ирана Р.Ардаканианом «Национальный план “зеленых” квитанций», в основу которого была заложена идея перехода от бумажных счетов за жилищно-коммунальные услуги к онлайн-платежам¹⁹. В сжатые сроки, к сентябрю 2019 г., 96% абонентов энергоснабжающих организаций уже были переведены на СМС-оповещения, в которых содержится информация для проведения оплаты по банковской карте через Интернет²⁰.

В 2020 г., в период эпидемии *COVID-19* и введения карантинных мер в школах, когда остро стоял вопрос о необходимости обеспечения непрерывности процесса обучения учащихся школ, наравне с трансляцией уроков по телевидению была запущена работа системы *Shad* («Социальная сеть обучающихся»). Проект был реализован мобильным оператором *MCI* в сотрудничестве с Министерством образования Ирана. К системе были подключены 147 тыс. школ, 750 тыс. учителей и 13 млн школьников²¹.

На цифровые рельсы встают надзор в сфере здравоохранения и регулирование деятельности частного сектора. Осуществлен переход на обязательное оформление медучреждениями электронных рецептов на получение пациентами лекарств в аптеках²². Запущен портал по облегчению процедуры выдачи разрешений на работу предпринимателей, что, по оценкам Правительства, позволит увеличить налоговые доходы бюджета²³.

Проводится внедрение комплексов электронного голосования (КЭГ). К выборам депутатов городских и сельских советов, которые прошли одновременно с выборами Президента ИРИ в июне 2021 г., были подготовлены 34 тыс. КЭГов для установки на 10 тыс. избирательных участках²⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы цифровизации в Иране показывают устойчивость к внешним санкциям, а также к глобальным потрясениям, к числу которых, безусловно, относится пандемия *COVID-19*, что свидетельствует о существенном потенциале отрасли ИКТ и цифровой экономики ИРИ. Как представляется, с учетом нынешних тенденций санкции следует рассматривать как фактор, сдерживающий масштаб и темпы развития цифровой экономики страны.

Углубление участия Ирана в многосторонних форматах сотрудничества происходит на фоне общего усиления трендов цифровизации в мире и закрепления «цифровой» повестки в деятельности международных объединений. Совместная работа со странами-партнерами может стимулировать изучение Тегераном зарубежной практики использования ИКТ в хозяйственной деятельности и внедрение новых цифровых решений в экономике ИРИ.

Следует ожидать дальнейшего роста уровня проникновения отдельных видов связи среди населения и наращивания объемов электронной торговли. Вместе с тем можно прогнозировать дальнейшее развитие сегмента электронных государственных услуг. В этой связи интерес будут представлять позиции Исламской Республики в международной статистике и мировых рейтингах в последующие годы. В перспективе на национальном уровне могут быть выработаны комплексные подходы к измерению процессов цифровизации. Не исключено также, что новые задачи по развитию цифровой экономики будут сформулированы в следующих среднесрочных планах развития страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Zāre'pur I. Proposed programme for the Ministry of Communication and Information Technology (In Pers.). <https://newsmedia.tasnimnews.com/Tasnim/Uploaded/Document/1400/05/23/140005231150015272338295.pdf> (accessed 24.06.2022)
2. Андреев Л.А. Платежная система Ирана. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 1. С. 62-65.
Andreev L.A. Payment System of Iran. *Asia and Africa Today*. 2015. № 1. Pp. 62-65 (In Russ.).

¹⁹ Presentation of Green Receipt National Plan. *IRNA*, 09.06.2019 (In Pers.). irna.ir/xjtrWR (accessed 12.06.2022)

²⁰ 96% of Electricity Supply Customers Signed in the Green Receipt National Plan. *ISNA*, 15.09.2019 (In Pers.). <https://isna.ir/news/fars-59403/> (accessed 24.06.2022)

²¹ Full Report of the Hamrah-e Avval Stakeholders Assembly. *IRNA*, 20.05.2021 (In Pers.). irna.ir/xjDRV4 (accessed 24.06.2022)

²² Paper Prescriptions Abolished From Today. *ISNA*, 22.12.2021 (In Pers.). <https://www.isna.ir/news/1400093023636/> (accessed 22.06.2022)

²³ Raisi: All Agencies Must Act within the National Website of Permits. *FARS*, 06.04.2022 (In Pers.). <http://fna.ir/1o8fzw> (accessed 24.06.2022)

²⁴ Preparation of 34 thousands of Electronic Voting Devices. *Mardomsalāri*, 01.05.2021 (In Pers.). <https://mardomsalari.ir/news/149083/> (accessed 27.06.2022)

3. Мамедова Н.М. Постсанкционный Иран. Новые возможности на мировом рынке и в мировой политике. *Свободная мысль*. 2016. № 2. С. 97-112.
Mamedova N.M. Post-Sanction Iran. New Possibilities in the World Market and Global Politics. *Svobodnaya Mysl*. 2016. Issue 2. Moscow. Pp. 97-112 (In Russ.).
4. Мамедова Н.М. Иран в условиях американских санкций и коронавируса. *Свободная мысль*. 2021. № 2. С. 185-198.
Mamedova N.M. Iran amid US Sanctions and Coronavirus. *Svobodnaya Mysl*. 2021. Issue 2. Moscow. Pp. 185-198 (In Russ.).
5. Indicators of the Iranian Economic, Social and Cultural Development Goals 2011/2012-2016/2017. Statistical Center of Iran. 2019 (In Pers.).
6. Indicators of the Sixth Economic, Social and Cultural Development Plan of the Islamic Republic of Iran. Statistical Center of Iran. 2022 (In Pers.).
7. Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ). *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2012. № 7. С. 44-55.
Mamedova N.M. 2012. Effectiveness of Economic Models of Iran and Turkey (comparative analysis). *Islam in the Near and Middle East*. № 7. Moscow. Pp. 44-55 (In Russ.).
8. Ульченко Н.Ю. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). 2006. М.: Издательский дом «Городец».
Ulchenko N.Yu. 2006. Features of Economic Development of Modern Muslim States (through the example of Turkey and Iran). Moscow (In Russ.).
9. Measuring the Information Society Report 2015. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2015/MISR2015-w5.pdf> (accessed 24.06.2022)
10. Measuring the Information Society Report 2018. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-2-E.pdf> (accessed 22.06.2022)
11. ICT Development Index 2017. <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (accessed 23.06.2022)
12. UN E-Government Knowledgebase. <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (accessed 19.06.2022)
13. The UNCTAD B2C E-Commerce Index 2020. UNCTAD. 2021. https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d17_en.pdf (accessed 24.06.2022)
14. Global Innovation Index 2021. <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2021-report> (accessed 18.06.2022)
15. Network Readiness Index 2021. <https://networkreadinessindex.org/countries/#ranking-wrapper> (accessed 18.06.2022)
16. Inclusive Internet Index 2022. <https://impact.economist.com/projects/inclusive-internet-index/2022> (accessed 18.06.2022)
17. HDR 2020 Tables and Dashboards. <https://hdr.undp.org/data-center/documentation-and-downloads> (accessed 24.06.2022)
18. Iran Statistical Yearbook 2020/2021. Statistical Center of Iran. 2022 (In Pers.).
19. Electronic Commerce Annual Report 2020/2021. Iran Center for e-Commerce Development. 2021 (In Pers.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Решиков Олег Игоревич, аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Oleg I. Reshchikov, Post-graduate student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.07.2022

Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of reconstruction

© Liudmila V. Shkvarya^{a,b,c}, Ahmed N.N.A.^{a,d}, 2022

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^b Plekhanov University of Economics, Moscow, Russia

^c ORCID ID: 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

^d ORCID ID: 0000-0002-7087-7823; nadirzaxo@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current socio-economic state of Iraq and the identification (as well as the change) of its place and role in the regional economic system of Western Asia. This area of research has been significantly updated in the XXI century due to the growth of regional instability, which has caused serious socio-economic problems in Iraq, as in other countries of the region, and generates the need to understand the dynamics, problems and prospects of socio-economic development and restoration of the national economy of Iraq, significantly destroyed as a result of the military conflict. According to the authors, this study is particularly relevant due to the growing scientific and practical interest in the Eastern Mediterranean region, including Iraq and Syria.

The subject of research in this article is the socio-economic situation of Iraq and its changes in the XXI century. The directions and possibilities of stabilization and development of the national economy, as well as the role and position of the country in the region, the prospects for its more active inclusion in the regional and global economic system. The authors conclude that a significant number of problems remain in the country; many of them arise and are supported at the global and regional level. At the same time, certain stabilization factors are forming in Iraq. The authors substantiate the point of view that the most important of them can be considered Iraq's significant place in the regional economic system. The research is based on the application of historical, statistical, and comparative methods, as well as the visualization method.

Keywords: Iraq, West Asia, regional cooperation, regional economy and trade, social system

For citation: Liudmila V. Shkvarya, Ahmed N.N.A. (Iraq). Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of reconstruction. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 34-41 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021325-9

Ирак в региональной экономике и социальной сфере и проблемы восстановления

© Шкваря Л.В.^{a,b,c}, Ахмед Н.Н.А.^{a,d}, 2022

^a РУДН, Москва, Россия

^b РРЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия

^c ORCID ID: 0000-0001-6653-939X; destard@rambler.ru

^d ORCID ID: 0000-0002-7087-7823; nadirzaxo@rambler.ru

Резюме. Статья посвящена анализу современного социально-экономического состояния Ирака и выявлению (а также изменению) его места и роли в региональной экономической системе Западной Азии. Объект исследования - социально-экономическое положение Ирака и его изменения в XXI в., а также роль и позиции страны в регионе, перспективы более активного ее включения в региональную и мировую систему хозяйства. Авторы приходят к выводу о том, что в стране сохраняется значительное количество проблем, многие из них возникают и поддерживаются на глобальном и региональном уровне.

Ключевые слова: Ирак, Западная Азия, региональное сотрудничество, региональная экономика и торговля, социальная система

Для цитирования: Shkvarya L.V., Ahmed N.N.A. (Iraq). Iraq in the regional economy and social sphere and the problems of reconstruction. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 34-41. DOI: 10.31857/S032150750021325-9

INTRODUCTION

Currently, the world scientific thought pays close attention to the study of the processes taking place in the socio-economic sphere of the region of Western Asia. This is especially true for a number of countries affected by external interference and internal destabilization as a result of the Arab Spring and the subsequent military conflict in the Middle East. As a result of such intervention, a number of countries, including Iraq, are facing serious difficulties. Their economy needs to be restored, and the population needs to develop the social sphere. These

tasks have to be solved in the conditions of external “controlled”, or rather, already uncontrollable “chaos”, which makes recovery difficult.

Directions of this recovery are the subject of scientific research by both Russian and foreign authors. Russian researchers mainly believe that the basis for the restoration of the national economy of Iraq should be the energy and mining industries [13; 14]. In particular, the expert believes that the Iraqi economy, primarily GDP and the standard of living of the population, continues to depend on oil revenues in the post-conflict period, and this situation is likely to continue in the medium term [10]. This is due, according to researchers, to a high degree of resource dependence of Iraq [11].

Foreign authors focus on the development of Iraq's potential [12], its transport and logistics system (requiring serious reconstruction in the post-conflict period) and the state of water resources [5] and the need for structural changes [1; 2; 3].

According to the authors, it is important to analyze the place and role of Iraq in the regional economic and social system. It is the regional level that in the future can become a growth catalyst for Iraq.

IRAQ IN THE REGIONAL ECONOMIC SYSTEM

Iraq is one of the most controversial developing countries in Western Asia¹. At the same time, Iraq retains a significant potential for socio-economic development (primarily resource) and significant problems. Today, these problems slow down effective development. At the same time, the country retains a huge influence on the situation in the region and even on the global economy. This is due to historical, geographical, resource, mental, demographic, and other factors. These factors, which act in combination, inextricably “interweave” the economy of Iraq into the regional and world economic system in several ways. Indicators of this “weaving” is, for example, the role of Iraq in Western Asia as one of the countries with the largest oil reserves (see table 1).

As seen from table 1, the share of Iraq in terms of both reserves (8.4%) and production (4.7%) of oil in the world is very high. At the regional level, according to these indicators, the country ranks 2nd after Saudi Arabia. In terms of reserves and production of natural gas, Iraq ranks not so high.

Table 1. Hydrocarbon reserves and production in Iraq and West Asian countries and share in the world, 2020

MENA countries	Oil, reserves, 2020		Oil, production, 2020, %		MENA countries	Gas, reserves, 2020		Gas, production, 2020	
	Bln bbl	Share in the world, %		Share in the world, %			Bln bbl	Share in the world, %	
Iraq	145	8.4	Iraq	4.7	Iraq	Iraq	145	8.4	Iraq
KSA	297.5	40.9	KSA	12.5	Qatar	KSA	297.5	40.9	KSA
Kuwait	101.5	5.9	Kuwait	3.0	KSA	Kuwait	101.5	5.9	Kuwait
UAE	97.8	13	UAE	4.1	UAE	UAE	97.8	13	UAE
Qatar	25.2	2.6	Qatar	2.0	Egypt	Qatar	25.2	2.6	Qatar
Oman	5.4	0.7	Oman	1.1	Kuwait	Oman	5.4	0.7	Oman
Egypt	3.1	0.4	Egypt	0.7	Oman	Egypt	3.1	0.4	Egypt
Yemen	3.0	0.4	Yemen	0.1	Israel	Yemen	3.0	0.4	Yemen
Syria	2.5	0.3	Syria	...	Syria	Syria	2.5	0.3	Syria
Bahrain	-	-	Bahrain	-	Yemen	Bahrain	-	-	Bahrain
Israel	-	-	Israel	-	Bahrain	Israel	-	-	Israel

Compiled according to: BP statistical review of world energy 2021. 70th edition. <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-statistical-review-of-world-energy-2021-a-dramatic-impact-on-energy-markets.html>

Because of these objective conditions, the extractive industry is the backbone of the country's national economy. It provides Iraq with most of the foreign exchange earnings, as other countries in the region and the world buy

¹ According to the UNCTAD methodology, 17 countries belong to Western Asia - Armenia, Azerbaijan, Bahrain, Georgia, Iraq, Israel, Jordan, Kuwait, Lebanon, Oman, Qatar, KSA, Palestine, Syria, Turkey, UAE, Yemen. However, we will consider 14 countries in this article, excluding Armenia, Azerbaijan, and Georgia.

Iraqi hydrocarbons. But some part of the oil reserves is located in Iraqi Kurdistan, so there are often problems with obtaining these foreign exchange earnings for the national budget [15].

In terms of GDP production (see *table 2*), Iraq has occupied a more modest place in the region over the past 50 years. Iraq's GDP has grown in value by more than 52 times since 1970 (see *table 2*). This corresponds to the growth of the regional gross domestic product. Iraq in 2009-2020 consistently ranked 5th in terms of GDP production in the ranking among 14 countries in Western Asia (see *table 2*). This place has remained in 2020 when the GDP of Iraq (as well as Syria, and other countries in the region and in the world) has decreased by more than 11%. The reason for this reduction was the spread of COVID-19 and a decrease in demand on the world market, especially for hydrocarbons.

Table 2. GDP of Iraq and West Asian countries in 2000-2020 (\$ mln at current prices at the current exchange rate)

	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Iraq	23657	138517	166774	166603	190644	215490	225232	173486
Turkey	274295	776968	864314	869683	858989	778382	761426	718818
KSA	189515	528207	654270	644936	688586	786522	792967	701817
Israel	132342	233996	299813	318951	353253	370588	395099	402733
UAE	105701	289788	358135	357045	385606	422215	421142	357045
Qatar	17760	125122	161740	151732	1669289	191362	183466	150422
Kuwait	37718	115416	114585	109407	120688	140666	134624	110943
Oman	195075	56913	68400	65481	705983	79789	76332	63507
Lebanon	16679	38444	49939	51205	53141	54961	53367	59072
Jordan	8725	27134	38587	39893	41408	42932	44503	43585
Bahrain	9063	25713	31126	32268	35474	37653	38574	33955
Yemen	10865	30907	26660	22037	20739	22903	24935	29457
Syria	19666	60465	19090	12377	13341	16361	20379	18808
Palestine	4314	9682	13972	15405	16128	16277	17059	14998
Total Western Asian countries	869805	2457270	2867406	2857022	3015524	3176100	3189104	2878645
Share of Iraq in regional GDP, %	2.72	5.64	5.82	5.83	6.32	6.78	7.06	6.03

Compiled and calculated according to: UNCTAD. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

The share of Iraq in the total GDP of the West Asian region is traditionally about 6% (see *table 2* and *Chart*). In some years, fluctuations in this share were noted due to external and internal problems. But in general, this is a fairly good level, since in Western Asia there are much richer countries with more diversified and stable economies.

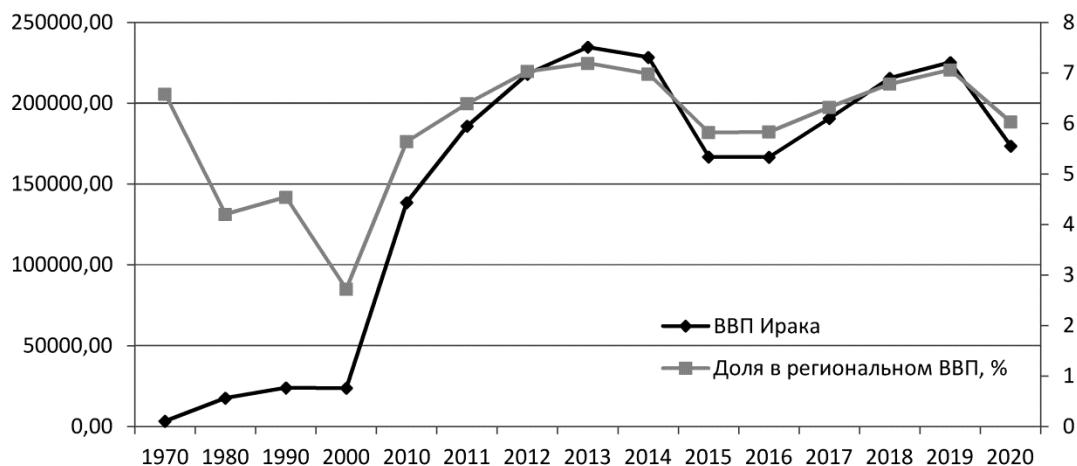

Chart. Dynamics of Iraq's GDP in 1970-2020 \$ mln in current prices at the current exchange rate, and the change in Iraq's share in regional GDP (%).

Compiled according to *table 2*.

Particularly rapid growth in Iraq's GDP began in the 21st century. In the 1970s early 1980s, this growth was low. The 1990s was the most difficult period for the Iraqi economy over the last decade of the XX century. The decline in GDP was accompanied by a reduction in Iraq's industrial and agricultural potential. The state of transport and infrastructure systems has deteriorated in the country, and the level of per capita income, the standard of living in general and a number of other social indicators have significantly decreased [11]. In addition, the researchers note that the pressure of anti-Iraqi economic sanctions has increased significantly in the last decade of the XX century, which still causes concern among scientists, politicians and practitioners about the possibilities and prospects for the restoration and development of the country's national economy. Moreover, these sanctions have a negative impact on its main industries, primarily energy [8; 9].

In 2000-2020, GDP production grew erratically (see *Chart*). But this instability is related to a large extent with external factors. Most of all (apart from sanctions) GDP is associated with the volatility of world prices for hydrocarbons. Consequently, the most important problem of the national economy of Iraq is the structural sectoral imbalance. This imbalance, however, is also inherent in most other oil-producing countries in the region, for example, the Gulf Cooperation Council (GCC) states. But, realizing the threats that the structural imbalance entails, these countries have been making more or less successful attempts to diversify their economies for a number of decades [7]. Iraq failed to change the structure of the national economy. One way or another, the extractive industry remains the basis for the national economy of Iraq. It has the highest productivity and contribution to GDP and is the main catalyst for Iraq's economic growth.

As for the current situation and prospects, according to IMF estimates, Iraq's GDP increased to \$196.27 bln in 2021. Iraq's economy is also expected to grow in 2022². In 2021, Iraq's recovery has been focused on business and investment opportunities in key priority sectors of the economy, including: industry, infrastructure and roads, agriculture, healthcare, banking and finance. The World Bank noted that economic growth in Iraq is gradually recovering. This is partly due to the growth of economic activity in non-oil segments. Experts expect improved global oil market conditions to boost economic growth over the medium term and lead to fiscal and external surpluses from 2022 and reverse the recent increase in debt³.

IRAQ IN REGIONAL TRADE

Iraq's foreign trade is also one of the catalysts for Iraq's economic growth. But the volume of Iraq's foreign trade has declined somewhat over the past 10 years. There are at least two reasons for this trend: these are the volatility of hydrocarbon prices on the world market in recent years (in particular due to the coronavirus), and the military conflict that took place in the territory of Iraq and Syria. It was ended in 2017 and brought enormous destruction to the national economy, including its hydrocarbon sector. However, (see *table 3*) it shows that Iraq's share of regional exports and regional imports has declined by about 1% over 10 years. The country ranked 5th in 2020 (in 2010 it was 4th) in terms of external trade. The share of Iraq in regional exports and regional imports decreased by about 1% over 10 years, as can be seen from *table 2*). However, this circumstance cannot be considered a serious problem for the country because it can be overcome thanks to the existing potential. But in 2020, a negative balance of Iraqi foreign trade was recorded, which raises some concerns. This can make it difficult to acquire goods and services needed for the country from abroad. Economic sanctions against Iraq also limit the ability of Iraq's imports.

Table 3. Dynamics of total exports and imports of Iraq and West Asian countries in 2010 and 2020 (\$ mln at current prices at the current exchange rate, and %)

Countries	Export of goods, \$ mln		Import of goods, \$ mln		Share In Regional Exports, %		Share In Regional Imports, %	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Iraq	52482.6	41738	43915.3	44484	5.53	4.50	6.08	5.19
Bahrain	14971.25	14066.0	12260.0	12682.7	1.58	1.52	1.70	1.48
Israel	58413.03	49763	61209	69984.9	6.15	5.37	8.48	8.17
Jordan	7028.334	7943	15563.6	17011.0	0.74	0.86	2.16	1.99
KSA	251143.0	173854	106863	137997.6	26.5	18.75	14.80	16.10
Kuwait	69977.95	40116	22674.7	27738.	7.37	4.33	3.14	3.24

² IMF: Regional Economic Outlook, Middle East and North Africa, 2019. 75 p. <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2019/10/19/reo-menap-cca-1019>

³ Iraq's Economic Update - October 2021. <https://www.worldbank.org/en/country/iraq/publication/economic-update-october-2021>

Countries	Export of goods, \$ mln		Import of goods, \$ mln		Share In Regional Exports, %		Share In Regional Imports, %	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Lebanon	5021	4085	18460	11354.7	0.53	0.44	2.56	1.33
Oman	36601.3	31685	19972.7	20960	3.85	3.42	2.77	2.45
Palestine	1110	2231	4613.4	7444.3	0.12	0.24	0.64	0.87
Syria	12796.11	868.17	17561.6	5417.99	1.35	0.09	2.40	0.63
Turkey	113883.2	169651	185544	219514.9	12.0	18.29	25.70	25.62
UAE	214000	319278	165000	225741	22.5	34.43	22.86	26.34
Qatar	74964.48	51504	23239.8	25834.9	7.89	5.55	3.22	3.01
Yemen	8100	1204	9255.4	7399	0.85	0.13	1.28	0.86
Total, West Asia	949 656.7	927 344	721 918.6	856 907.8	100	100	100	100

Compiled according to *table 2*.

Therefore, Iraq is oriented very much towards regional partners in foreign trade (see *table 4*).

Table 4. The share of regional trade in the total volume of exports and imports of Iraq in 2016-2020 (\$ ths. at current prices at the current exchange rate, and %)

	2000	2016	2017	2018	2019	2020
Total / regional export, \$ ths.	20 380 000 / 1 018 324	43 774 018 / 14 633 907	59 454 313 / 14 032 324	86 773 873 / 20 381 299	76 938 962 / 3 872 507	41 738 000 / 6 022 892
Share of regional export, %	5	33.4	23.6	23.5	5	14.4
Total / regional import, \$ ths.	13 210 000 / 2 260 058	44 116 000 / 14 819 013	48 505 500 / 15 081 203	56 876 000 / 16 936 062	46 262 100 / 14 238 215	44 484 000 / 13 631 722
Share of regional import, %	17.1	33.6	31.1	29.8	30.8	30.1

Compiled according to *table 2*.

Statistical data confirm the following. The total export of Iraq amounted to \$20,380 mln in 2000 and \$41,738 mln in 2020, i.e., slightly more than doubled. Regional exports over the same period increased from \$1018.3 mln to \$6022.9 mln, i.e., more than 6 times. Iraq's total imports increased from \$13,210 mln to \$44,484 mln, i.e., 3.4 times. Regional imports increased from \$2260.1 mln to \$13,631.7 mln, i.e., 6 times. Thus, we note that the volume of regional trade of Iraq has grown at a faster pace in the last 5 years. This allows us to draw a conclusion about a deep "embedding" of Iraq in the regional economic system. We can assess this trend as promising and positive for the economy of Iraq and entire Western Asia, including the stabilization of the situation in the region.

But everything is ambiguous. Indeed, a significant share of Iraq's foreign trade, primarily its imports (30% in 2020), falls precisely on regional partners (see *table 4*). But this share has been declining in the last 5 years. One of the reasons for this reduction can be considered the coronavirus pandemic. At the same time, the problem in this area, in our opinion, remains the instability of Iraq's regional (and international as a whole) trade, which is confirmed by statistical data. The instability of foreign trade is interconnected with the instability and sectoral imbalance of GDP. We can also note the imbalance of Iraq's trade in the countries of the region. According to UNCTAD statistics, Turkey was Iraq's largest partner in 2020. Its share was almost $\frac{3}{4}$ of Iraq's imports and exports to Western Asia. We consider this as an important regional success for Turkey, which is committed to the development of economic integration in Western Asia and North Africa. Turkey has plans to create a free trade zone in a group of countries that were united by the toponym "Levant" in the Middle Ages.

These countries were provinces of the Ottoman Empire, and here Turkey is currently striving to take a leading position, so to speak, "economically pull" them to itself. Iraq in this group occupies an important place for Turkey as an oil exporter and a large economy. Researchers from Turkey have been conducting research for a number of years, the main idea of which is the theoretical substantiation of the significant economic benefits for the countries of the Levant from the creation of a free trade zone. These benefits, as studies show, can be especially significant in the key industries of these countries, including agriculture, infrastructure, services (tourism and finance, including investment) [4; 6].

Iraq's traditional regional trade partners also include Jordan, Syria, Lebanon, and the United Arab Emirates. The basis of this cooperation is the contractual and legal framework, which is being updated in the XXI century. So, in February 2019, Iraq and Jordan signed a series of bilateral economic agreements aimed at developing mutual trade and other areas of cooperation, primarily in the energy sector. In the same year, a summit of Iraq, Jordan and Egypt was held in Cairo. The purpose of the summit was to discuss the creation of new economic opportunities in mutual trade, foreign direct investment and tourism, and the creation of new jobs. Trade and economic cooperation between Iraq and Syria have intensified in recent years. The countries have held numerous summits in recent years.

With some Western Asian countries, especially Israel, Palestine, some GCC states, Iraq traditionally either does not maintain trade relations at all (Israel) or maintains them at a low and/or irregular level (for example, Saudi Arabia). This situation does not contribute to the strengthening of regional stability and the growth of the regional (and Iraq's) economy, although it corresponds to the specifics of the Arab region. But the government of Iraq is striving to solve the problems of foreign trade imbalance and to develop trade relations with partners in the region and with third countries⁴.

IRAQ IN THE REGIONAL SOCIAL SPHERE

The territory of Iraq occupies about 11% of the total area of Western Asia. This is the third place after Saudi Arabia and Turkey in this indicator. But in terms of population in Western Asia, Iraq ranks second after Turkey. In 2020, the population of Iraq was estimated at about 40 mln people. This amounted to 15.4% of the total population of the region. Thus, Iraq continues to play an important role in the region in terms of population. According to UNCTAD estimates, the country will maintain and strengthen this position. By 2050, according to UNCTAD⁵ forecasts, the population of Iraq may increase to more than 43 mln people. This will amount to 19.5% of the regional indicator. The population growth rate in Iraq is quite high. The average age of a resident of Iraq in 2020 is 21.4 years, i.e., it is a country with a young population, which is typical for Western Asia as a whole. Iraq's workforce accounts for only 3.7 mln of the country's total population due to the high dependency ratio seen in other countries in the region. Unemployment in the country exceeded 14% in 2020, which is higher than the regional average (11.8%) and even higher than in Syria (10.26% in 2020). Iraq ranked 5th in the region for this indicator. But for Iraq, the objective explanation for such a high rate of unemployment, especially among young people, can be considered the destruction in the national manufacturing sector and infrastructure, which were the result of military operations in the territory of Iraq.

Table 5. Dynamics of per capita income in Iraq and Western Asian countries in 2000-2020 (\$ ths.)

	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Iraq	1007	4657	4688	4551	5077	5607	5730	4313
Bahrain	13636	20722	22689	22632	23743	23991	23504	19955
Israel	22258	31852	37578	39333	42851	44215	46376	4659
Jordan	1703	3737	4164	4175	4231	4308	4405	4272
KSA	9171	19263	20628	19879	20802	23337	23140	20159
Kuwait	18443	38576	29874	27650	29755	33999	31999	25979
Lebanon	4340	7762	7645	7626	7793	8013	7784	8655
Oman	8601	18713	16029	14619	15131	16521	15343	12436
Palestine	1338	2387	3085	3323	3397	3347	3424	2940
Syria	1198	2830	1061	709	780	966	1194	1075
Turkey	4337	10742	11006	10894	10590	9453	9127	8523
Qatar	29976	67403	63039	57163	61264	68794	64782	52211
UAE	33726	33893	38663	38142	40645	43839	43103	36100
Yemen	624	1335	1006	811	745	804	855	988
World	5476	9528	10163	10207	10741	11287	11339	10892
Western Asia	4794	10947	11485	11186	11615	12056	11924	10595

Compiled according to table 2.

⁴ Iraq National Development Plan 2018-2022. http://www.iraq-jcme.jp/pdf/archives/nationaldevelopmentplan2018_2022.pdf

⁵ UNCTAD. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

The dynamics of per capita income in Iraq and its correlation with the regional indicator are presented in (see *table 5*).

As seen from *table 5*, since the beginning of the new century, this indicator has increased 4 times in Iraq, but, despite this, it still remains unreasonably low, especially considering that Iraq is the 2nd country in the region in terms of reserves and oil production. GDP per capita in Iraq almost doubled through 2000-2020 (Except for some years). At the same time, the Ginny index for 2020 was 0.633.

In many ways, this situation is due to the fact that a number of problems persist in Iraq in the social and labor spheres, among which the researchers [5] note:

- a high level of intra-country social inequality and regional differentiation;
- the need to create jobs and a high level of unemployment;
- deterioration in the level of education;
- deterioration of medical care for a significant part of the population (let's add - especially in the context of the global pandemic);
- high proportion of the population living in unfavorable environmental conditions;
- high death rate from violent causes;
- food security is not fully ensured;
- low standard of living persists.

A lot of these problems are common to other countries in the region, such as Syria. But stating this fact does not make them less acute for Iraq.

At the same time, the situation with the level of per capita income in Iraq is practically not improving qualitatively, which is confirmed by the statistical data (see *table 5*). For example, while in 1970 the per capita income in Iraq was 2.8 times lower than the world average, in 2020 it is already 2.5 times lower, i.e., the situation is practically unchanged. This is due to the persistence of destabilizing factors that hinder the activation of economic growth, the solution of social problems, the stabilization of the financial situation, and sometimes even blocking these processes in Iraq.

We include these factors:

- ongoing anti-Iraq sanctions;
- military actions that took place in the territory of the country;
- falling oil prices on the world market;
- regional instability;
- global instability (for example, COVID-19).

At the same time, based on the analysis of the place and positions of Iraq in the West Asian region, we come to the conclusion that, on the one hand, the country has a certain potential for socio-economic development and strengthening its position in the region, and on the other hand, significant problems and imbalances that impede such strengthening.

CONCLUSION

Thus, after conducting a study of the situation of Iraq in the region of Western Asia, we come to the following conclusions. First, Iraq has a significant potential for socio-economic development. This potential is currently based on the extractive industry (which can be regarded as an important advantage of the country) and foreign, including regional, trade. Foreign trade relations of the country are developing quite actively, in particular in the region. Population growth can provide an increase in the productivity of the national economy in the future.

However, the persistence of numerous socio-economic problems has not allowed the country realizing the existing benefits so far. Thus, the physical destruction of production facilities and infrastructure in Iraq requires serious financial investments in their restoration and modernization. But the volatility of world oil prices and the undiversified national economy do not provide the country with the opportunity to do so. The non-oil segment, including infrastructure and services, is developing quite slowly so far. The deterioration of the quality of the social sphere and the growth of unemployment, especially among young people, are slowing down the development of Iraq.

Accordingly, the most important task of Iraq is to restore the national economy after the end of the military conflict. This recovery, in our opinion, could rely more on a regional base. Which, in turn, requires the development of the legal segment and the adaptation of existing international agreements to rapidly changing conditions in recent years both in the region and in the world.

In our opinion, the maintenance of security in the economic, social and other spheres is of great importance among Iraq's priorities. Maintaining security is largely possible on a regional basis, which, in our opinion, enhances the importance of regional cooperation based on its diversification.

REFERENCES

1. Bassam Y. 2007. Economic restructuring in Iraq: intended and unintended consequence. *Journal of economic issues*. Vol. XLI. № 1. Pp. 43-60.
2. Foote C., Block W., Crane K., Gray S. 2004. Economic Policy and Prospects in Iraq. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 47-70. DOI: 10.1257/0895330042162395
3. Ismael T.Y., Ismael J.S. 2015. Iraq in the twenty-first century: regime change and the creation of a failed state. New York: Routledge. 310 p.
4. Kurtaran G. Regional free zone attempt stillborn. *Hürriyet Daily News*, Desember, 1.
5. Nadhir Al-Ansari, Ammar A. Ali, Knutsson S. 2014. Present Conditions and Future Challenges of Water Resources Problems in Iraq. *Journal of Water Resource and Protection*. Vol. 6. № 12. Pp. 1066-1098. DOI: 10.4236/jwarp.2014.612102
6. Sanford J.E. 2003. Iraq's economy: Past, present, future. *Report for Congress*. June. Order code RL31944. 67 p.
7. Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z., Ruzina E.I., Savinsky A.V., Rodin S.I. 2019. Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation component of the Kingdom of Bahrain. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Ser. "Workshop on Materials and Engineering in Aeronautics"*. P. 012025.
8. Айдрус И.А.З., Семичева В.О., Березина А.Э. 2015. Влияние экономических санкций на Ирак. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. № 6. С. 108-118.
Aidrous I.A.Z., Semicheva V.O., Berezina A.E. 2015. The impact of economic sanctions on Iraq. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. № 6. P. 108-118. (In Russ.)
9. Айдрус И.А.З., Меланьина М.В. 2016. Экономические санкции в условиях глобализации: проблемы теории и современная практика Ирака. *Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник - 2016*. Москва. С. 48-76.
Aidrous I.A.Z., Melan'ina M.V. 2016. Economic sanctions in the context of globalization: problems of theory and modern practice of Iraq. *Asia: vector of development of foreign economic cooperation with Russia in the context of sanctions. Yearbook-2016*. Moscow. Pp. 48-76. (In Russ.)
10. Бартенев В.И. 2018. Восстановление Ирака после победы над «Исламским государством»: перспективы международного участия. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. Том 10. № 2. С. 145-192.
Bartenev V.I. 2018. Reconstruction of Iraq after the victory over the "Islamic State": prospects for international participation. *Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*. Vol. 10. № 2, pp. 145-192. (In Russ.)
11. Бедрина Е. Б., Ассим М.Х.А. 2020. Причины и факторы ресурсной зависимости Ирака и ее последствия. *Россия и Азия*. № 4 (13). С. 16-23.
Bedrina E. B., Assim M.H.A. 2020. Causes and factors of Iraq's resource dependence and its consequences. *Rossiya i Aziya*. № 4(13). Pp. 16-23. (In Russ.)
12. Башер М.А. 2019. Ирак: современная экономика, задачи и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. № 5. С. 69-73. DOI: 10.31857/S032150750004754-1
Basher M.A. 2019. Iraq: modern economy, challenges and prospects. *Asia and Africa today*. № 5 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750004754-1
13. Манафова А.Д. 2017. Нефтяная политика Ирака 2003-2016 гг. М., 196 с.
Manafova A.D. 2017. Oil policy of Iraq 2003-2016, Moscow. 196 p. (In Russ.)
14. Субханкулова Р.Р. О нефтегазовой отрасли Ирака. М.: Институт Ближнего Востока. 2014.
Subkhankulova R.R. 2014. About the oil and gas industry of Iraq. Moscow: Institute of the Middle East. (In Russ.)
15. Шкваря Л.В. Иракский Курдистан: нефть, газ и развитие. *Россия и Азия*. 2017. № 1. С. 11-22.
Shkvarya L.V. 2017. Iraqi Kurdistan: oil, gas and development. *Russia and Asia*. № 1. pp. 11-22. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шкваря Людмила Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета РУДН; ведущий научный сотрудник, кафедра мировой экономики, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия.

Liudmila V. Shkvarya, Dr.Sc. (Economics), Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, RUDN University; Leading Researcher, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Ахмед Надир Надир Ахмед (Ирак), аспирант кафедры политической экономии экономического факультета РУДН, Москва, Россия.

Ahmed Nadir Nadir Ahmed (Iraq), Post-graduate student, Department of Political Economy, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 05.0.2022

Межконфессиональный брак: сравнительный анализ норм ислама и современного законодательства мусульманских государств

© Кулиев Д.Т.^а, 2022

^а НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0482-191X; kdzhmali@bk.ru

Резюме. Исследование является логическим продолжением статьи, опубликованной нами в журнале № 11-2021 [1]. В рамках предлагаемой статьи автор более детально рассматривает вопрос о допустимости заключения межконфессионального брака согласно законодательству некоторых государств, в которых распространен ислам.

Цель работы - проанализировать и сравнить положения шариата, фикха и законодательства некоторых государств на предмет дозволенности заключения межконфессионального брака. Методология работы основана на различении таких понятий, как шариат, фикх и исламское право. По мнению автора, неверная коннотация этих терминов чаще всего приводит к некорректным выводам в исследовательских работах¹. В рамках работы проанализированы нормы законодательства 11 государств (Турция, Индия, Саудовская Аравия, Иордания, Марокко, Тунис, Иран, Ирак, Мальдивы, Малайзия, Египет), ввиду чего работа представляет как теоретическую, так и практическую значимость.

Автор приходит к выводу, что вопрос о допустимости межконфессионального брака решается в законодательстве неоднозначно: нормы законодательства одних государств вовсе не содержат каких-либо положений относительно поставленного нами вопроса, нормы других - совпадают с положениями шариата (законодательство или отсылает к шариату или воспроизводит его нормы), либо не полностью совпадают с шариатом или же вовсе ему противоречат.

Ключевые слова: мусульманские государства, шариат, фикх, исламское право, межконфессиональный брак, «люди Писания»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-311-90059 «Межконфессиональные браки по исламскому праву: теория и практика».

Для цитирования: Кулиев Д.Т. Межконфессиональный брак: сравнительный анализ норм ислама и современного законодательства мусульманских государств. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 42-49. DOI: 10.31857/S032150750021338-3

Interfaith marriage: Comparative analysis of the prescriptions of Islam and current legislation of Muslim states

© Dzhamali T. Kuliev^а, 2022

^а HSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0482-191X; kdzhmali@bk.ru

Abstract. This article appears to be a follow-up to the article ‘Polygamy and interfaith marriages according to Sharia, fiqh and current legislation of Muslim states’ published by the author in issue № 11 in 2021 of this journal. Within the framework of the present article, the author deeps into the question of the permissibility of interfaith marriages according to the legislation of the countries where Islam is widely spread.

The aim of the work is to analyse and compare the postulates of Sharia, fiqh and the legislation norms of some countries for the permissibility of interfaith marriages. The methodology of this article is based on the distinction of such concepts as Sharia, Fiqh and Islamic law. In the author’s opinion, the incorrect connotation of the mention terms leads to incorrect results of the research papers. There have been norms of 11 countries’ legislation analysed in this research (Turkey, India, Saudi Arabia, Jordan, Morocco, Tunis, Iran, Iraq, the Maldives, Malaysia, Egypt), which makes this paper both theoretically and practically significant.

As a result of this research, the author comes to a conclusion that the issue of the permissibility of interfaith marriages is solved in the legislation differently. In this way, the norms of the legislation of some countries do not contain any provisions or references on the question, while the norms of other states either coincide with the provisions of Sharia or contradict it in varying degrees - partly or totally.

Keywords: Muslim states, Sharia, fiqh, Islamic law, polygamy, interfaith marriages, people of the Book

Acknowledgement. The reported study was funded by Russian Federation of Basic Research (RFBR), project № 20-311-90059 “Interfaith Marriage in Islamic Law: Theory and Practice”.

For citation: Kuliev D.T. Interfaith marriage: Comparative analysis of the prescriptions of Islam and current legislation of Muslim states. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 42-49 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021338-3

¹ Более подробно см. [2].

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире всё больше распространяются межконфессиональные браки - союзы, в которых супруги исповедуют разные религии. Такое явление связано с тем, что имеет место процесс интеграции народов, вызванный глобализацией. При этом в правовой науке принято считать, что право по общему правилу отделено от религиозных норм (за исключением права тех государств, в которых закреплена государственная религия).

Так, в светских государствах нормы права отделены от религиозных (хотя некоторые положения могут совпадать), ввиду чего в таких государствах на уровне законодательства, как правило, не регулируется вопрос о допустимости межконфессиональных браков - для права безразличны вероисповедания брачующихся. Во многих светских государствах есть религиозные учреждения, в которых можно провести религиозный обряд бракосочетания, и уже в этих учреждениях будет ставиться вопрос о том, какую религию исповедуют лица, желающие вступить в брак. Однако если даже в религиозной организации обряд бракосочетания проведен не будет, по закону брак будет считаться действительным (будет иметь соответствующие юридические последствия) - ввиду чего можно констатировать, что в светском государстве дозволяются межконфессиональные браки между последователями любых религий.

Совсем иначе обстоит дело в государствах, где установлена государственная религия: в их законодательстве религиозные нормы могут быть отражены, в т.ч. те, которые связаны с заключением смешанного брака. Особенно актуально это в контексте браков мусульман с немусульманами, т.к. шариат и фикх (исключение составляет лишь шафиитский толк) в целом дают однозначный ответ на то, в каких случаях допускается заключение межконфессионального брака [3, с. 101-103, 227; 4, pp. 161-168]. В то же время не всегда законодательство мусульманских государств² строится одинаковым образом. Это объясняется несколькими причинами: данные государства могут не иметь специальных законов, регулирующих брачные отношения, а законодатель прямо отсылает к нормам шариата/фикха, или же нормы шариата (фикха) включены в специальное семейное законодательство. Однако встречаются случаи, когда положения законодательства отличаются от шариатских (более подробно см. [1]). По этой причине, на наш взгляд, вопрос дозволенности брака, в котором один из супругов исповедует ислам, представляет научный и практический интерес.

Цель настоящей статьи - сравнить дозволенность межконфессионального брака в соответствии с положениями шариата и фикха с нормами современного законодательства государств, где распространен ислам.

Кратко рассмотрим положения шариата и фикха по вопросу допустимости смешанного брака, а затем перейдем к анализу современного законодательства различных государств, в т.ч. рассмотрим, каким образом в мусульманских государствах (Королевство Саудовская Аравия (КСА), Марокко, Малайзия, Мальдивы, Египет, Иран, Ирак, Иордания, Тунис), а также в некоторых светских государствах, в истории и культуре которых ислам имеет большое значение (например, Индия, Турция), регулируется поставленный вопрос.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ БРАК СОГЛАСНО НОРМАМ ШАРИАТА И ФИКХА

Нормы шариата относительно межконфессиональных браков вполне определенные и закрепляют следующее: мужчина может жениться на мусульманке или на женщине из «людей Писания» («также вам дозволены целомудренные женщины из числа уверовавших и целомудренные женщины из числа тех, кому Писание было даровано до вас» - сура 5 аят 5 Корана). Также из положений Корана следует, что недопустимо вступить в брак с язычницами: «Не женитесь на язычницах, пока они не уверуют» (сура 2, аят 221). Таким образом, Коран позволяет мусульманам жениться только на мусульманках, христианках и иудейках (при этом прямо запрещая заключение брака с язычницами и умалчивая о последовательницах других религий; на основе положений Корана можно сделать вывод, что перечень дозволенных для женитьбы женщин является исчерпывающим) [5, с. 112-126].

Что касается браков мусульманок с мужчинами-немусульманами, то уже указанный аят 221 суры 2 Корана содержит прямой запрет выходить замуж за язычников: «не выдавайте мусульманок замуж за язычников, пока они не уверуют». Аят 60 суры 10 Корана гласит: «Если вы узнаете, что они [переселившиеся женщины] являются верующими, не возвращайте их неверующим, ибо им не дозволено жениться на них, а им не дозволено выходить замуж за них». Из этого аята прямо следует, что мусульманка не может быть женой немусульманина.

² Употребляя термин «мусульманское государство», мы будем иметь в виду такое государство, в котором ислам закреплён в качестве официальной религии на законодательном уровне (прим. авт.).

В отношении мусульманских правовых школ следует отметить, что 4 суннитских мазхаба (ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский) и 2 шиитских (джафаритский и зейдитский) единодушны в том, что мусульманин может вступить в брак с христианкой или иудейкой, т.к. это прямо дозволено в Коране [1, с. 69].

Однако шафиитский мазхаб в решении этого вопроса отличается от других правовых школ. Дело в том, что, согласно догме этого мазхаба, не каждый христианин или иудей может считаться из «людей Писания». Так, лицо можно считать относящимся к «людям Писания» только в том случае, если: 1) является иудеем, а его предки были иудеями до пророчества пророка Исы (Иисуса Христа); 2) относится к христианам и его предки были христианами до пророчества пророка Мухаммада; 3) его предки принадлежали к Бану Исраила (т.н. сынам Исраила, многократно упоминаемым в Коране).

Если же лицо не соответствует этим требованиям, то оно не считается из «людей Писания» [6, р. 127]. Именно поэтому в таком случае девушка, которая исповедует христианство или иудаизм, не всегда может выйти замуж за мусульманина, т.к. необязательно, что она относится к «людям Писания».

Более того, в современном мире ислам достаточно широко распространен, в каждой стране у людей есть представление об этой религии, о том, что ее положения переданы через пророка Мухаммада и проч. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что, согласно шафиитскому мазхабу, в настоящее время невозможно проследить, относится ли тот или иной человек к тем, кого можно считать «людьми Писания».

Таким образом, согласно положениям шариата, зафиксированным в приведенных выше аятах Корана, межконфессиональный брак разрешен только в том случае, если мужчина вступает в брак с христианкой или иудейкой (женщиной из «людей Писания»). При этом мусульманка может выйти замуж исключительно за мусульманина. Согласно выводам ханафитской, маликитской и ханбалитской школ, межконфессиональный брак мужчины-мусульманина с христианкой и иудейкой также является дозволенным, однако адепты шафиитского мазхаба иным образом определяют, кто является человеком из «людей Писания»; по этой причине брак мусульманина и христианки/иудейки не всегда может быть дозволен, что отражается и в законодательстве тех стран, где следуют нормам шафиитского мазхаба.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО БРАКА В СВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В этом разделе мы рассмотрим вопрос о допустимости заключения межконфессионального брака в тех государствах, на территории которых ислам широко распространен или был распространен ранее, а также играет важную роль в культуре общества.

В первую очередь, здесь стоит рассмотреть **Турцию**, которая вплоть до первой четверти XX в. развивалась по пути ислама, являясь центром Османской империи, а её законодательство было основано на шариате. Но после того как была провозглашена Турецкая Республика (1923 г.), страна встала на светский путь развития.

Так, несмотря на то, что большинство населения Турции, которая является светским государством в соответствии со ст. 2 Конституции³, составляют мусульмане, а также что Турция - член Организации исламского сотрудничества (ОИС, международная организация исламских стран), её гражданское законодательство (и включенное в него семейное) имеет светский характер. Например, оно не допускает многоженства и не запрещает вступление в брак по причине разного вероисповедания. Хотя это прямо не указано в Гражданском кодексе Турции 2001 г.⁴ (далее - Кодекс Турции), из анализа его положений можно сделать такой вывод. Так, согласно ст. 143 Кодекса Турции, после государственной регистрации брака выдается соответствующий сертификат, на основании которого также можно произвести религиозную церемонию бракосочетания (при этом имеется оговорка, что без сертификата государственного образца религиозный брак не заключается). Более того, в этой же статье указано, что отсутствие сертификата о проведении религиозного обряда бракосочетания не аннулирует брак, зарегистрированный органами государства. В ст. 145 Кодекса Турции описаны обстоятельства, при наличии которых брак не может быть зарегистрирован (среди них есть наличие уже зарегистрированного брака, но нет никаких, которые были бы связаны с вероисповеданием брачующихся).

Таким образом, в Турции межконфессиональный брак дозволен по закону в связи с тем, что вероисповедание не является основанием, препятствующим заключению брака. Однако если межконфессиональный брак не отвечает требованиям шариата, он не будет зарегистрирован в мусульманском религиозном учреждении и будет недействительным по исламу (в то же время каких-либо правовых последствий это не влечет).

³ Конституция Турции (Турецкой Республики). <https://legalns.com/download/books/cons/turkey.pdf> (accessed 10.02.2022)

⁴ Turkish Civil Code. <https://rm.coe.int/turkish-civil-code-family-law-book/1680a3bcd4> (accessed 01.02.2022)

Индия не имеет единого кодифицированного акта по брачно-семейному праву, ввиду чего заключение брака может осуществляться по нескольким законам, нормы которых отличаются друг от друга.

Так, если говорить об Акте о применении норм о личном статусе мусульман (1937 г.)⁵, он предписывает действовать согласно нормам шариата (§ 2). Это означает, что согласно данному закону, мусульманка не может выйти замуж за немусульманина, а мусульманин может жениться на мусульманке либо на женщине из «людей Писания». При этом в Индии распространен ханафитский мазхаб, согласно которому любая христианка или иудейка считается женщиной из «людей Писания». Помимо закона, регулирующего отношения между мусульманами, в Индии также есть Акт о христианском браке (1872 г.)⁶, в соответствии с которым можно также заключить брак в случае, если хотя бы один из брачующихся - христианин (§ 4). Из положений закона следует, что только один из брачующихся должен быть христианином, следовательно, другой из них может быть мусульманином; в этом случае правила шариата, касающиеся заключения брака, не действуют - так, заключая брак по этому Акту, женщина-мусульманка может вступить в брак с христианином. Более того, в Индии также существует Специальный акт о браке (1954 г.)⁷, который вообще не затрагивает вопрос вероисповедания брачующихся. На основании этого Акта последователи любых религий могут заключать браки без ограничений.

Однако, рассматривая заключение брака по тому или иному акту, нужно иметь в виду, что каждый из них предусматривает характерные для него права и обязанности супругов, особенности расторжения брака и пр.

В обеих странах вопрос о межконфессиональном браке решается сходным образом. Турция около 100 лет назад встала на светский путь развития, поэтому ее гражданское и семейное законодательство далеко от норм шариата: при заключении брака вероисповедание не имеет значения. В Индии же существует несколько актов, на основе которых можно заключить брак (мы рассмотрели только три, имеющие непосредственное значение для браков мусульман): брачующиеся могут выбрать любой, тем самым «обойдя» определенные ограничения, описанные в религиозных нормах.

В то же время всегда нужно помнить о том, что здесь речь идет исключительно о правовых нормах: ни в одном государстве мусульманская религиозная организация не проведет религиозный обряд бракосочетания, если есть основания, которые, согласно шариату, такой брак запрещают.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО БРАКА В МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В рамках настоящего раздела мы рассмотрим, каким образом урегулирован вопрос о допустимости межконфессионального брака в государствах, где ислам объявлен государственной религией.

Напомним, что статус государственной религии чаще всего связан с воспроизведением религиозных норм в законодательстве. При этом он не гарантирует, что абсолютно каждая религиозная норма будет иметь официальный характер в государстве: так, законодатель по некоторым вопросам может принимать нормы, не совпадающие с религиозными (даже если имеется однозначный готовый ответ в Коране, Сунне или мазхабах).

Королевство Саудовская Аравия. Законодательство КСА примечательно тем, что по многим вопросам оно напрямую отсылает к нормам шариата; брачно-семейное право не стало исключением - в этом государстве нет норм закона, которые регулировали бы такого рода отношения. Именно поэтому заключение межконфессионального брака происходит по правилам шариата: мусульманка может выйти замуж только за мусульманина, а мусульманин вправе жениться на иудейке или христианке.

По этому вопросу было вынесено несколько фетв Постоянным комитетом по научным исследованиям и фетвам, которые также полностью дублируют положения, описанные в шариате⁸.

Марокко. Брачно-семейные отношения в Марокко регулируются в соответствии с Семейным кодексом (2004 г.)⁹. Согласно ст. 35 этого Кодекса, установлены постоянные и временные обстоятельства, которые препятствуют заключению брака. К постоянным относится, например, кровное (ст. 36) или молочное родство (ст. 38). При этом молочное родство является препятствующим браку обстоятельством

⁵ The Muslim Personal Law (Shariat) Application Act, 1937. <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1937-26.pdf> (accessed 19.02.2022)

⁶ The Indian Christian Marriage Act, 1872. <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2186/1/a1872-15.pdf> (accessed 20.02.2022)

⁷ The Special Marriage Act, 1954. https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1954-43_1.pdf (accessed 21.02.2022)

⁸ Fatwa no. 9542 of Permanent Committee (The General Presidency of Scholarly Research and Ifta). <https://alifta.gov.sa/Ar/IftaContents/Pages/FatawaChapters.aspx?cultStr=Ar&View=Page&PageID=6975&PageNo=1&BookID=3> (accessed 10.03.2022) (In Arab.)

⁹ The Moroccan Family Code (Moudawana), 2004. <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Morocco%20Family%20Code%20%28Moudawan%29%202004%20English.pdf> (accessed 10.03.2022)

только в том случае, если грудное вскармливание имело место в первые два года жизни детей. Если же это происходило позднее, то младенцы не считаются молочными родственниками и могут вступить в брак между собой.

В ст. 39 этого Кодекса описаны временные обстоятельства, препятствующие заключению брака. В их число входят и такие, которые связаны с религией. В частности, если женщина - мусульманка, она не может вступить в брак с мужчиной-немусульманином. Но если мужчина принимает ислам, то такое временное препятствие для брака преодолевается. Также в этой статье указано, что мужчина не может вступить в брак с немусульманкой, если только она не иудейка или христианка.

Таким образом, Семейный кодекс Марокко полностью повторяет нормы шариата о межконфессиональном браке.

В **Малайзии** существует как федеральное, так и региональное законодательство. Это касается и брачно-семейного права. Поэтому вопросы о допустимости межконфессионального брака регламентируются как федеральным, так и местным законодательством. Более того, на федеральном уровне действует два нормативных правовых акта, в соответствии с которыми заключается брак: Акт об исламском семейном праве (1984 г.)¹⁰ и Акт о реформе законодательства о браке и разводе (1976 г.)¹¹.

Если в Индии можно выбрать, в соответствии с каким актом заключить брак, то малайзийский законодатель устанавливает по этому вопросу императивное правило: в ст. 3 Акта о реформе законодательства о браке и разводе указано, что этот Акт не применяется к мусульманам, а также к тем, кто состоит в браке, заключенном согласно исламскому праву. Так, мусульмане должны заключать брак только в соответствии с Актом об исламском семейном праве, согласно ст. 10 которого мужчине запрещается жениться на немусульманке (за исключением женщин из «людей Писания»), а женщина не может выходить замуж за немусульманина¹².

При этом Малайзия относится к государствам, где следуют шафиитскому мазхабу, согласно которому не любой христианин или иудей относится к «людям Писания». Так, согласно разделу дефиниций к Акту об исламском семейном праве¹³, к женщинам из «людей Писания» относятся: а) женщины, предки которых принадлежали к Бану Якуб¹⁴; б) христианки, чьи предки были христианами до пророчества пророка Мухаммада; в) иудейки, чьи предки были иудеями до пророчества пророка Исы.

Во всех остальных случаях христианки и иудейки не считаются женщинами из «людей Писания», поэтому в целом заключение брака между мусульманином и христианкой/иудейкой на территории Малайзии достаточно затруднено [7, p. 73].

Мальдивы. Межконфессиональный брак регулируется таким же образом, как в Малайзии. Так, согласно ст. 8 Акта о семейном праве (2000 г.)¹⁵, мальдивянка не может выйти замуж за немусульманина, а мужчина вправе жениться только на мусульманке или на женщине из «людей Писания». Так как на Мальдивах тоже следуют догме шафиитской школы фикха, здесь не все христиане и иудеи считаются «людьми Писания», поскольку к ним предъявляются такие же требования, как в Малайзии. Однако отсутствие доступных автору достоверных источников не позволяет оценить, насколько на Мальдивах допустимо заключение брака мусульманина с христианками и иудейками.

Египет. Законодательство Египта включает в себя 4 основных нормативных правовых акта, которые регулируют вопросы, связанные с правом личного статуса, в т.ч. брачно-семейные отношения, - это законы № 25 (1920 г.), № 25 (1929 г.), № 1 (2000 г.) и № 10 (2004 г.) о создании семейных судов¹⁶. Однако пере-

¹⁰ Islamic Family Law (Federal Territory) Act, 1984. http://www2.esyariah.gov.my/esyariah/mal/portalv1/enakmen2011/Eng_act_lib.nsf/858a0729306dc24748257651000e16c5/1d314361e2750042482569810025f0fc?OpenDocument (accessed 10.03.2022)

¹¹ Law Reform (Marriage and Divorce) Act, 1976. http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/lrada1976272/ (accessed 12.03.2022)

¹² Здесь не говорится о женщине-мусульманке, упоминается просто женщина. Это связано с тем, что Конституция Малайзии объявляет всех малайцев мусульманами (ст. 160). <http://ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/44034/117925/F1077439210/MYS44034.pdf> (accessed 12.03.2022)

¹³ Islamic Family Law (Federal Territory) Act, 1984. http://www2.esyariah.gov.my/esyariah/mal/portalv1/enakmen2011/Eng_act_lib.nsf/858a0729306dc24748257651000e16c5/1d314361e2750042482569810025f0fc?OpenDocument (accessed 15.03.2022)

¹⁴ Формулировка «Бану Якуб» встречается в законодательстве Малайзии; при этом важно помнить, что одним из имен Якуба было Израил, и термин «Бану Израил» или «Сыны Израила» в русском языке встречается намного чаще, чем «Бану Якуб» (прим. авт.).

¹⁵ Family Act, 2000. <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/85773/96233/F731879773/MDV85773.pdf> (accessed 30.03.2022)

¹⁶ Egyptian Laws on Personal Status Law. <http://www.arabwomenlegal-emap.org/document%20legalsystem/202000%20%201%20رقم%20بالقانون%20والمعدل%201929%20لسنة%202025%20بقانون%20بالمرسوم%20الصادر%20الشخصية%20الأحوال%20قانون%20الأحوال> pdf; Egyptian Law on Establishing Family Courts. <https://www.el3dala.com/2019/03/Establishment-of-family-courts.html> (accessed 10.04.2022) (In Arab.)

численные законы не содержат положений, в прямой форме позволяющих или запрещающих межконфессиональный брак. В то же время из ст. 2 Конституции Египта следует, что основным источником законодательства выступают принципы исламского шариата, а ислам - государственная религия¹⁷; в соответствии со ст. 3 Закона № 1 2000 г., при разрешении брачно-семейных вопросов суды должны применять положения вышеприведенных актов, а в случае их молчания обращаться к наиболее предпочтительным выводам ханафитского мазхаба¹⁸. В контексте настоящего вопроса также стоит упомянуть еще об одном акте - «Положение о мазунах»¹⁹ 1955 г. В нем установлено, что мазуну не разрешается регистрировать брак, если одна из сторон - немусульманин²⁰. Ввиду этого можно предположить, что поставленный вопрос разрешается в соответствии с нормами шариата.

Такое положение подтверждается фетвой Египетского ведомства фетв (Дар аль-Ифта аль-Мисрийя), в которой отражены шариатские нормы относительно межконфессиональных браков, а также было разъяснено, почему женщина-мусульманка не может выйти замуж за немусульманина²¹. Так, согласно выводу египетских богословов, мужчина-немусульманин вряд ли будет уважать религию своей жены-мусульманки, потому что мужчина - глава семьи, и именно он устанавливает порядки в этой семье. Таким образом, получается, что немусульманин получает власть над мусульманином, что недопустимо с точки зрения шариата: как указано в этой фетве, «Аллах никогда не позволяет немусульманам иметь власть над мусульманами». Именно по этой причине мусульманин имеет право жениться на женщине из «людей Писания», потому что он будет стоять во главе своей семьи.

Иран. Ст. 1059 Гражданского кодекса (1928 г., с поправками от 2006 г.)²² запрещает мусульманкам выходить замуж за немусульманина. Однако этот Кодекс не содержит каких-либо ограничений, связанных с женитьбой мужчины-мусульманина на женщинах, исповедующих другую религию или не относящихся ни к одной вере. Из этого можно сделать вывод, что по закону в Республике Иран мужчина может жениться не только на мусульманке или женщине из «людей Писания», но и на последовательнице любой другой религии.

Ирак. Не менее интересное решение вопроса о допустимости межконфессионального брака существует в Ираке. Согласно ст. 17 Закона о личном статусе (1959 г.)²³, мусульманка не может выйти замуж за немусульманина, а мусульманин может вступить в брачный союз с женщиной, которая исповедует религию, ниспосланную через божественное откровение (т.е. ислам, христианство и иудаизм).

Ст. 18 этого Закона также регламентирует ситуацию, когда один из супругов отказался от ислама и стал исповедовать другую религию. Предусмотрено, что выход из ислама одного из супругов регулируется согласно положениям шариата: брак либо сохраняется, либо расторгается. Из этой нормы можно сделать вывод, что если мужчина отрекается от ислама, то его брак с мусульманкой расторгается, ибо ей не дозволено находиться в брачных отношениях с немусульманином. Если же женщина выходит из ислама, ситуация разрешается следующим образом: если она отрекается от него в пользу иудаизма или христианства, брак сохраняется, ибо мусульманину разрешено жениться на последовательницах этих религий; если же женщина принимает любую другую религию или не принимает никакую, брак расторгается.

Иордания. В Иордании регулируется заключение брака не только с мусульманами и последователями других религий, но и с вероотступниками. Согласно ст. 28 Закона о личном статусе (2019 г.)²⁴, запрещаются браки мусульманок с немусульманами, но разрешены браки мужчин-мусульман с женщинами из «людей Писания». Эта же статья запрещает также любой женщине (вне зависимости от ее религиозной принадлежности) вступать в брак с мужчиной, который отрекся от ислама.

¹⁷ Egypt's Constitution of 2014 with Amendments through 2019. https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2019.pdf?lang=en (accessed 10.04.2022)

¹⁸ Egyptian Laws on Personal Status Law. <http://www.arabwomenlegal-emap.org/document%20legalsystem/202000%20للسنة%20201%20رقم%20بالقانون%20والمعدل%20201929%20للسنة%202025%20بقانون%20بالمرسوم%20الصادر%20الشخصية%20الأحوال%20قانون%20الأحوال> (accessed 10.04.2022) (In Arab.)

¹⁹ Мазун - чиновник, назначаемый семейными судами для регистрации брака и его расторжения (*нприм. авт.*).

²⁰ Egyptian Statute of Mazuns. <https://dspace.univ-adrar.edu.dz/xmlui/bitstream/handle/123456789/481/%D8%B3%D9%83%D8%A7%D9%86%20%D8%A8%D9%84%D8%A7%D8%AF%20%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8%20%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%AF%D9%8A%D9%85%20%D9%81%D9%8A%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%87%D8%AF.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 10.04.2022) (In Arab.)

²¹ Why a Muslim woman can't marry a non-Muslim? <http://eng.dar-alifta.org/foreign/ViewFatwa.aspx?ID=6167&text=non-muslim> (accessed 10.05.2022)

²² The Civil Code of The Islamic Republic of Iran, 1928. <https://www.refworld.org/docid/49997adb27.html> (accessed 20.04.2022)

²³ Personal Status Law, 1959. <https://www.refworld.org/pdfid/5c7664947.pdf> (accessed 26.04.2022)

²⁴ Jordan Personal Status Law. <https://lob.gov.jo/?v=1.14&url=ar/LegislationDetails?LegislationID:3261,LegislationType:2,isMod:false> (accessed 03.05.2022) (In Arab.)

Тунис. Тунис выделяется в арабском мире тем, что в нем принимаются наиболее демократические законы, уравнивающие всех граждан в правах [8, p. 139]. В 2014 г. была принята новая конституция²⁵, в ст. 21 которой указано, что мужчины и женщины в своих правах равны и никакая дискриминация по половому признаку не допускается. Также в Кодексе о личном статусе Туниса (1956 г., с поправками от 2017 г.)²⁶, который регулирует, в том числе, брачно-семейные отношения, нет нормы о запрете межконфессионального брака. В ст. 14-20 описаны обстоятельства, препятствующие заключению брака, однако среди них нет различий в вероисповедании брачующихся. Также в 2017 г. привлекла внимание арабского мира новость о том, что правительство Туниса заявило, что снимает запрет на межконфессиональные браки и предоставляет право мусульманкам выходить замуж за последователей любой религии (ранее это было невозможно на основании Декрета министра юстиции от 1973 г., органы регистрации брака не должны были регистрировать подобные браки)²⁷.

Таким образом, семейное законодательство 9 мусульманских стран, в которых ислам закреплен в качестве государственной религии, можно разделить на 3 группы.

Первая группа представлена нормативными правовыми актами только Королевства Саудовская Аравия. Здесь до сих пор не принято семейное законодательство, и все брачно-семейные вопросы регулируются непосредственно шариатом. Это относится и к межконфессиональным бракам, оценка которых определяется ханбалитским толком фикха.

Вторая группа государств представлена такими странами, которые имеют акты брачно-семейного законодательства, отражающие основные положения Корана и Сунны по вопросам заключения межконфессиональных браков - Марокко, Малайзия, Мальдивы, Ирак, Иордания, Египет.

К третьей группе относятся такие государства, законодательство которых не совпадает с шариатскими нормами о допустимости межконфессионального брака. Это имеет место в Иране, где закон не запрещает мужчинам жениться на женщинах не из «людей Писания», и в Тунисе, в котором мужчина и женщина признаются равными в правах и, как следствие, могут заключать браки с любым лицом вне зависимости от его вероисповедания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели, каким образом решается вопрос о допустимости заключения межконфессиональных браков в разных государствах (в мусульманских и в тех, на культуру которых ислам оказал большое влияние).

Так, согласно шариату и фикху, мужчина-мусульманин может жениться на женщине из «людей Писания» (на христианке или иудейке), в то время как женщина-мусульманка может выйти замуж исключительно за мусульманина. Это прямо указано в тексте Корана, поэтому сомнению не подвергается. Однако одна из суннитских школ фикха - шафиитский мазхаб - иным, отличным от позиции других школ, способом решает вопрос о том, кого следует относить к «людям Писания». Именно поэтому не каждый брак мусульманина с христианкой или иудейкой дозволен в шафиитском мазхабе, что получило отражение в законодательстве стран, где следуют этой школе фикха.

В таких государствах, как Индия и Турция, где проживает большое количество мусульман, существует возможность заключить межконфессиональный брак в обход норм шариата: такие браки действительно по закону, хотя и не могут быть заключены в мусульманской религиозной организации и, как следствие, дозволены по шариату.

В тех странах арабского мира, где ислам - государственная религия, действующее законодательство не всегда совпадает с положениями шариата. Так, в большинстве государств либо отсутствует свое отдельное законодательство в сфере брачно-семейных отношений, либо оно есть и полностью дублирует то, что предписывает шариат. Однако в Иране и Тунисе имеются более широкие возможности для заключения межконфессиональных браков - в Тунисе разрешаются любые браки независимо от вероисповедания брачующихся, а законодательство Ирана хотя и запрещает мусульманкам выходить замуж за немусульман, не содержит прямого запрета для мужчин жениться на женщинах не из «людей Писания».

²⁵ Tunisia's Constitution of 2014. <https://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/wp-content/uploads/laws/4808.pdf> (accessed 07.05.2022)

²⁶ Tunisian Code of Personal Status Law. https://web.archive.org/web/20181031185426/http://www.legislation.tn/affich-code/Code-du-statut-personnel_95 (accessed 07.05.2022) (In Arab.)

²⁷ Tunisia: Government Lifts Ban on Inter-Religious Marriages. [https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2017-09-19/tunisia-government-lifts-ban-on-inter-religious-marriages/#:~:text=Article%20Tunisia%3A%20Government%20Lifts%20Ban,Muslims%2C%20AL%20JAZEERA%20\(Sept](https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2017-09-19/tunisia-government-lifts-ban-on-inter-religious-marriages/#:~:text=Article%20Tunisia%3A%20Government%20Lifts%20Ban,Muslims%2C%20AL%20JAZEERA%20(Sept) (accessed 10.05.2022)

Подобная позиция относительно межконфессиональных браков обусловлена тем, что в мире происходит процесс глобализации, который охватывает и мусульманские страны, всё большую ценность приобретает равенство между людьми, отсутствие дискриминации по половому признаку. На наш взгляд, процессы интеграции и глобализации, бесспорно, важны, и позволяют активнее включаться в общемировые процессы тем странам, которые отстают в развитии. При этом не стоит забывать, что исламская правовая семья отличается тем, что основана на шариате - религиозных нормах, представляющих для мусульман большую ценность. Но помимо шариата, исламская правовая семья включает (позаимствовала) и европейские нормы, институты и принципы. Именно взаимодействие шариатских и европейских норм проявляется на уровне регулирования межконфессиональных браков в мусульманских государствах и влечет отражение в законодательстве как западных, так и исламских принципов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кулиев Д.Т. Многоженство и межконфессиональные браки по шариату, фикху и современному законодательству мусульманских государств. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 11. С. 64-71. DOI: 10.31857/S032150750017410-3
Kuliev D.T. 2021. Polygamy and interfaith marriages according to Sharia, fiqh and current legislation of Muslim states. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 64-71 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017410-3
2. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М. 1986. 254 с.
Syukiyaynen L.R. 1986. Muslim Law. Theory and Practice. Moscow. 254 p. (In Russ.)
3. Роэ Матиас. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А.Мухаматчиной; науч. ред. М.Кудратов; под общ. ред. Д.Мухетдинова. М.: Медина. 2019. 576 с.
Rohe Mathias. 2019. Islamic Law in Past and Present / Translated from German. Moscow. 576 p. (In Russ.)
4. Schacht J. An Introduction to Islamic law. Oxford. Oxford University Press. 1982. 304 p.
5. Маргинани Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права. В 2 частях. Ч. 1, т. I-II / пер. с англ. под ред. Н.И.Гродекова. М., 2010. 808 с.
Marghinani B. 2010. Al-Hidayah (The Guidance). Commentaries on Muslim. In 2 parts. Part 1, Vol. I-II / translated from English. Moscow. 2010. 808 p. (In Russ.)
6. Nasir J.J. 1986. The Islamic Law of Personal Status. L. Graham and Trotman. 328 p.
7. Mohamad, M., Aziz, Z. & Sim, C. 2009. Muslim-Non-Muslim Marriage: Political and Cultural Contestations in Southeast Asia. 319 p.
8. Nasir, Dr. Jamal J. Ahmad. The Status of Women under Islamic Law and Modern Islamic Legislation. Netherlands. 2009. 213 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Кулиев Джамали Тофикович, аспирант факультета права НИУ ВШЭ; стажер-исследователь Института исследований национального и сравнительного права НИУ ВШЭ; преподаватель департамента публичного права, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Dzhamali T. Kuliev, Post-graduate student, Faculty of Law, HSE University; Trainee Researcher, Institute of National and Comparative Law, HSE University; Lecturer, School of Public Law, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.07.2022

Исламизация, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750021339-4

Оригинальная статья / Original article

Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко

© Жерлицына Н.А.^{a,b}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Резюме. В статье анализируется трансформация партий политического ислама в Тунисе и Марокко после прихода к власти вследствие революционных событий Арабской весны. Именно тогда, в 2010-х гг., после десятилетий репрессий и изоляции, приверженцы политического ислама получили возможность стать ключевыми игроками на новой политической сцене региона. Политический ислам как современная идеология сталкивается с фундаментально экзистенциальными вопросами о природе и актуальности исламизма как политического проекта, а тема участия исламистов в политической жизни мусульманского мира становится все более актуальной.

В Тунисе и Марокко партии политического ислама получили возможность интеграции и признания на политической арене. Включение исламистов в легальную политическую жизнь способствовало их идеологической и политической трансформации, особенно в отношении таких сложных вопросов, как взаимосвязь между религией и политикой, вопросы индивидуальных свобод, прав человека, меньшинств и женский вопрос.

Для определения произошедших за истекшее десятилетие изменений ученые используют термины «постисламизм» и «неоисламизм». Которые подразумевают трансформацию социально консервативных партий в сторону принятия правил гражданской демократической политической системы и отказа от исламизации общества сверху. Тунисская исламистская партия «Ан-Нахда» и марокканская «Партия справедливости и развития» прошли за истекшее десятилетие в чем-то сходные пути, пройдя через горнило власти и принятия ответственности за происходящие в их странах процессы. Они также продемонстрировали гибкость в поиске компромиссов и проведении разделительных линий между своей деятельностью по религиозной проповеди и политикой. Обе партии продолжают поиски баланса в сочетании правильных доз исламизма, демократии, плюрализма, светскости и национальных интересов.

Ключевые слова: политический ислам, постисламизм, Тунис, Марокко, «Ан-Нахда», «Партия справедливости и развития»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Жерлицына Н.А. Постисламизм: от исламизма к мусульманской демократии? Трансформация исламистских партий Туниса и Марокко. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 50-58. DOI: 10.31857/S032150750021339-4

Post-Islamism: From Islamism to Muslim democracy? Transformation of Islamist parties in Tunisia and Morocco

© Natalia A. Zherlitsyna^{a,b}, 2022

^a Institute for African Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b RUDN University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8647-9419; ns_inafr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the parties of political Islam in and after coming to power as a result of the revolutionary events of the Arab Spring. It was then, in the 2010s, after decades of repression and isolation, that adherents of political Islam had the opportunity to become key players on the new political scene in the region. Political Islam as a modern ideology faces fundamental existential questions about the nature and relevance of Islamism as a political project, and the issue of Islamists' participation in the political life of the Muslim world is becoming increasingly relevant. In Tunisia and Morocco, parties of political Islam have been given the opportunity to integrate and be recognized in the political arena.

The inclusion of Islamists in legal political life in Tunisia and Morocco contributed to their ideological and political transformation, especially in relation to such complex issues as the relationship between religion and politics, issues of individual freedoms, human rights, minorities and women's issues. Scholars use the terms "post-Islamism" and "neo-Islamism" to define the changes that have taken place over the past decade. Which imply the transformation of socially conservative parties towards the adoption of the rules of a civil democratic political system and the rejection of the Islamization of society from above.

The Tunisian Islamist party Ennahda and the Moroccan Justice and Development Party have gone through somewhat similar paths over the past decade, having passed through the crucible of power and taking responsibility for the processes taking place in their countries. They have also shown flexibility in finding compromises and drawing dividing lines between their religious preaching activities and politics. Both parties continue to strike a balance in combining the right doses of Islamism, democracy, pluralism, secularism and national interests.

Keywords: political Islam, post-Islamism, Tunisia, Morocco, Ennahda, Justice and Development Party

For citation: Zherlitsina N.A. Post-Islamism: From Islamism to Muslim Democracy? Transformation of Islamist Parties in Tunisia and Morocco. 2022. № 8. Pp. 50-58 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021339-4

ВВЕДЕНИЕ

Революции Арабской весны стали важной вехой в отношениях государства и исламизма в странах Ближнего Востока и Северной Африки. После десятилетий репрессий и изоляции приверженцы политического ислама предстали ключевыми игроками на новой политической сцене региона. В Египте, Тунисе, Марокко, Йемене, Сирии и Ливии дискурс, стратегия и поведение исламистов определили исход арабских восстаний.

Тема участия исламистов в политической жизни становится все более актуальной. Современный исламизм имеет социальные и политические устремления, направленные на интеграцию ислама как такового в политику, государственные дела, экономику, гражданское и конституционное законодательство. Наиболее точное определение этого феномена дал, пожалуй, Мохаммад Айуб, специалист в области международных отношений из Мичиганского университета, который описал исламизм как «форму инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, преследующими политические цели» [1, р. 2].

Политический ислам как современная идеология сталкиваются с фундаментально экзистенциальными вопросами о природе и актуальности исламизма как политического проекта. В XX в. некоторые арабские режимы десятилетиями пытались изгнать ислам из политики, но эти усилия лишь укрепили движение. Кардинальные перемены начались с событий Арабской весны, положивших начало трансформации идеологии, поведения и стратегии исламистов.

В следующие 10 лет исламистское движение развивалось в трех направлениях.

В странах, где государственность оказалась под вопросом вследствие революций, например, в Йемене и Ливии, и произошло усиление влияния негосударственных салафитских и джихадистских движений, они не оставили партиям политического ислама другого выхода, кроме участия в конфликтах и гражданских войнах, чтобы не быть исключенным из политического процесса.

К следующей группе стран относятся Египет, Иордания и Сирия, где отношения государства и исламистов варьируются от частичного исключения исламистов из политической жизни, например, в Иордании, до полного исключения и искоренения - как в Египте и Сирии. Конфронтация обернулась расколами внутри самих исламистских движений и партий, а также ростом консервативных голосов внутри этих движений.

И, наконец, в таких странах, как Марокко и Тунис, исламисты получили возможность интеграции и признания на политической арене. В этих случаях включение исламистов в легальный политический процесс способствовало их идеологической и политической трансформации, особенно в отношении таких сложных вопросов, как взаимосвязь между религией и политикой, индивидуальные свободы, права человека, меньшинств и женский вопрос.

Включение исламистов в легальную политическую жизнь в Тунисе и Марокко привело к тому, что их взгляды и идеология стали более умеренными. Ряд ученых определяют происходящие перемены, используя термины «постисламизм» и «неоисламизм». Так, американский арабист иранского происхождения Асеф Байат определяет постисламизм как «сознательную попытку концептуализировать и разработать стратегию обоснования и способов преодоления исламизма в социальной, политической и интеллектуальной сферах» [2, р. 11]. Постисламизм признает светские требования и подчеркивает религиозность и права человека, продвигая таким образом «альтернативную» или «множественную» современность. Он стремится соединить религиозность и права, веру и свободу, ислам и свободу [3, р. 21]. Французский политолог О.Руа считает, что постисламизм - это попытка обновить исламизм и объединить его со свободой личности, демократией и современностью [4, р. 15].

Постисламизм выражается в признании светских требований, в свободе от жесткости, в более мягкой трактовке религиозной истины. Уважая значительную роль религии в общественном пространстве, он признает потенциальную опасность идеи религиозного государства как для религии, так и для государства. На практике постисламизм подразумевает трансформацию социально консервативных партий в направлении принятия правил гражданской и демократической политической системы и отказа от исламизации общества сверху и может стать мостом к форме «гражданского ислама».

Австралийский ученый Т.Чамхи склоняется к термину «неоисламизм», объясняя трансформацию партий политического ислама после революций Арабской весны. По словам Чамхи, неоисламизм подразумевает, что шариат не является непосредственным приоритетом для исламистов, чье внимание переключилось с религиозной прозелитизации (*да'ва* - проповедь) на политические, социальные и моральные реформы [5, p. 456].

Неоисламисты стремятся к конечным целям шариата, но не привязывают каждую ситуацию к определенному религиозному тексту. Они верят, что ислам динамичен и представляет собой не набор фиксированных правил и принципов, а скорее органичную систему верований, которая может адаптироваться и жить в ногу со временем. Неоисламисты могут быть прогрессивными и, в некоторых вопросах, даже либеральными.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМИЗМА В ТУНИСЕ

Тунисская исламистская партия «Ан-Нахда»¹ по праву может считаться авангардом нового политического течения, имеющего конечной целью строительство партии «мусульманской демократии». Это успешный пример действенности формулы «умеренность через включение», подразумевающей, что постепенное включение радикальных и антисистемных партий в политическую систему заставляет их отступать от своих первоначальных крайних взглядов, чтобы иметь возможность конкурировать в плюралистической среде. Общие правила и ограничения участия в политической жизни страны неизбежно вынуждают таких акторов пересмотреть строгие идеологические позиции для достижения хотя бы некоторых политических целей, поставленных партией.

«Ан-Нахда» непрерывно находится у власти с 2011 г., получив 41% мест в Учредительном собрании на всенародном голосовании после «Жасминовой революции»², затем - входя в состав правящей коалиции по результатам всеобщих выборов 2014 и 2019 гг. - соответственно, по 31,79% и 19,63%. Самыми сложными для партии стали первые три года пребывания у власти - с 2011 по 2013 гг. Сказались постреволюционный кризис общества и экономики, отсутствие опыта государственного управления у членов партии, завышенные ожидания народа по отношению к новой власти и неумение находить компромисс с политическими оппонентами.

Светские партии возложили на «Ан-Нахду» вину за ее мягкую позицию в отношении салафитского политического насилия в стране в эти годы [6, p. 369]. В 2013 г. ситуация в Тунисе ухудшилась почти до того же состояния, что и в Египте после военного переворота, в результате которого был свергнут президент Мухаммед Мурси. Одним из драматических последствий стала последовательная отставка премьер-министров, представлявших «Ан-Нахду», Хамади Джебали в начале марта 2013 г. и Али Ларайеда - в декабре 2013 г. после резонансных убийств оппозиционных политиков левого толка - Ш.Белаида и М.Брахми. В отличие от президента Египта Мурси, не пожелавшего уйти в отставку после массовых протестов, вспыхнувших против его правительства и приведших к перевороту, «Ан-Нахда» доказала, что готова отказаться от власти сейчас для сохранения своих позиций в будущей политической структуре Туниса.

Участие в правительственной коалиции вместе с партиями либерального толка с 2014 г. положило начало трансформации партии. Она открыто признала свои прошлые ошибки в отношении движения джихадистов в период с 2011 по 2014 гг. «Ан-Нахда» преодолела идеологические разногласия и обратилась к разным партиям, чтобы избежать монополии на управление в послереволюционный период. В отличие от Египта, где фундаменталистское мышление «Братьев-мусульман» и нежелание сотрудничать с оппозицией привели к падению этой организации, «Ан-Нахда» приобрела имидж партии, способной двигаться вперед путем диалога и компромисса, а не партии старого типа, скованной неизменной радикальной идеологией.

Таким образом, «Ан-Нахда» оказалась способной пойти на компромисс и нормализацию отношений с государством и обеспечила свое присутствие в преимущественно светско-либеральном правительстве. Яркий пример растущего согласия партии с элитами - голосование парламентариев от «Ан-Нахды» за снижение налогов на импорт алкогольных напитков в 2015 г. [7, p. 34]. Этот шаг вызвал упреки части общественности, поскольку противоречил религиозным ценностям и представлениям партии о социальной справедливости. «Ан-Нахда» также поддержала реформы, рекомендованные Международным валютным фондом, которые наносили удар по экономическим интересам как ее базового электората, так и избирателей ту-

¹ «Ан-Нахда» - исламистская партия, основанная в 1989 г. Рашидом аль-Ганнуши. На рубеже 1980-1990-х гг. была практически полностью разгромлена президентом Бен Али. Р.Ганнуши бежал из страны и вернулся только после революции Арабской весны в 2011 г. (*прим. авт.*).

² «Жасминовая революция» - общенациональное возмущение в Тунисе в 2010-2011 гг., в результате которого Бен Али отказался от власти и бежал из страны (*прим. авт.*).

нисского среднего класса, на которых партия начала ориентироваться. Принятые меры включали замораживание найма в государственном секторе, сокращение субсидий на топливо и повышение цен на электроэнергию и бензин. Однако партия воздержалась при голосовании по идеологически весомому вопросу - о равных правах наследования для женщин, опасаясь отчуждения своей консервативной базы поддержки на том основании, что этот проект противоречил шариату, и в то же время не проголосовала «против», чтобы не ставить под угрозу консенсус со светскими партиями [8, p. 482].

Идеологи «Ан-Нахды» пришли к выводу, что исламизация не поможет преодолеть социально-экономические проблемы страны, и решили сосредоточиться на разработке государственной политики, а не идеологии. Примечательно, что все эти годы у руководства партией оставался один человек - Рашид аль-Ганнуши (р. 1941 г.). Создатель и бессменный лидер «Ан-Нахды» на протяжении более чем 40 лет, Ганнуши и сегодня формирует актуальную повестку. Как «духовный и политический лидер» Ганнуши, опираясь на активистов партии, которые, как и он, провели 1990-е и 2000-е гг. в изгнании в Европе, при реформировании партии берет за образец христианских демократов Германии и стран Скандинавии [9, p. 19]. Он регулярно подчеркивает, что «Ан-Нахда» считает себя консервативной демократической партией с религиозной ориентацией, позиционирующей себя как умеренную, гражданскую и демократическую организацию.

Ориентируясь на шведскую модель, Р.Ганнуши считает, что будущее Туниса за внедрением исламской этической экономической системы, несущей ценности гражданства и гарантирующей частную собственность, без ущемления индивидуальных и коллективных свобод. Современное кредо «Ан-Нахды» - синтез между господствующим капиталистическим порядком и исламским мышлением, способствующим социальной справедливости.

Типичный образ члена партии также претерпевает изменения. По мнению Ганнуши, сегодня - это «умеренный мусульманин маликитского мазхаба, приверженный Тунису и преданный национальному государству. Гражданин, полностью вовлеченный в общественные дела и согласный с духом ислама и ценностями современности, свободой, наукой, демократией, правами человека, гендерным равенством и народным суверенитетом, работающий на благо всех мусульман и братство народов Магриба. Он убежденный приверженец нового исламского проекта, основанного на политической специализации, и опровергает любую тотальную модель ислама» [10, p. 11].

Вышеприведенные слова Ганнуши прозвучали на поворотном для политической жизни партии мероприятии - X Конгрессе «Ан-Нахды», состоявшемся 20-22 мая 2016 г. в г. Хаммамет. Там было озвучено epochальное решение - руководство «Ан-Нахды» решило разделить религиозную и политическую деятельность и «специализироваться» отныне только на политической. Как заявил в интервью лидер партии Р.Ганнуши, эта специализация означает, что партия «покидает политический ислам и переходит в демократический ислам. Мы - мусульманские демократы, которые больше не претендуют на то, чтобы представлять политический ислам» [11, p. 9].

Специализация - это попытка пересмотреть отношения между религией и политикой, освободить политическую деятельность от религиозных соображений, с одной стороны, и освободить религиозные позиции и действия от политических манипуляций, с другой. «Мы хотели бы продвигать новую «Ан-Нахду», обновить наше движение и вывести его в политическую сферу, вне какой-либо связи с религией. До революции мы прятались в мечетях, профсоюзах, благотворительных организациях, потому что реальная политическая деятельность была запрещена. Но теперь мы можем открыто быть политическими деятелями», - сказал он [12, p. 41].

В заключительном заявлении Конгресса подчеркивалось, что «Ан-Нахда» покончила со своей двойной идентичностью партии и движения, став, таким образом, национально-демократической политической партией с исламской ориентацией, открытой для всех тунисских мужчин и женщин. Символическим шагом стало выдвижение «Ан-Нахдой» в 2018 г. тунисского еврея Симона Саламы своим кандидатом на муниципальных выборах в г. Монастир [13].

В соответствии с решениями X Конгресса, проводя курс на специализацию в политической сфере, партия создала новый орган - «Академия обучения и лидерства Эр-Рида», чтобы обеспечить себя квалифицированными кадрами политиков и привлечь талантливую молодежь. Эта новая структура намерена готовить новых активистов и обучать их политическому ремеслу, уделяя основное внимание экономике, геополитике и политическим коммуникациям. Академия занимается отбором, обучением и продвижением будущих политических кадров. По мнению ее президента Фетхи Айади, создание Академии обусловлено управленческой логикой, направленной на повышение эффективности партии, «потому что мы хотим быть лидерами завтрашнего дня» [14]. Создание Академии Эр-Рида подтверждает стремление партии стать полностью политическим игроком.

Приняв решение о преобразовании «Ан-Нахды» в политическую партию, Конгресс призвал ее членов практиковать проповедничество и другие неполитические дела в независимых неправительственных и

некоммерческих ассоциациях. Однако решение 2016 г. о переориентации исключительно на политику, хотя и одобренное большинством делегатов партийного съезда, остается проблематичным. Ослабление акцента на исламе в идеологии «Ан-Нахды» привело к кризису идентичности, который создает значительные проблемы для партии. Поскольку она больше не называет ислам системой отсчета, это нейтрализует ее роль как движущей силы социальных изменений, и «Ан-Нахда» теряет своих корневых сторонников из-за того, что теперь апеллирует к более широкому электорату.

Следует заметить, что данное решение не нашло однозначной поддержки среди членов партии и воспринимается как конъюнктурное и принятое во многом, чтобы добиться признания со стороны светских сил Туниса и стран Запада, стоящих за ними. «Ан-Нахда» дорого заплатила за специализацию, поскольку потеряла часть сторонников и членов, которые были разочарованы отходящей от традиционного ислама траекторией партии и начали ориентироваться на другие варианты, то есть на салафитские группы Туниса [15, с. 721].

Таким образом, перед «Ан-Нахдой» стоит тонкая задача сформулировать консервативное видение и платформу, которые отводили бы исламу видное место в её риторике и беспокоящих её вопросах, но в то же время не бросали вызов фундаментальным основам политического порядка. Будущее партии будет зависеть от того, как она переосмыслит роль ислама, чтобы выйти за рамки идеологии и перейти к политике идентичности. Другими словами, задача состоит в том, чтобы перейти от классического исламизма, который подчеркивает роль религии как источника законодательства, ориентира для поведения в обществе и основу для надлежащего управления, к более общему консерватизму [16, с. 38].

Избиратели Туниса и часть рядовых членов «Ан-Нахды» разочарованы не только постепенным размыванием доктринальных аспектов деятельности партии, но и тем, что партия, находясь у власти с 2011 г., до сих пор не смогла стать движущей силой политических, экономических и социальных перемен. Нейтрализация исторической позиции «Ан-Нахды» в пользу либеральных социально-экономических реформ наносит ущерб легитимности партии. Согласование с повесткой дня коалиционного правительства привело к тому, что политические решения «Ан-Нахды» перестали отражать первоначально заявлявшиеся цели партии. Из-за этого она теряет поддержку тех избирателей, которые выступают за усиление роли государства и патернализм.

Получив большинство мест на парламентских выборах в 2019 г., «Ан-Нахда» сейчас занимает прочные позиции. Она стала ключевой частью политического истеблишмента, и ее приверженность национальной безопасности Туниса не поколебалась с тех пор, как она выступила против движения джихадистов. Она также выступает активным сторонником того, что она называет «мусульманской демократией», а не исламизма, как раньше. Однако «Ан-Нахда» еще не разъяснила, что на практике означает «мусульманская демократия».

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МАРОККО

История марокканского исламистского движения - благодатная почва для изучения трансформаций, пережитых исламистскими политическими партиями в процессе становления и после прихода к власти. Первая исламистская партия - «Исламское молодежное движение» - возникла еще в 1969 г. «Исламская группа», основанная А.Бенкираном, М.Ятимом и С. эль-Отмани в 1981 г., столкнулась с проблемами легализации, им пришлось заменить ее на «Движение за реформы и возрождение». В сентябре 1996 г. произошло слияние этой партии и «Лиги за становление ислама», возглавляемой А.Райсуни, с целью создания «Движения за единство и реформы». Еще через два года - в 1998 г. руководители «Движения за единство и реформы» сочли необходимым учредить политическую партию, которая представляла бы «Движение» на политической арене. Ею стала «Партия справедливости и развития» (ПСР).

Само «Движение за единство и реформы» продолжало функционировать как исламская организация, ставящая целью обновление общества посредством религиозного образования, реализации социальных и культурных проектов. Таким образом, исламисты Марокко стали пионерами «специализации», характеризующейся функциональным разделением между политической деятельностью и работой, связанной с поведенью, благотворительностью и социальной помощью.

Члены «Движения за единство и реформы» баллотируются на общенациональных парламентских выборах начиная с 1997 г., когда они получили 9 мест [17, р. 139]. Если тогда основу повестки депутатов-исламистов составляли вопросы идентичности, этики и морали, то уже во время следующего срока работы парламента в 2002-2006 гг. избранные 42 представителя ПСР решили принять более прагматичную стратегию в ущерб идеологическим устремлениям. Особенно явно это ощущалось после «марокканского 11 сентября» - 16 мая 2003 г., когда исламистские террористы, близкие к «Аль-Каиде», совершили пять взрывов в Касабланке [18, р. 39]. Часть политического истеблишмента Марокко возложила моральную от-

ветственность за произошедшее на ПСР, некоторые левые парламентарии даже призывали к ее роспуску. Власти королевства подчеркивали, что по конституции создание партий на религиозной основе также запрещено. Так, в официальной речи после взрывов 2003 г. король Мухаммед VI отметил, что как эмир верующих он считается «единственным религиозным авторитетом для марокканской нации, поэтому не будет места для партий или ассоциаций, которые стремятся выступать от имени ислама в целом или для его опеки» [19]. Давление со стороны власти как реакция на взрывы 16 мая стало еще одной возможностью для исламистов в разграничении религии и политики.

Большое значение для создания теоретической основы сосуществования «Движения за единство и реформы» и ПСР имели труды интеллектуальных лидеров исламистов. Так, в 2009 г. один из создателей и ведущих политиков партии Саад-Эддин Эль-Отмани опубликовал книгу «Религия и политика: различие, а не разделение» [20]. Основная идея автора состоит в том, что исламская политическая мысль может черпать вдохновение в модели западной демократии, если будет создан механизм регулирования дистанции между религиозным и политическим. Наилучшей моделью государства для стран ислама, по мнению марокканского политика, стало бы нечто среднее между французским лаицизмом и теократической моделью абсолютной интеграции религии в политику.

Помимо теоретического осмысления взаимоотношений политики и проповеди, исламисты Марокко закрепили специализацию партии и движения, приняв партийные документы, в которых излагались принципы разделения. В 2008 г. на своей шестой конференции «Партия справедливости и развития» представила институциональный ответ на проблему взаимоотношений между религиозным и политическим в «Тезисах о демократической борьбе», охарактеризовав партию как «гражданскую политическую партию с исламской структурой, действующую в соответствии с правилами демократии» [21, р. 126].

Несмотря на разделение структур, границы между движением и партией и сегодня остаются размытыми, что позволяет циркулировать между ними руководителям и активистам, а также дает им возможность оказывать взаимную поддержку. Специализация не привела к разрыву между «Движением за единство и реформы» и ПСР. Напротив, движение продолжает играть важную роль как стабильная база активистов и структура для привлечения сторонников. Движение оказывает существенную поддержку партии на выборах, а благодаря своим кадровым ресурсам и проводимым мероприятиям оно становится важным инструментом социального руководства и политической мобилизации.

Протесты Арабской весны 2011 г. способствовали выдвиганию исламистов на передний план политической жизни как в регионе в целом, так и в Марокко, в частности. Страх перед народными протестами, которые быстро распространились по всему региону, побудил монархию открыть политическое поле для конкуренции. Власти королевства ответили, по крайней мере частично, на требования протестующих путем проведения двух процессов: конституционного и политического. Первый включал широкий пересмотр конституции 1996 г., о котором было объявлено в речи короля Мухаммеда VI 9 марта 2011 г. Одна из поправок предусматривала, что лидер партии, победившей на парламентских выборах, становится премьер-министром страны. Королевские власти Марокко рассматривали ПСР как предохранительный клапан в период после Арабской весны, делая ставку на ее популярность, с целью уменьшить общественные противоречия, что привело к стратегическому сотрудничеству партии и королевского дворца.

ПСР удалось занять лидирующие позиции на парламентских выборах 2011 г., она получила 107 из 395 мест в парламенте [22, р. 759]. Ее лидер Абделила Бенкиран стал премьер-министром (2011-2017 гг.). На выборах в 2016 г. партия подтвердила свое лидерство, улучшив результат на треть - она получила 125 мест [23, р. 287]. Таким образом, ПСР стала единственной исламистской партией в арабском мире, которая удерживала власть в течение двух правительственных мандатов подряд и одерживала последовательные победы на выборах.

Опыт работы в правительстве подверг партию испытанию. Ее руководство с самого начала осознавало, что действовать придется в рамках политической системы, краеугольным камнем которой является монархия, и что любая попытка политических изменений будет безуспешной без благословения королевского института. С первых дней у власти партия твердо верила, что отношения с монархией должны строиться на основе сотрудничества, а не конкуренции. Чтобы избежать конфликта с дворцом, ПСР начала прибегать к консервативной интерпретации конституции, передавая многие полномочия премьер-министра королю. Например, в соответствии с новыми поправками в конституцию, премьер-министру были предоставлены широкие полномочия по назначению на руководящие должности в административной бюрократии. Поправка давала премьер-министру право назначать таких чиновников, как префекты провинций, послы, директора предприятий государственного сектора. Хотя эти полномочия были гарантированы конституцией, Бенкиран редко пользовался ими, опасаясь осложнить отношения с дворцом [24].

Растущая популярность Бенкирана в партии и в стране, последовательные успехи партии на выборах превратили её и её лидера в мишень. Победы ПСР на выборах вызвали в королевском дворце опасения, что партия создаст избирательный механизм, который невозможно будет регулировать с помощью стандартных процедур контроля над выборами. Как следствие, дворец беспокоился, сможет ли он контролировать политическую сцену в случае, если партия освободится от институциональных ограничений, установленных государством. Признаки растущей напряженности в отношениях между дворцом и исламистами проявились накануне и после выборов 2016 г. В течение избирательного периода власти королевства работали над созданием ряда препятствий и юридических мер для предотвращения дальнейшего укрепления позиций партии на выборах - в дополнение к обычно предпринимаемым ими шагам с целью контроля над политическим ландшафтом и провоцирования внутренних разногласий в стане оппозиции.

Ситуация накалилась после речи Бенкирана перед членами его партии в апреле 2016 г., в которой он выступил с плохо завуалированной критикой в адрес окружения короля. Кроме того, Бенкиран прямо раскритиковал Фуада Али Эль-Химму, личного советника короля, и обвинил его в том, что он стал символом «контроля» [25, p. 219]. Он также намекнул, что в королевском окружении есть коррумпированные деятели.

О раздражении королевского дворца свидетельствуют слова одного из представителей власти, что Бенкиран «в будни работает премьер-министром, а по выходным - политическим оппонентом» [26]. Крупная победа партии на выборах 2016 г. обернулась решением властей королевства саботировать сотрудничество с ПСР и добиться, чтобы Бенкиран был отстранен от партийного руководства. Королевское окружение сделало всё возможное, чтобы убрать ветерана Бенкирана с политической арены. Ему в течение 6 последующих месяцев не давали сформировать новое правительство. 15 марта 2017 г. король попросил Бенкирана уйти в отставку и позволить другому лидеру ПСР сформировать новое правительство. Новым генеральным секретарем партии и главой правительства стал С.Эль-Отмани.

Этот вынужденный шаг нанес большой удар по ПСР - в последующие годы партия не только почти раскололась на несколько фракций, но и, будучи правящей, совершила ряд принципиальных ошибок, стоивших ей поражения на следующих выборах. Кабинету исламистов во главе с Эль-Отмани пришлось пойти на такие противоречащие его консервативной идеологии шаги, как подписание договора о нормализации отношений с Израилем и принятие решения о легализации в стране каннабиса [27]. Это настроило марокканский электорат против партии накануне выборов 2021 г.

Кроме того, в 2017-2021 гг. королевские власти не оставляли попыток дальнейшего подрыва позиций исламистов. Когда в октябре 2017 г. в северном регионе Риф в Эль-Хосейме вспыхнули беспорядки после смерти местного продавца рыбы, по решению правительства некоторые протестующие были задержаны. Последующие действия монарха дискредитировали кабинет министров - Мухаммед VI помиловал задержанных и уволил трех министров и других должностных лиц, обвинив их в отсутствии прогресса в развитии региона Риф. Монарх пообещал устроить «политическое землетрясение», чтобы решить многие проблемы управления страной. Этот шаг укрепил имидж монархии как политического арбитра и подорвал образ исламистов как партии, близкой народу [19].

В результате на парламентских выборах 8 сентября 2021 г. партия заняла лишь 8-е место и смогла получить всего 13 мест, что было недостаточно даже для формирования парламентского блока. Это худший результат партии со времени выборов 1997 г., когда она получила 9 мест. На сей раз парламентским лидером стала партия либерального толка - «Национальное объединение независимых», получившая 97 из 395 имеющихся мест [27]. Эта партия, основанная покойным премьер-министром Ахмедом Османом в 1978 г., была на этих выборах фаворитом марокканских королевских властей.

Пока трудно прогнозировать развитие нынешнего кризиса внутри «Партии справедливости и развития» и его последствия для её дальнейшей судьбы. Непростой путь, пройденный ПСР, показывает, что у нее есть организационные возможности и институциональные механизмы, необходимые для управления внутренними разногласиями и возвращения симпатий своего электората. Партия сталкивалась с подобными испытаниями в прошлом и успешно с ними справилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ траектории развития исламистских партий Туниса и Марокко в плюралистической конкурентной политической среде показывает, что переход к постисламизму не является простым и линейным. Задача состоит в том, чтобы перейти от классического исламизма, который рассматривает религию как источник законодательства, ориентир для поведения в обществе и основу для надлежащего управления, к более общему консерватизму. В результате, исламизм перестает быть ориентиром, опреде-

ляющим политические цели в стремлении к власти, он, скорее, становится практикой вынесения моральных суждений о политических действиях.

Если исламистский дискурс можно эффективно использовать для мобилизации сторонников и победы на выборах, то для управления государством и оправдания ожиданий своих избирателей от исламистских партий требуется совершить сдвиг в сторону прагматизма в ущерб их основополагающей идеологии. Нынешний внутренний кризис марокканской «Партии справедливости и развития» и продолжающиеся поиски баланса между традиционной идеологией и политической специализацией тунисской партии «Ан-Нахда» обещают иметь серьезные последствия. Особенно если этим партиям не удастся добиться поддержки со стороны своих традиционных избирателей.

Обе партии уже прошли непростой путь: для политического выживания и обеспечения своего активного присутствия на политической арене им пришлось адаптироваться к вызовам сложной социально-политической ситуации переходного периода. Они также продемонстрировали гибкость в поиске компромиссов, создании междеологических союзов и проведении разделительных линий между своей деятельностью по религиозной проповеди и политикой. Обе партии продолжают поиски баланса в сочетании правильных доз исламизма, демократии, плюрализма, светскости и национальных интересов.

В этой связи, на наш взгляд, постисламизм как значительный сдвиг парадигмы от исламизма - полезный концептуальный инструмент для изучения трансформации дискурса и политики современного политического ислама.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ayoob M. 2010. *The Many Faces of Political Islam: Religion and Politics in the Muslim World*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 213 p.
2. Bayat A. 2007. *Making Islam Democratic: Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford, CA: Stanford University Press. 320 p.
3. Bayat A. 2013. *Post-Islamism: The Many Faces of Political Islam*. Oxford: Oxford University Press. 368 p.
4. Chamkhi T. 2014. Neo-Islamism in the Post-Arab Spring. *Contemporary Politics*. № 20 (4). Pp. 453-68.
5. Roy O. 2013. There Will Be No Islamist Revolution. *Journal of Democracy*. № 24 (1). Pp. 14-19.
6. McCarthy R. 2018. When Islamists lose: The politicization of Tunisia's Ennahda movement. *The Middle East Journal*. V. 72. № 3. Pp. 365-384.
7. Ben Salem M. 2018. Fluidité politique et transition incertaine d'Ennahdha vers l'islamo-démocratie. *Partis politiques et transitions démocratiques*. Tunis, Nirvana 267 p.
8. Pfeifer H. 2019. The Normative Power of Secularism. Tunisian Ennahda's Discourse on Religion, Politics, and the State (2011-2016). *Politics and Religion*. V. 12. Issue 3. Pp. 478-500. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755048319000075>
9. Mahdavi Mojtaba. 2019. Whither Post-Islamism: Revisiting the Discourse/Movement after the Arab Spring. *Arab Spring and the Quest for New Metaphors: Modernity, Identity and Change*. New York: Palgrave MacMillan. Pp. 15-38.
10. Ben Lazreg H. 2021. Post-Islamism in Tunisia and Egypt: Contradictory Trajectories. *Religions*. № 12 (6). P. 408. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel12060408>
11. Imad Abdul Ghani. 2019. Post-Islamism: Ideological Delusions and Sociological Realities. *Contemporary Arab Affairs*. № 12. Pp. 3-20.
12. Marks M. 2017. *Tunisia. Rethinking Political Islam*. New York: Oxford University Press. Pp. 32-53.
13. Bar'el Zvi. 2018. 'Islamic Party's Secret Weapon in Tunisia Local Elections: A Jewish Candidate'. *Haaretz*. February 26. <https://www.haaretz.com/middle-east-news/.premium-islamic-party-s-secret-weapon-in-tunisia-elections-a-jewishcandidate-1.5849408> (accessed 23.04.2022)
14. Lafrance C. 2019. Tunisie: Riyada, l'Académie qui prépare la relève d'Ennahdha. *JeuneAfrique.com*. 21 juillet 2019.
15. Исаев Л.М., Айсин М.Б., Медведев И.А., Коротаев А.В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 4. С. 713-730. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730
16. Issaev L.M., Aisin M.B., Medvedev I.A., Korotayev A.V. 2020. Islamic Terrorism in the Middle East and its Impact on Global Security. *RUDN Journal of Political Science*. 22 (4): 713-730 (In Russ.). DOI:10.22363/2313-1438-2020-22-4-713
17. Хайруллин Т.П. Постисламизм: особенности, процессы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. № 9. 2021. С. 34-39. DOI: 10.31857/S032150750016589-9
18. Khayrullin T. 2021. Post-islamism: features, processes and prospects. *Asia and Africa today*. № 9, pp. 34-39 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016589-9
19. Buehler M. 2013. Safety-Valve Elections and the Arab Spring: The Weakening (and Resurgence) of Morocco's Islamist Opposition Party. *Terrorism and Political Violence*. V. 25, № 1. Pp. 137-156. <https://doi.org/10.1080/09546553.2013.733274> (accessed 30.04.2022)
20. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. М., ИАФР РАН, 2020. 210 с.
21. Islamic radical movements on the political map of the modern world. Sahara-Sahel zone and the Horn of Africa. 2020. Moscow. 210 p.

19. Mohamed Kareem Bokhsas. 2018. Hidden Information in the Relations between the Palace and Islamic Leaders. *Jaridat al-Ayam*. № 7971. March 15, 2018.
20. Saadeddine Othmani. 2009. Religion and Politics: Distinction, Not Separation. Arab Cultural Center. Dar AlKalema, Cairo. 157 p. (In Arab.)
21. Driss Maghraoui, Saloua Zerhouni. 2014. Searching for Political Normalization: The Party of Justice and Development in Morocco. *Islamist Parties and Political Normalization in the Muslim World*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. Pp. 112-133. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt6wr8hs.8> (accessed 27.04.2022)
22. Mohamed El Hachimi. 2015. Democratization as a Learning Process: The Case of Morocco. *The Journal of North African Studies*. V. 20. № 5. Pp. 754-769. <https://doi.org/10.1080/13629387.2015.1081463>
23. Desrues T. 2017. Le tahakkoum et la parlementarisation du régime politique marocain à l'aune des élections de 2016. *L'Année du Maghreb*. № 17. Pp. 285-309.
24. Morocco: Mohammed VI unhappy with Abdelilah Benkirane. July 20, 2016. <http://www.jeuneafrique.com/mag/342177/politique/maroc-mohammed-vi-mecontent-a-lencontre-dabdelilah-benkirane/> (accessed 28.04.2022)
25. Desrues T. 2018. Le Maroc en 2017: Gouverner la "Monarchie executive" ou les logiques de l'autoritarisme. *L'Année du Maghreb*. № 19. Pp. 211-232.
26. Tarek Benhada. 2017. Al-Ramid: There May Be Unknown Reasons for Morocco's Decision to Dismiss Benkirane. *Hespress*. March 18, 2017. <https://www.hespress.com/politique/343267.html> (accessed 29.04.2022)
27. Abdul-Wahab Kayyali. 2018. The lessons of history: The PJD and the history of partisan politics in Morocco. The Middle East Institute. <https://www.mei.edu/publications/lessons-history-pjd-and-history-partisan-politics-morocco> (accessed 30.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жерлицына Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, Ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам стран Африки, доцент РУДН, Москва, Россия.

Natalia A. Zherlitsina, PhD (History), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Academic Secretary, Research Council for the problems of Africa, Russian Academy of Sciences, Associated Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 06.07.2022

COVID-19 в Африке

DOI: 10.31857/S032150750021340-6

Оригинальная статья / Original article

The light from the stern: South African historians in the era of COVID-19

© Boris M. Gorelik^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. South Africa was among the few countries on the African continent where medical historians were often called on to reassure the public that the new pandemic could be contained and that lockdowns were bound to end. During the coronavirus pandemic, the role of South African medical historians has been to put historically informed perspectives on the virus outbreaks and their consequences.

For 750 days, South Africa remained in a national state of disaster because of the COVID-19 pandemic. The imposition of lockdown in 2020 increased hunger and poverty, deprived more South Africans of their income and access to education, placed a heavy burden on the healthcare and public health sector, sparked off protest and looting of shops, caused excessive use of violence by security forces and worsened the recession. The pandemic exacerbated the disparities in health, living conditions and access to professional medical services.

Epidemics affect all spheres of people's lives and lead to noticeable social change. The study of epidemics puts the past in a different perspective by foregrounding historically important tendencies and processes. Therefore, the popular media in South Africa sought the opinion of the leading experts in this field, such as Howard Phillips, on the coronavirus disease throughout the state of disaster period.

The impact of the public scholarship by Phillips and his colleagues during the coronavirus pandemic in South Africa demonstrates that knowledge gained from historical research can help people to make sense of the present, which is crucial 'in a time of plague'. That is, historical knowledge can be useful in solving today's problems. Uncovering patterns of responses to epidemics by previous generations of South Africans throughout the centuries, medical historians helped the nation realise that it had already been in dangerous waters before, survived, recovered and might do it again.

Keywords: South Africa, coronavirus, pandemic, COVID-19, Howard Phillips, history of medicine

For citation: Gorelik B.M. The light from the stern: South African historians in the era of COVID-19. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 59-65. DOI: 10.31857/S032150750021340-6

Свет из прошлого: южноафриканские историки в период COVID-19

© Горелик Б.М.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Резюме. В течение 750 дней в ЮАР действовал режим «бедственного положения» (*state of disaster*) из-за пандемии COVID-19. ЮАР была одной из немногих стран на Африканском континенте, где СМИ часто обращались к историкам медицины, чтобы заверить общественность в том, что новую пандемию удастся взять под контроль и карантинные меры в обозримом будущем будут отменены. Во время пандемии коронавируса роль южноафриканских историков медицины заключалась в том, чтобы представить исторически обоснованные взгляды на массовые вспышки болезней и их последствия.

Ключевые слова: ЮАР, коронавирус, пандемия, COVID-19, Говард Филлипс, история медицины

Для цитирования: Gorelik B.M. The light from the stern: South African historians in the era of COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 59-65. DOI: 10.31857/S032150750021340-6

INTRODUCTION

On 5 March, 2020, the Minister of Health announced that the first COVID-19 case had been confirmed in South Africa. Just six days later, on 11 March, Howard Phillips, Emeritus Professor of the University of Cape Town, published an article "Containing COVID-19: SA must learn from the mistakes of the 1918 Spanish flu epidemic" [7]. This widely reproduced piece, probably the first reaction by a South African medical historian to the new pandemic, established Phillips as an authority on coronavirus beyond the academia. Given the strong need for objective analysis of the epidemiological situation and credible long-range forecasts, the popular media sought his opinion on the new disease [11].

During the COVID-19 pandemic, the role of South African medical historians has been to provide such a comparative perspective. Being aware of the previous generations' experiences in surviving and fighting lethal viruses helps South Africans to see that, although the coronavirus is new, the situation is not. 'We are not living in unprecedented times. Far from it', remarked a journalist after an interview with Phillips [10].

CONTEXTUALISING COVID-19

In September 1918, two steamers, the *Yaroslavl* and the *Voronezh*, docked at Cape Town. The British-built ships had once been Russian. Commissioned by the Russian *Dobrovolny Flot* (Volunteer Fleet) in the 1890s, the passenger/cargo steamers plied the route from Russia's European ports to Vladivostok. During the First World War, after the new Bolshevik government signed a separate peace treaty with the Central Powers in March 1918, Britain, Russia's former ally, requisitioned the *Yaroslavl* and the *Voronezh* in compensation for wartime debts.

The British government operated the vessels through the Royal Mail Steam Packet Company [1, pp. 48-50, 59-60]. Carrying the South African Native Labour Corps on their way back from Europe, the *Yaroslavl* and the *Voronezh* called at Freetown (Sierra Leone), a hotspot of 'Spanish' flu. The virulent strain of the virus spread among the soldiers aboard the two troopships and, on arrival in Cape Town, across South Africa, as the demobilised men travelled home by train.

A century later, the devastation caused by the 1918 influenza in South Africa was alluded to by the cabinet member who oversaw the country's anti-coronavirus campaign. When a national state of disaster was declared in South Africa, Minister of Cooperative Governance and Traditional Affairs Nkosazana Dlamini-Zuma held a media briefing on the spread of COVID-19. She warned South Africans that the new, poorly studied virus could be especially dangerous:

'The world and our nation have not been faced by such a potentially daunting challenge since the 1918 Spanish flu and the 1932 Great Depression', she noted, 'You will recall that the Spanish flu decimated more than 300 thousand South Africans over a two-year period' [2].

The minister did not mention her historical sources. Her wording implied that the data on the fatality of the 1918 influenza in South Africa was common knowledge. It was hardly so, but the reading public in South Africa was well served by medical historians indeed.

The estimates of the 1918 influenza mortality in Dlamini-Zuma's speech were borrowed from the writings of Professor Howard Phillips (see, for example, [3, p. 81; 4, p. x]). He has long explored the country's epidemic past and taught the social history of public and community health at the University of Cape Town. Phillips' studies of the history of epidemic diseases in South Africa have reached beyond academia. His public scholarship became topical during the coronavirus pandemic.

Historical epidemiology views epidemics and their effects within their social, cultural and economic contexts, enhancing the biomedical understandings [5, p. 10]. Phillips has consistently taken this approach, showing how epidemics can 'test every aspect of a society to its limits, starkly reveal its underpinnings and fault-lines and initiate or accelerate changes' [6, p. 4].

Since the start of the COVID-19 pandemic, Phillips' work has been mentioned hundreds of times by the leading South African newspapers, magazines and news websites. Journalists and academics have referred to and enthusiastically recommended his works, quoting from his collection of memoirs of the 1918 influenza survivors. His articles and interviews appeared not only in academic journals but also in the popular media. South Africa was among the few countries on the African continent where medical historians were often called on to reassure the public that the new pandemic could be contained and that lockdowns were bound to end.

A COMPARATIVE PERSPECTIVE

For 750 days, South Africa remained in a national state of disaster because of the COVID-19 pandemic. The imposition of lockdown in 2020 increased hunger and poverty, deprived more South Africans of their income and access to education, placed a heavy burden on the healthcare and public health sector, sparked off protest and looting of shops, caused excessive use of violence by security forces and worsened the recession. COVID-19's effect on the economy and society was 'immediate, deep and visible' [8, pp. 147-148].

In reference to the state of disaster period, President Cyril Ramaphosa said that it was 'an extraordinary situation that is unprecedented in our country's history' [9]. He was right about the consistent and long-term lockdown measures that his government carried out. But, as medical historians have demonstrated, at least 6 pandemics raged on the current territory of South Africa in the past 400 years, with dire consequences.

Epidemics affect all spheres of people's lives and lead to noticeable social change. Nevertheless, they 'loom small in accounts of South Africa's past, almost in inverse proportion to the anxious attention they attracted while they raged' [3, p. 9]. South Africans are generally ignorant of their epidemic past; therefore, they find it hard to anticipate and prepare for the immense risks that outbreaks of virulent diseases tend to entail. South Africa has one of the highest HIV/AIDS prevalence rates in the world, but the disease has become 'normalised', because antiretroviral therapy has made it possible to manage the syndrome. HIV/AIDS has been seen as a chronic illness, arousing far less fear and anxiety in South African society than it once did.

'This lack of a comparative perspective has, on the one hand, fuelled fear and foreboding among some of what may happen', Phillips commented during the coronavirus lockdown, 'while it has made it difficult for others to conceive of how great a threat a pandemic can pose to society and its everyday functioning' [6, p. 10].

LESSONS OF 'SPANISH' FLU

Considering the coronavirus crisis historically, Phillips stated that his country did not see such extensive effects of a pandemic since the arrival of the 1918 influenza. Comparisons with the Great Influenza were common in the international media in 2020, and they seemed particularly ominous in South Africa. The disease caused by the H1N1 influenza A virus took the lives of three hundred thousand South Africans within six weeks in September and October 1918. The country's population was diminished by 6%. In Phillips' opinion, it was 'the worst single disaster in the country's demographic history' [12, p. 73]. Most of the deaths were caused by pneumonia, a complication associated with both influenza and, a century later, with COVID-19.

During the state of disaster of 2020-2022, the death toll never reached the proportions of the 1918 disaster. Nor did the coronavirus pandemic cause emotional traumas on a comparable scale. However, as noted by Lindie Koorts, a South African historian, the COVID-19 crisis lasted longer, 'requiring sustained behavioural adjustments and restrictions that fall outside the scope of people's memory' [13]. Phillips' audiences were better prepared for it than other South Africans because he correctly assumed that, even after an effective vaccine was developed, the new pandemic would remain part of people's lives for several years.

Phillips argued that the early 20th-century epidemic offers important lessons that 21st-century South Africans must learn to avoid a catastrophe. The speed and modes of travel have changed substantially, but the spreading of viruses and the human responses to it have not. Human mobility (tourists and travellers, sailors and salesmen, migrants, refugees and returning soldiers) has brought global pandemics to South Africa for centuries, and the coronavirus is no exception [14, p. 12]. In the globalised world, viruses can be transmitted faster, with their hosts travelling by car or jet airliner rather than by ship or steam train.

The historian welcomed the national lockdown, which started on 27 March, 2020, just three weeks after the first confirmed COVID-19 case in the country. Viewing this measure as a necessity to prevent the disease, he encouraged South Africans 'to bite the bullet now if you do not want to bite the dust in a month's time' [15].

The 1st wave of the 'Spanish' influenza in South Africa was comparatively mild, which led the authorities to underestimate the threat. Therefore, during the far more serious 2nd wave, in the 'Black October' of 1918, they failed to prevent the virus from engulfing the country within weeks. The soldiers returning from Europe, who hosted the H1N1 influenza A virus, were released from quarantine too soon after their disembarkation in Cape Town and were allowed to return to their homes, carrying the virulent strain and transmitting it to others. Half of the population contracted the disease within a month [4, pp. x-xii, 1].

When dealing with the coronavirus, the government had to avoid tragic mistakes of the past. Phillips called for a swift, decisive action and strict implementation of precautionary measures, emphasising the need for a quarantine for the infected and their contacts. In the absence of a vaccine, isolation and social distancing could stop the virus from spreading.

Within the two months after the first confirmed case was reported in South Africa, the government took comprehensive measures to combat SARS-CoV-2. South Africans were ordered to stay at home. Going outside was allowed only to buy essentials or in emergency. The public health authorities promoted regular hand washing and sanitising. Handshaking, which helped to spread the virus, was being replaced with elbow bumps and other forms of greeting. In Phillips' opinion, those were positive developments. By contrast, when people or communities isolated themselves in 1918, it was self-imposed rather than enforced by the central government. During the influenza outbreaks, the quarantine was never strict, and heightened hygiene measures were rarely taken. Together with rather cursory medical examinations, they were unable to prevent the 'Spanish' flu from claiming more lives.

The South African government's reaction to the pandemic was characterised by anticipatory action to lighten the burden on the health system. 'Putting out the small flames to avoid a raging fire' was the main principle in fighting the coronavirus. To identify COVID-19 cases and minimise community transmission, mobile testing units and thousands of health workers, some already employed in HIV- or tuberculosis prevention, were deployed in areas with the highest population density and, correspondingly, the highest risk of infection. Residents showing coronavirus symptoms were identified and treated, and their contacts quarantined. By minimising or preventing community transmission in high-risk areas, the doctors succeeded in maintaining a comparatively low infection rate during the 1st wave [17, pp. 58-59].

Over the following two years, the country survived three other waves of the epidemic, with higher infection rates. During the 3d wave, in July 2021, Johannesburg hospitals were said to lack beds and oxygen for coronavirus patients as the public health system in South Africa's largest city was stretched to the limit. After each wave, some

restrictions were eased, only to be tightened or reimposed several months later with the new tide of coronavirus cases. The national state of disaster endured, which involved mask wearing, social distancing and limitations on public gatherings and international travel even while the number of cases temporarily declined.

The last, 4th wave in the state of disaster period had begun by December 2021 after the Omicron variant of SARS-CoV-2, which had a much higher rate of spread than the earlier variants, was first reported to the World Health Organization from South Africa.

ADVANCES AND DRAWBACKS

In 1918, the medical profession could offer only palliative remedies and support natural recovery because the influenza virus had not been identified, and antivirals did not exist yet. However, biomedicine has become the preferred system in South Africa, guiding the government's public health policies. Its acceptance by South Africans has been strengthened by its success in ending or managing the other epidemics in the country with the introduction of vaccines against smallpox or polio and anti-retroviral drugs against AIDS [6, p. 13].

Indeed, in February 2021, South Africa started a COVID-19 vaccination programme, the largest of its kind in the country's history. The previous mass campaign (1955-1961) was designed to immunise white children, who were particularly vulnerable to polio; less than a million South Africans were given a polio vaccine. By contrast, over 20 mln people had been vaccinated against the coronavirus in South Africa from late February 2021 to early April 2022.

By the end of the state of disaster in April 2022, 35% of South Africans had been vaccinated against COVID-19. Although it exceeds the average share in Africa (21%), it is less than the vaccination rates in other countries of the subregion, such as Botswana (61%), Mozambique (45%) or Zimbabwe (37%), whose health facilities are less developed. The campaign was hampered by vaccination hesitancy and scepticism, which, according to Phillips, had 'deep roots' in South African epidemiological history. In his interviews, the historian emphasised that the programme depended on the people's trust not only in biomedicine but also in the government and the public health system. Another major barrier, identified by the University of Johannesburg researchers, was related to social inequality: people in informal settlements and in the country found it hard to reach vaccination sites, which tended to be located in richer urban areas [18].

Shortly after the 'Spanish' flu outbreaks of 1918, the South African government set up a Ministry of public health to provide reliable information to the public, so that they were no longer ignorant about new epidemics. Still, its successor, the post-apartheid Department of Health, despite its regular public statement and briefings, was unable to fully persuade the public that it knew how to deal with COVID-19, particularly in the first year of the pandemic. Social media users peddled misinformation on the origins and fatality of the new virus to compensate for the lack of officially endorsed, biomedically proven information. It was a way for South Africans to reduce the uncertainty and prepare for what lay ahead.

Phillips' collection of interviews with survivors of the 'Spanish' flu epidemic was widely publicised during the COVID-19 lockdowns in South Africa. Although the book's popular appeal was limited because of its academic character, the testimonies of the 1918 disaster evoked the fear and disorientation that echoed the prevalent moods in the state of disaster period a century later. Phillips stated that the social crises caused by epidemics 'call forth raw responses and emotions unvarnished by political correctness or cosmetic politeness' [3, p. 154].

Epidemics always revealed prejudices, and, in such situations, South Africans tended to accuse other racial or ethnic groups of bringing the virus into the country and spreading it unknowingly or even intentionally. It was particularly dispiriting to witness such tendencies in the post-apartheid South Africa where 'the mantra of social cohesion has been superseded by that of social distancing' [19].

On the other hand, many South Africans responded to the new pandemic with outstanding expressions of altruism. As in the previous health crises in that country, their efforts transcended racial divisions. Large South African companies and some of the richest South Africans made sizeable donations to the Solidarity Fund, a public benefit organisation that supported the national relief programmes for the most vulnerable communities.

SOCIAL RELIEF

Phillips also foresaw that the authorities would be motivated to take swift action to improve the poor living conditions of millions of South Africans, which make it hard for them to comply with the lockdown regulations. Most of them have jobs in the informal sector, which offers no social benefits but requires them to leave their homes regularly and interact with their customers in public places. They spend many hours daily in overcrowded and unsanitary environments at home, at work or aboard public transport, and their immune systems are compromised. A study revealed that the COVID-19 fatality rate was twice as high in low-income communities as elsewhere in Cape Town [20].

The pandemic exacerbated the disparities in health, living conditions and access to professional medical services, affecting the most susceptible in South African communities hardest. This realisation prompted President Ramaphosa's commitment 'to forge a new economy and not merely return the economy to where it was before COVID-19 struck' [19].

But Phillips, based on his research on the epidemiological history of South Africa, concluded that the enthusiasm for social and economic upliftment of the disadvantaged tended to wane shortly after a public health crisis is resolved, undermined by the socio-political realities [20]. At the same time, he drew his readers' attention to 'an unprecedented roll-out of social relief by the state to the unemployed' which accompanied the strict lockdown measures [19].

Millions of South Africans badly needed government assistance as unemployment rose from 29.1% before the pandemic to 35.3% at the end of 2021. It was the highest rate in fourteen years [21, p. 2; 25, p. 6]. The government tried to salvage the South African economy by reallocating a large part of the budget and securing soft loans from international financial institutions for a stimulus package that amounted to 10% of the country's GDP [17, p. 58]. It was used to minimise the damage that the pandemic and the restrictions inflicted on the economy in recession and to compensate for the income losses of the most disadvantaged residents.

To stifle the growth of poverty and inequality, the government greatly expanded social protection. It introduced temporary relief schemes for small businesses and employees who lost jobs in the formal sector. Over 6 mln people, who had not received social grants before and did not qualify for the relief schemes, benefited from the new COVID-19 Social Relief of Distress grant (350 South African rands / USD22).

The cash-based COVID-19 relief measures reached half of the country's population. Besides, South Africa was among the few countries on the continent which expanded their social protection programmes to cover informal workers, because they were particularly vulnerable to the effects of the pandemic [23, pp. 2-4; 24, p. 1232].

STATE OF DISASTER ENDS

In March 2022, South Africa had the highest number of confirmed cases of COVID-19 in continental Africa. However, ratios are more important for understanding the epidemiological situation. Calculated as a total number of cases per million residents, the South African COVID-19 infection rate was significantly lower than that in Botswana, Libya and Tunisia.

On this basis, the infection rate in South Africa was comparatively low, the 127th highest in the world. The coronavirus fatality rate in that country (2.7%) exceeded the worldwide average (1.2%). In deaths per million, South Africa was ahead of Namibia, Eswatini, Botswana and Libya, and second only to Tunisia in continental Africa. But it was precisely these countries (apart from Gabon and Rwanda) that had the highest rates of COVID-19 testing on the continent [25; 26]. Apparently, the data from other African countries on coronavirus deaths and cases is not as representative because of their significantly lower rates of testing.

By late March 2022, it had become obvious both to the public and to health professionals in South Africa that the four waves of COVID-19 proved to be far less fatal than the three waves of the 1918 influenza a century before. In South Africa, deaths constituted only around 3% of the number of infections. The COVID-19 death toll within the two years of the new pandemic (under 0.2% of the country's population) did not match the horrifying mortality of the 'Black October' of 1918 (an estimated 6% of the population).

Although the number of infections in the 4th wave exceeded that in each previous wave, the public health authorities recorded fewer cases of severe illness and COVID-related deaths. There was also a marked reduction in coronavirus hospitalisations and ICU treatment. 'Many people express exhaustion around COVID, with sentiment that the virus is now very weak and COVID is over', noted the Department of Health, pointing out to pandemic fatigue, 'There is questioning why we are still prioritising COVID' [27, p. 2].

The government decided that the requirements for a national state of disaster were no longer met. It acknowledged that the pandemic had not ended, but there was no longer a need for prolonged emergency measures. Announcing the termination of the state of disaster from 5 April, President Ramaphosa assured South Africans that 'we are in a better position now than we have been at any other time over the last 750 days.' [9]. Nearly all coronavirus regulations were repealed, with the remaining restrictions to be lifted a month later.

THE ROLE OF A HISTORIAN IN TIMES OF CRISIS

The American medical historian Roderick McGrew believes that epidemics have highlighted 'normal aspects of abnormal situations', intensifying existing behaviour patterns that 'betray deeply rooted and continuing social imbalances' [28, p. 71]. They accentuate socio-cultural attitudes, accelerate trends and draw attention to the society's deficiencies. The awareness and sense of urgency bring about social change. Past epidemics shaped South Africa's history, contributing to the development of the healthcare and public health system, altering the demographic

structure of the colonial society, and enabling politicians to lobby forced removals and racial segregation as epidemic expediency [3, p. 153; 22].

The study of epidemics puts the past in a different perspective by foregrounding historically important tendencies and processes. However, it is yet to be seen if the COVID-19 pandemic would stimulate historians to fully appreciate the significance of diseases and their consequences for the making of South African history.

In the short term, the coronavirus experience will influence pandemic and disease scholarship. It is unlikely that the coronavirus would replace plague 'as the quintessential pandemic concept in historical thinking' [29, p. 1665] if the COVID-19 fatality rates remain comparatively low. At the same time, living through the lockdowns may prompt historians to shift their focus to the microlevel by exploring how epidemics have affected individuals and small communities rather than the society in general.

We may see projects similar to Phillips' *In a Time of Plague*, which is based on his interviews with survivors of the 1918 influenza. He has also advocated incorporation of epidemic history into school syllabuses and university courses to help South African society to manage outbreaks of virulent viruses in the future [6, p. 10].

The impact of the public scholarship by Phillips and his colleagues during the coronavirus pandemic in South Africa makes me think of the question of usefulness of history. The prevailing view on this subject was articulated by the British historian and philosopher R.G. Collingwood, who stated that the purpose of history is self-knowledge. Knowing what people have done indicates what they can do, which is the key to self-knowledge.

According to Collingwood, history teaches us 'what man is' [30, p. 10]. But why do we need self-knowledge if people hardly learn from history? In the words of the English poet, S.T. Coleridge, 'passion and party blind our eyes, and the light which experience gives is a lantern on the stern, which shines only on the waves behind us!' [31, p. 380].

The German philosopher G.W.F. Hegel asserted that history's lessons were useless because recollections of a past experience 'are powerless before the stress of the moment, and impotent before the life and freedom of the present' [32, p. 21]. Each generation finds itself in situations that its predecessors never faced, and unique circumstances require unique solutions. Later intellectual historians have pointed up that mindfulness of the divide between the past and the present is critical.

The American scholar A. Megill remarks that historians, instead of trying to establish continuity between the past and the present, should focus on the past as 'a reservoir of alternative possibilities, of paths not taken, of difference' [33, p. 11]. History's utility is in satisfying existential needs, such as in letting us see our life as part of human history and revealing the multitude of possible ways of understanding the world.

The Russian intellectual historians B.G. Mogilnitsky and M.A. Barg believed that history's status as an academic discipline was justified only if historians aspired to generalisations, which allowed them to discern patterns of change. History cannot teach or prognosticate, but its findings can help to identify trends in social change and development. There is continuity between the past and the present, despite the many gaps, breaches and variations in historical processes. The more the present differs from the past, the more we need to understand the past to adapt to the rapidly and drastically changing situations in the present [34, p. 56; 35, p. 20].

Indeed, too often 'usefulness' in history has been associated with conformism, propaganda, inattention to historical evidence, and political and ideological interventions. All the same, historical knowledge can help people to make sense of the present, which is crucial 'in a time of plague'. Phillips' work in 2020-2022 shows that history can be useful in solving today's problems, without extrapolating the impact of the COVID-19 pandemic from South Africa's epidemic past.

CONCLUSION

Medical historians in South Africa during the national state of disaster performed an important social task. Uncovering patterns of responses to epidemics by previous generations of South Africans throughout the centuries, they helped the nation realise that it had already been in dangerous waters before, survived, recovered and might do it again. Phillips and his colleagues did not try to predict the future. Instead, they let the lantern of history light the waves, so that the nation's ship no longer sailed in pitch darkness.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Яровой В.В. Добровольный флот. СПб: Галя-Принт, 2010. Yarovoy V.V. 2010. Volunteer Fleet. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Dlamini Zuma N. 2020. Minister Nkosazana Dlamini Zuma: Media briefing on risk-based model to address the spread of the Coronavirus, 25 Apr 2020. <https://www.gov.za/speeches/minister-nkosazana-dlamimedia-briefing-risk-based-model-address-spread-coronavirus-25-apr> (accessed 01.04.2022)
3. Phillips H. Epidemics: The Story of South Africa's Five Most Lethal Human Diseases. Athens, OH: Ohio University Press, 2012.
4. Phillips H. (ed). In a Time of Plague: Memories of the 'Spanish' Flu Epidemic of 1918 in South Africa. Cape Town: Van Riebeeck Society, 2018.

5. Webb J. Historical epidemiology and infectious disease processes in Africa. *The Journal of African History*. 2013, Vol. 54, № 1, pp. 3-10. DOI: 10.1017/S0021853713000042
6. Parle J. (Un)precedented times? An interview by Julie Parle with Emeritus Professor Howard Phillips. *Historia*. 2020, Vol. 65, № 1, pp. 3-13. DOI: 10.17159/2309-8392/2020/v65n1a1
7. Phillips H. 2020. Containing COVID-19: SA must learn from the mistakes of the 1918 Spanish flu epidemic. *Mail & Guardian*. 11 March.
8. Albertyn C., Adams R. Introduction: Special issue on 'The COVID-19 Pandemic, Inequalities and Human Rights in South Africa, part 1. *South African Journal on Human Rights*. 2021, Vol. 37, № 2, pp. 147-148. DOI: 02587203.2021.2022771
9. Ramaphosa C. Statement by President Cyril Ramaphosa on the termination of the National State of Disaster in response to the COVID-19 pandemic, 4 April 2022. <https://www.thepresidency.gov.za/speeches/statement-president-cyril-ramaphosa-termination-national-state-disaster-response-covid-19-pandemic> (accessed 12.04.2022).
10. Geach C. Pandemics and SA's forced removals. <https://www.iol.co.za/weekend-argus/news/pandemics-and-sas-forced-removals-68908b53-da80-430b-abd4-19db8ae7a1f4> (accessed 01.03.2022)
11. Phillips H. South Africa bungled the Spanish flu in 1918. <https://theconversation.com/south-africa-bungled-the-spanish-flu-in-1918-history-mustnt-repeat-itself-for-covid-19-133281> (accessed 27.03.2022)
12. Phillips H. South Africa's worst demographic disaster: The Spanish Influenza epidemic of 1918. *South African Historical Journal*. 1988, Vol. 20, № 1, pp 57-73. DOI: 10.1080/02582478808671636
13. Koorts L. 2021. Lesse te leer uit 1918 se Spaanse Griep. *Beeld*. 2 January, p. 11.
14. Phillips H. Microbes, mobility and mortality: South Africa's long pandemic history. *New Agenda: South African Journal of Social and Economic Policy*. 2020, № 77, pp. 9-12.
15. La Vita M. 2020. Keer só 'n massamoord. *Beeld*. 1 April, p. 9.
16. Ritchie K. 2020. A lesson in what a catastrophe looks like. *Saturday Star*. 28 March, p. 7.
17. Gorelik B. Putting out the small flames: South Africa's approach to combating COVID-19. *Asia and Africa today*. 2020. № 5, pp. 58-62. DOI: 10.31857/S032150750009552
18. Runciman C., Roberts B., Bohler-Muller N. Barriers to COVID-19 Vaccination. Research Briefing. UJ-HSRC COVID-19 Democracy Survey. Johannesburg, 2022. <https://www.uj.ac.za/wp-content/uploads/2022/02/2022-02-02-r5-barriers-to-vaccination.pdf> (accessed 11.04.2022)
19. Phillips H. The need for history in a time of plague. *South African Journal of Science*. 2020, Vol. 116, № 7/8, p. 2. DOI: 10.17159/sajs.2020/8495
20. Fokazi S., Singh O., Matiwane Z., Hosken G. 2021. Death rates double in poor areas. *The Sunday Times*. 17 January, p. 8, and <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/news/2021-01-17-death-rates-double-in-poor-areas/> (accessed 25.03.2022)
21. Maluleke R. Quarterly Labour Force Survey Q4:2019. Pretoria: Department of Statistics, 2020.
22. Quarterly Labour Force Survey Quarter 4: 2021. Statistical Release P0211. Pretoria: Department of Statistics, 2022.
23. Gronbach L., Seekings J., Megannon. V. Social Protection in the COVID-19 Pandemic: Lessons from South Africa. CGD Policy Paper 252. February 2022. Washington: Center for Global Development, 2022.
24. Onyishi C.J., Ejike-Alieji A.U., Ajaero C.K. et al. COVID-19 pandemic and informal urban governance in Africa: A political economy perspective. *Journal of Asian and African Studies*. 2021, Vol. 56, № 6, pp. 1226-1250. DOI: 10.1177/0021909620960163
25. WorldMeter COVID-19 Coronavirus Pandemic Statistics, 28 March 2022. <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries> (accessed 28.03.2022)
26. Coronavirus (COVID-19) Vaccinations, 28 March 2022. <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (accessed 28.03.2022)
27. Department of Health. South Africa COVID-19 and Vaccine Social Listening Report. 21 March 2022, Report 41. <https://sacoronavirus.co.za/wp-content/uploads/2022/03/SA-social-listening-report-21-March-2022-V6.pdf> (accessed 11.04.2022)
28. McGrew R. The first cholera epidemic and social history. *Bulletin of History of Medicine*. 1960, № 34, pp. 61-73.
29. Eisenberg M., Mordechai L. The Justinianic plague and global pandemics: The making of the plague concept. *The American Historical Review*. 2020, Vol. 125, № 5, pp. 1632-1667. DOI: 10.1093/ahr/thaa510
30. Collingwood R.G. *The Idea of History*. Oxford: Oxford University Press, 1961.
31. Coleridge S.T. *The Complete Works, in Seven Volumes*. Vol. VI. New York: Harper & Brothers, 1884.
32. Hegel G.W.F. *Lectures on the Philosophy of World History*. Introduction: Reason in History. Cambridge; London; New York; Melbourne; Sydney, 1980.
33. Megill A. Are we asking too much of history? *Historically Speaking*. 2002, Vol. 3, № 4, pp. 9-11. DOI: 10.1353/hsp.2002.0037
34. Барг М.А. Человек - общество - история. *Новая и новейшая история*. 1989. № 2. С. 45-56.
Barg M.A. 1989. Man - society - history. *Modern and Contemporary History*. Moscow. № 2, pp. 45-56. (In Russ.)
35. Могильницкий Б.Г. О пользе истории. *Историческая наука и историческое сознание*. Томск: Издательство Томского университета, 2000. С. 3-33.
Mogilnitsky B.G. 2000. On the usefulness of history. *Historical Science and Historical Consciousness*. Tomsk, pp. 3-33 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра исследований Юга Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. Gorelik, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Southern African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.07.2022

Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности

© Хань Шиин^a, 2022

^a Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5799-7217; hanshiying@bfsu.edu.cn

Резюме. Развитие современных компьютерных технологий привело к увеличению угроз кибербезопасности как для Китая, так и для России. Несмотря на то, что обе страны уже обнародовали ряд законов и правил по укреплению кибербезопасности, из-за безграничности и открытости киберпространства решить все проблемы силами только одной страны весьма сложно. Необходимо сотрудничать и действовать сообща для достижения желаемого эффекта.

В настоящее время сотрудничество между Китаем и Россией осуществляется как в двустороннем формате, так и в рамках международных организаций и многосторонних структур. Многостороннее сотрудничество осуществляется в рамках ШОС и стран БРИКС. ШОС более склонна к сотрудничеству в борьбе с кибертерроризмом, а страны БРИКС больше интересуются сотрудничеством в области обеспечения информационной безопасности. Двустороннее сотрудничество началось относительно поздно, но две страны уже установили обмены и каналы связи.

В целом, механизмы для китайско-российского сотрудничества в области кибербезопасности уже созданы. Однако существуют определенные ограничения в сотрудничестве, и следует повышать степень взаимного доверия между двумя странами. Тем не менее, по сравнению с отношениями США со своими союзниками, Китай и Россия уделяют больше внимания равенству и взаимному уважению. Таким образом, сотрудничество между двумя сторонами представляет собой долгосрочную или устойчивую тенденцию.

Ключевые слова: Китай, Россия кибербезопасность, кибертерроризм, БРИКС, ШОС

Для цитирования: Хань Шиин (КНР). Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 66-72. DOI: 10.31857/S032150750019782-2

Sino-Russian cyber security cooperation

© Han Shiyong^a, 2022

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5799-7217; hanshiying@bfsu.edu.cn

Abstract. With mounting cyber conflicts, cyber crimes and other security threats in the wake of technological advancement, Russia and China have suffered from malicious cyber attacks, data insecurity, cyberterrorism, among others. Despite domestic efforts in regulation and releasing a series of laws on cyber security, both nations still find it difficult to solve all cyber security issues, because the cyber space itself is highly open, extends beyond borders and has no boundaries. As such, mutual cooperation is needed to yield the expected results.

So far China and Russia have mainly conducted multilateral and bilateral cooperation. The former is done under the SCO and BRICS frameworks, of which SCO emphasizes on cooperation to prevent cyberterrorism, and BRICS leans towards cooperation on data security. Though bilateral cooperation has witnessed a later start, it has achieved some results, mainly in establishing a communication channel to mutually respond to international information safety threats. Experts from both countries believe that as a whole, the Sino-Russian cyber safety cooperation mechanism is quite comprehensive, and has made substantial progress at the technical and infrastructure building level. That being said, there are still some limitations. For instance, both countries still lack substantial safety cooperation, and there is still room for improvement on cyber mutual trust.

Nonetheless, when compared with the relation between the US and its allies, the cooperation between China and Russia pays greater attention to equality and mutual respect, and therefore has shown more trends of sustainability.

Keywords: China, Russia, cybersecurity, cyberterrorism, BRICS, SCO

For citation: Han Shiyong (China). Sino-Russian Cyber Security Cooperation. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 66-72 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019782-2

ВВЕДЕНИЕ

Кибербезопасность - это совокупность методов и практик защиты компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, сетей и данных от атак злоумышленников. В настоящее время исследования в области кибербезопасности выполняются в трех направлениях: безопасность информации и данных,

безопасность системы передачи информации и безопасность последствий распространения информации. По мере развития современных технологий и общества кибербезопасность становится все более важным элементом национальной безопасности.

СТИМУЛЫ К РАСШИРЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В СФЕРЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Китай и Россию можно назвать интернет-державами. По данным международного исследования *Global Digital*, к 2021 г. число пользователей интернета в России достигло 124 млн человек. Это 85% населения страны¹. Согласно статистике Китайского информационного центра сети Интернет (*China Internet Network Information Center - CNNIC*), количество китайских интернет-пользователей по состоянию на конец 2020 г. достигло 986 млн, а уровень охвата интернета в КНР составлял 70,4%². В обеих странах чрезвычайно большие сообщества пользователей интернета, перед которыми стоит проблема защиты от киберугроз, таких как киберконфликты.

Текущие проблемы кибербезопасности в двух странах касаются, в основном, следующих аспектов:

1. Информационные инфраструктуры обеих стран постоянно подвергаются кибератакам из-за рубежа. Многие крупные сайты и правительственные сайты в Китае подвергаются атакам хакеров. В январе 2010 г. на сайте главной китайской поисковой системы Байду возникла проблема - не удавалось получить доступ к сайту. Согласно расследованию, проведенному Китайским государственным центром реагирования на чрезвычайные ситуации в интернете, информация о доменном имени Байду (*Baidu*) была незаконно поделана. В результате пользователи по всему миру не могли зайти на сайт.

В январе 2013 г. онлайн-сайт газеты «Жэньминь жибао» подвергся атаке типа «отказ в обслуживании» (*Distributed Denial of Service - DDoS*) из-за рубежа³. После эпидемии коронавируса масштабы облачных атак и нарушений, направленных против Китая, продолжают расти. В последние годы наблюдается растущая тенденция к увеличению компьютерных атак на сайты правительственных органов, школ и предприятий энергетики в Китае^{4,5}.

Россия также - страна с высоким уровнем киберриска. Многие сайты в России подвергаются атакам из-за рубежа. Так, в частности, 4 декабря 2011 г., в день выборов в Госдуму, из-за масштабной атаки типа *DDoS* были недоступны для пользователей сайты многих СМИ в России («Эхо Москвы», «Коммерсанта» и т.д.). После смены власти на Украине в феврале 2014 г. хакеры взломали сайт телеканала «Россия сегодня» (*RT*) и добавили слово «*Nazi*» (нацист, нацистский) к заголовкам всех англоязычных материалов⁶. По данным исследования «Лаборатории Касперского», с момента начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. количество атак типа *DDoS* на интернет-ресурсы России резко увеличилось, оно в 3 раза превысило показатель за аналогичный период прошлого года. Многие сайты государственных учреждений круглосуточно подвергаются *DDoS*-атакам [9].

2. Информацию легко украсть и подделать. Интернет появился в относительно закрытых, надежных системах безопасности и научных исследований. Отсутствуют необходимые гарантии безопасности при передаче и управлении информацией и данными. Они легко могут быть украдены и подделаны. Данные о звонках, почтовые сообщения и записи сообщений абонентов систематически отслеживаются и даже собираются. Это часто происходит с каждым пользователем интернета.

Кроме того, родина и ведущая страна в развитии интернета - США - на протяжении десятилетий удерживает господство в интернете. На территории США находится большинство из 16 корневых серверов, контролирующих мировой интернет, в этой стране также находится Корпорация по управлению доменны-

¹ Число пользователей интернета в России достигло 124 млн 19.10.2021. https://tass.ru/obschestvo/12698757utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 16.04.2022)

² CNNIC released the 47th "Statistical Report on Internet Development in China" (In Chin.). Cyberspace Administration of China, 03.02.2021. http://www.cac.gov.cn/2021-02/03/c_1613923422728645.htm (accessed 18.04.2022)

³ China has been increasingly attacked by overseas hackers, more than half of computer malware attacks in China from overseas entities originated in the US (In Chin.). Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 10.03.2013. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cefr/chn/zgyw/t1020320.htm> (accessed 12.04.2022)

⁴ China's Internet network security monitoring data analysis report in the first half of 2021. From CNCERT (In Chin.). CNCERT, 01.07.2021. <https://www.cert.org.cn/publish/main/upload/File/first-half%20%20year%20cybersecurity%20report%202021.pdf> (accessed 16.04.2022)

⁵ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 14, 2022 (In Chin.). Ministry of Foreign Affairs of the PRC, 15.03.2022. https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/jks_674633/jksxwlb_674635/202203/t20220315_10651922.shtml (accessed 20.04.2022)

⁶ Хакерские атаки на сайты российских СМИ в 2010-2015 гг. Хронология. 01.06.2014. https://tass.ru/info/1028467?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 19.04.2022)

ми именами и IP-адресами в интернете (*Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN*), присваивающая интернет-адреса. Поэтому США часто неограниченно расширяет рамки наблюдения за интернетом «во имя безопасности».

Типичный пример - проект «Призма» (*Prism*). В июне 2013 г. бывший сотрудник ЦРУ Сноуден передал газетам секретную информацию Агентства национальной безопасности США (АНБ), касающуюся массовой слежки американских спецслужб за своими гражданами. По его словам, правительство США использует программные продукты крупных IT-компаний для мониторинга и управления телекоммуникационными сетями всех стран. Контрольный список АНБ содержал не только имена лиц из враждебных стран, но и из стран-союзников (например, Ангела Меркель).

АНБ по договоренности с интернет-компаниями собирает данные, передаваемые по оптоволоконным каналам, в том числе подводным. АНБ также сотрудничает с разведывательными сообществами союзников и осуществляет перехват информации в более чем 200 оптоволоконных кабельных системах [10]. Такое поведение спецслужбы США вызвало глобальный резонанс. После этого многие страны начали исследовать вопрос обеспечения суверенитета своего сегмента интернета и принимать соответствующие меры по защите собственного киберпространства.

3. Утечка информации может легко произойти вследствие случайного обнародования данных, или же если злоумышленник специально пытается разведать чужую информацию, скрытую от посторонних лиц. В начале октября 2019 г. информацию пытался похитить руководитель сектора в одном из бизнес-подразделений Сбербанка России. Это привело к утечке данных более 60 млн кредитных карт⁷.

В Китае сотрудник китайского телекоммуникационного провайдера «Чайна Телеком» (*China Telecom*) продал несколькими траншами одной из преступных групп в теневого интернете более 200 млн учетных записей мобильных телефонов⁸. В 2020 г. злоумышленники посредством раскрытия информации о профилактике и борьбе с эпидемиями центральной больницы Циндао, передаваемой посредством крупнейшего мобильного приложения для обмена сообщениями в Китае Вичат (*Wechat*), скомпрометировали личную информацию более 6000 человек⁹.

4. Террористы используют глобальное информационное пространство для своей деятельности. Благодаря развитию интернета пользователи могут легко получать различную информацию в системах мгновенного обмена сообщениями и на сайтах социальных сетей. Террористы используют эти новые интернет-СМИ для взаимодействия, преследуя свои преступные цели. Они пытаются распространять экстремистские, террористические и сепаратистские идеи, оказывают информационное и психологическое влияние на целевую аудиторию. Используя информацию, распространяемую террористами, злоумышленники могут обучаться проведению террористических актов. Поскольку эти люди раньше не участвовали в террористических организациях, они не находились под наблюдением спецслужб, что затрудняло их обнаружение и предотвращение подготавливаемых ими террористических актов. Заместитель секретаря Совета безопасности России Ю.Коков отметил, что террористы используют методы брачного мошенничества в интернете. При этом молодые женщины, польстившиеся на обещания обеспеченной и счастливой семейной жизни в одной из зарубежных стран, оказываются в террористических формированиях и впоследствии используются террористами, в т.ч. в качестве смертниц [11].

Схожие проблемы существуют и в Китае. Социально маргинализированные люди легко поддаются идеологической обработке со стороны экстремистских группировок. Совершившие теракт в Куньмине в 2014 г. признали, что их экстремистская организация занималась «промывкой мозгов» с помощью интернет-трансляций лекций и радиопередач, видео джихада. Они планировали теракты в людных местах, например, на вокзалах¹⁰.

Таким образом, необходимо принять всесторонние эффективные меры для предотвращения более серьезных проблем кибербезопасности. В связи с этим Китай и Россия обнародовали ряд законов и нормативных актов с целью управления кибербезопасностью.

Однако мировой и транснациональный характер киберпространства не позволяет заключить его в национальные географические границы. Трудно решить проблемы в этой области, полагаясь на силы лишь

⁷ Сбербанк подтвердил утечку данных 5 тыс. клиентов. *Коммерсантъ*. 07.10.2019. <https://www.kommersant.ru/doc/4118056> (accessed 10.04.2022)

⁸ Over 200 million pieces of user information from China Telecom were sold for as low as 0.01 yuan per piece (In Chin.). *Sina Tech*. 03.01.2020. <https://tech.sina.com.cn/t/2020-01-03/doc-i1hnhzfhz9993505.shtml> (accessed 05.04.2022)

⁹ The three are suspected of revealing epidemic prevention and control information from Qingdao Jiaozhou Central Hospital, compromising more than 6000 people's private information (In Chin.). *Xinhua News Agency*. 19.04.2020. http://www.xinhuanet.com/legal/2020-04/19/c_1125877355.htm (accessed 21.04.2022)

¹⁰ No country is immune from this cyberterrorism (In Chin.). *CPCNews*, 04.07.2014. <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0704/c83083-25239165.html> (accessed 16.04.2022)

одной страны. Существует настоятельная необходимость работать совместно с другими странами для создания международной системы управления в области кибербезопасности, которая соответствовала бы целям национальной безопасности и экономическим и социальным интересам государства.

Позиции России и Китая по проблеме кибербезопасности близки: обе страны подчеркнули необходимость рассмотрения вопроса об информационном суверенитете и поддерживают установление многостороннего и демократического режима глобального управления интернетом. На принципах универсальности, равенства, конструктивного диалога и сотрудничества все страны вместе могли бы разработать условия, правила и руководящие принципы для решения проблем кибербезопасности.

Подводя итоги, сотрудничество между Китаем и Россией в области кибербезопасности обусловлено не только насущными потребностями в обеспечении безопасности, но и законами геополитики. Поэтому необходимо и целесообразно поддерживать и углублять сотрудничество в области обеспечения информационной безопасности.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ДВУХ СТРАН

Сотрудничество в области кибербезопасности между Китаем и Россией началось в рамках V саммита глав государств-членов ШОС в июле 2005 г. в Астане. На саммите ШОС в Шанхае в июне 2006 г. Китай и Россия подписали «Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности», ставшее первым специальным документом о сотрудничестве в области информационной безопасности в рамках ШОС. В заявлении отмечается, что неправомерное использование информационно-коммуникационных технологий может приводить к мировым катастрофам, сопоставимым по своим разрушительным последствиям с результатами применения оружия массового уничтожения. Только путем принятия скоординированных и взаимодополняющих мер государства смогут дать адекватный ответ современным вызовам и угрозам безопасности в информационной сфере.

Кроме того, главы государств единогласно приняли решение о создании группы экспертов государств-членов ШОС по Международной информационной безопасности (МИБ) с участием представителей Секретариата Организации и Исполкома региональной антитеррористической структуры для выработки плана действий по обеспечению международной информационной безопасности. Эта группа является одним из постоянно действующих административных органов ШОС. Она отвечает в основном за оказание помощи в разработке законодательства и технологий в области кибербезопасности [1].

В 2011 г. Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан предложили ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», в соответствии с которыми страны должны были принять на себя обязательство не использовать кибероружие различных типов. Это первый комплексный и систематизированный документ, в котором содержатся четкие международные правила, касающиеся кибербезопасности. Однако документ не получил широкого отклика во многих западных странах во главе с США.

Государства-члены ШОС внесли на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН новую редакцию «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», в которой формулировка «использование кибероружия» была заменена на «использование ИКТ в целях, способных нанести серьезный ущерб безопасности человека, общества и государства в нарушение основополагающих принципов равноправия и взаимного уважения» и включен расширенный раздел о правах человека. На этот раз пересмотренный проект правил был поддержан различными странами и в конечном итоге стал официальным документом ООН. Вместе с Таллинским руководством «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» он представляет собой руководящий документ о международных правилах кибербезопасности [1].

В апреле 2015 г. в г. Сямэнь на востоке Китая компетентные органы стран-членов ШОС провели антитеррористические учения в Сети «Сямэнь-2015». Это первые совместные учения по борьбе с террористической деятельностью в интернете, которые проводил ШОС. Основной целью учений является повышение эффективности взаимодействия компетентных органов государств-членов ШОС по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию фактов терроризма, сепаратизма и экстремизма в интернете. Государства-члены обменялись с участниками информацией по правовой процедуре, организационно-техническим возможностям и конкретным мерам в целях противодействия террористической деятельности в интернете¹¹. Учения получили высокую оценку со стороны присутствующих представителей государств. После этого учения в Сямэне проводились в 2017 г. и 2019 г.

¹¹ SCO's first cyber anti-terrorism exercise was successfully held in Xiamen. 14.10.2015. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2015-10/14/content_2946854.htm (accessed 16.04.2022)

В 2019 г. утверждена «Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий». В 2020 г. подписано «Заявление Совета глав государств-членов ШОС о сотрудничестве в области цифровой экономики». И утверждена «Концепция сотрудничества государств-членов ШОС по развитию удаленных и сельских территорий в цифровую эпоху». Документ помогает облегчить проблему цифрового разрыва, вызванного неравномерностью развития информационно-коммуникационных технологий в разных регионах, и уменьшить вероятность возникновения проблем кибербезопасности¹².

Сотрудничество в рамках БРИКС разделено на два этапа - усилия на начальном этапе были сосредоточены на кибертерроризме. В 2011 г. страны БРИКС достигли консенсуса по вопросам поддержки кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью [12]. В январе 2013 г. на встрече советников по вопросам безопасности было сделано заявление о намерении создать новые глобальные механизмы для предотвращения пропаганды терроризма и распространения дезинформации в киберпространстве¹³. В апреле того же года 5 стран впервые представили в ООН проект резолюции об укреплении международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью от имени БРИКС, в котором содержится призыв к ООН продолжать действовать проведению исследований и реагированию на киберпреступность. Это - первый случай, когда страны БРИКС выступили с совместной инициативой по кибербезопасности.

В более поздний период центром внимания в области сотрудничества стала безопасность данных. Переломным моментом был 2013 г. В Дурбане (ЮАР) 27 марта 2013 г. проходил Пятый саммит БРИКС, на котором участники достигли консенсуса по реализации проекта «Кабель “независимого Интернета БРИКС”». План Кабеля «независимого Интернета БРИКС» поможет странам БРИКС избавиться от зависимости от европейской и американской информационной инфраструктуры, сократить расходы на связь, обеспечить информационную безопасность стран БРИКС, может способствовать обмену современными информационными технологиями и содействовать развитию финансовой торговли. Это планируемая подводная волоконно-оптическая кабельная система связи, при помощи которой осуществляется телекоммуникация между странами БРИКС. Кабель пройдет по маршруту: Владивосток (Россия) - Шанью (Китай) - Ченнаи (Индия) - Кейптаун (ЮАР) - Форталеза (Бразилия). Её общая протяженность составит примерно 34 000 км¹⁴.

На Шестом саммите БРИКС (Форталеза, Бразилия) в 2014 г. страны БРИКС опубликовали Форталезскую Декларацию. Помимо акцента на усилении защиты кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью, в декларации также высказывается мысль о том, что нужно решительно осуждать акты массовой электронной слежки и сбора данных о частных лицах по всему миру, а также нарушение суверенитета государств и прав человека, включая права на неприкосновенность частной жизни. Некоторые китайские эксперты считают, что подобного рода заявления - это выражение недовольства, вызванного американским проектом «Призма» (*Prism*) [2].

В июле 2015 г. на Седьмом саммите БРИКС в Уфе обсуждался вопрос о сотрудничестве в области обеспечения безопасности самих информационно-коммуникационных технологий и их использования. Также было принято решение о создании рабочей группы БРИКС по сотрудничеству в области информационно-коммуникационных технологий. Тогда же обсуждалось создание системы, позволяющей обеспечить конфиденциальность и защиту персональной информации пользователей на основе принципа многосторонности, демократии, прозрачности и взаимного доверия. Будут сформулированы соответствующие общепризнанные руководящие принципы, касающиеся киберпространства.

В сентябре 2017 г. на Девятом саммите БРИКС (Сямэнь, Китай) страны-члены рассмотрели возможность создания Института БРИКС по изучению сетей будущего в целях дальнейшего продвижения сотрудничества в сфере информационно-коммуникационных технологий. После этого на четвертой встрече министров коммуникаций стран БРИКС в сентябре 2018 г. было официально принято решение о создании Института БРИКС по изучению сетей будущего, его китайский филиал открылся в Шэньчжэне в августе 2019 г. [3].

Двустороннее сотрудничество между Китаем и Россией началось гораздо позже многостороннего сотрудничества. 8 мая 2015 г. министры иностранных дел двух стран подписали «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности». В документе обозначены основные направления сотрудничества между Китаем и Россией в области обеспечения международной информационной безопасности, в т.ч. организация техно-

¹² The First Meeting of the SCO ICT leaders takes place SCO, 25.11.2021 (In Chin.). <http://chn.sectsc.org/news/20211125/802626.html> (accessed 25.04.2022)

¹³ Terrorism, cyber security issues dominate BRICS security meet. 10.01.2013. <https://www.dnaindia.com/india/report-terrorism-cyber-security-issues-dominate-brics-security-meet-1787706> (accessed 19.04.2022)

¹⁴ BRICS Announce Joint Cybersecurity Group. 07.12.2013. <http://www.thebricspost.com/brics-announce-joint-cyber-group/#.Yp3-sqhBzzB> (accessed 29.04.2022)

логического канала связи для противодействия угрозам международной информационной безопасности, продвижение сотрудничества в сферах борьбы с кибертерроризмом и киберпреступностью, подготовка кадров и проведение научных исследований, усиление мер реагирования на кибер-чрезвычайные ситуации, укрепление сотрудничества в рамках ООН, МСЭ, ШОС, БРИКС и АСЕАН¹⁵.

В июне того же года группа правительственных экспертов двух стран приняла участие в Международной конференции ООН по информационной безопасности. В декабре 2015 г. китайская компания по информационным технологиям в сфере кибербезопасности - *China Electronic Technology Cyber Security Co., Ltd. (CETC-CS)* подписала соглашение о стратегическом партнерстве с компанией «Лаборатория Касперского». Обе стороны будут углублять сотрудничество в области защиты домашнего компьютера от вирусных угроз, защиты АРТ, обмена информацией об угрозах, безопасности облачных вычислений, безопасности промышленных систем управления и обучения кадров [4].

В апреле 2016 г. в Москве прошел первый российско-китайский форум по безопасности в сети, организованный Ассоциацией безопасности киберпространства Китая и Альянсом интернет-безопасности. Представители правительства, бизнеса и эксперты обеих сторон обсудили кибербезопасность стран на всех уровнях. На форуме подчеркивалось, что двум странам нужно выстраивать свой цифровой суверенитет самостоятельно. У Китая одна из самых совершенных систем контроля интернета. Россия очень заинтересована в этой системе. Обе стороны выразили надежду на укрепление сотрудничества в этой области¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно - китайско-российское сотрудничество в области кибербезопасности достигло определенных результатов. Конечно, для этого сотрудничества характерны определенные ограничения. Например, соглашение 2015 г. между двумя странами было оценено российскими экспертами просто как рамочное соглашение, основанное на согласованных общих ценностях и ожиданиях [5]. Китайские эксперты подвергли критике то, что многие планы сотрудничества остаются на уровне деклараций ежегодных саммитов и различных документов общего характера, принимаемых на встречах. Подписанные документы не были реализованы [1]. Эксперты обеих стран едины в том, что одна сторона имеет желание, а другая, похоже, психологически не готова [5; 6; 7].

Кроме того, российские эксперты отмечали, что появляются регулярные атаки на российские ресурсы с китайских IP-адресов [8]. А китайская сторона объясняла это тем, что зарубежные группы атаковали китайских пользователей, взяв под контроль компьютеры в стране, чтобы осуществить кибератаки на Россию. На самом деле, большинство адресов для этих атак изначально находились в Соединенных Штатах¹⁷. Такой кризис усугубил чувство незащищенности и недоверия между двумя сторонами. Более того, внутренняя политика двух стран в отношении суверенитета в интернете стала причиной того, что в обеих странах занимаются локализацией приложений¹⁸. Поэтому в некоторых аспектах сотрудничество в области кибербезопасности не может быть углублено.

Тем не менее, в целом, сотрудничество в области кибербезопасности между двумя странами вышло за рамки общего уровня. В отличие от неравноправного сотрудничества между Соединенными Штатами и их союзниками, Китай и Россия уделяют большое внимание равенству и взаимному уважению в процессе сотрудничества в области кибербезопасности. Их сотрудничество характеризуется устойчивым развитием.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Zhang Wenwei. 2016. Information Security Cooperation in the Shanghai Cooperation Organization: The Necessity, Status Quo and Prospect. *Russia, East Europe and Central Asia Studies*. Issue 3. Beijing. Pp. 94-106, 157-158. (In Chin.)
2. Gao Wanglai. 2017. Advances in Cybersecurity Cooperation of BRICS Countries and the Way Forward. *China International Studies*. Issue 5. Beijing. Pp. 63-74. (In Chin.)

¹⁵ Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development (In Chin.). 04.02.2022. <http://www.scio.gov.cn/m/zt/xjp/Document/1719826/1719826.htm> (accessed 16.04.2022)

¹⁶ The first Russia-China Information and Communication Technologies Development and Security Forum held in Moscow in April 2016 (In Chin.). Xinhua News Agency, 28.04.2016. http://www.xinhuanet.com/world/2016-04/28/c_1118756226.htm (accessed 07.04.2022)

¹⁷ Chinese internet suffers from overseas cyberattacks (In Chin.). Cyberspace Administration of China, 11.03.2022. http://www.cac.gov.cn/2022-03/11/c_1648615063553513.htm (accessed 127.04.2022)

¹⁸ Domestic operating systems have to pass the procurement and adoption threshold (In Chin.). CCGP, 22.12.2014. http://www.ccg.gov.cn/specialtopic/2015yd/dzz/201412/t20141222_4866410.htm (accessed 15.04.2022)

3. Chi Cheng. 2021. Analysis of BRICS Network Security Governance. *Network Security Technology & Application*. Issue 4. Beijing. Pp. 166-168. (In Chin.)
4. Lang Ping. 2020. Greatly Changing International Structure and the Major Power Relationship in the Governance of Cyberspace. *Global Media Journal*. Vol. 7. Issue 1. Beijing. Pp. 70-85. (In Chin.)
5. Куликова А. Киберпакт Китая и России: есть ли повод для беспокойства. *Индекс Безопасности*. 2015. Вып. 4. С. 113-126. Kulikova A. 2015. CyberPact of China and Russia: Is there a reason for concern. *Security Index*. Issue 4. Moscow. Pp. 113-126. (In Russ.)
6. Shan Xiaoying. 2017. An analysis of the foundation and approach of Sino Russian cooperation in cyberspace governance. *Chinese Journal of Journalism & Communication*. Vol. 39, Issue 9. Beijing. Pp. 40-53. (In Chin.)
7. Sun Wei. 2015. Preliminary study of Sino-Russian Network Arms Control Cooperation. *Science and technology*. Issue 21. Yin-chuan. Pp. 218-221. (In Chin.)
8. Исаев А.С. Российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2018. Вып. 23. С. 223-237. Isaev A.S. 2018. Russian-Chinese Cooperation on Ensuring Information Security. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue 23. Moscow. Pp. 223-237. (In Russ.)
9. Степанова Ю. Бойцы невидимого мошенничества. 28.02.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5238079> (accessed 16.04.2022) Stepanova Yu. Fighters of the invisible fraud (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/5238079> (accessed 16.04.2022)
10. Khazan O. The Creepy, Long-Standing Practice of Undersea Cable Tapping. 16.07.2013. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2013/07/the-creepy-long-standing-practice-of-undersea-cable-tapping/277855/> (accessed 16.04.2022)
11. Егоров И. Опасные клики - В Совбезе РФ прогнозируют серьезную активизацию террористов. 20.10.2020. <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuuu-aktivizaciiu-terroristov.html> (accessed 16.04.2022) Egorov I. Dangerous cliques - The Security Council of the Russian Federation predicts a serious activation of terrorists (In Russ.). <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuuu-aktivizaciiu-terroristov.html> (accessed 28.04.2022)
12. Zhu Yingku. BRIC countries will work together to fight cybercrime (In Chin.). *Huanqiu*, 16.04.2010. <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJnhq> (accessed 20.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хань Шиин (КНР), аспирантка кафедры международной безопасности, факультет мировой политики, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Han Shiyong (China), Post-graduate student, Department of International Security, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 02.07.2022

Евразийский экономический союз и страны Африки: проблемы и перспективы сотрудничества

© Волков С.Н.^{a,b}, Дейч Т.Л.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^c ORCID ID: 0000-0002-2224-6138; tdeich@yandex.ru

Резюме. В марте 2022 г. Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ИАФР РАН провел конференцию с международным участием на тему «Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки». Конференция состоялась в непростое время, когда резко обострилась международная обстановка, что потребовало переосмысления отношений нашей страны с внешним миром в целом и с важными партнерами, в том числе с государствами Африки и нашими ближайшими соседями, странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), членом которого также является Россия. В мероприятии, которое прошло в формате видеоконференции, приняли участие ученые Институты РАН и Института экономики НАН Беларуси, сотрудники практических организаций, в т.ч. Евразийской экономической комиссии, преподаватели, аспиранты и соискатели.

Обсуждались глобальные аспекты международных отношений и перспективы многостороннего сотрудничества (1-я сессия), двустороннее сотрудничество участников ЕАЭС с африканскими странами (2-я сессия) и позиции основных конкурентов стран-членов этого объединения в Африке (3-я сессия). Выступления содержали рекомендации по укреплению взаимовыгодного партнерства России со странами-членами ЕАЭС и государствами Африки, которые могут быть использованы как бизнес-сообществом, о чем свидетельствует интерес к этой конференции со стороны ряда российских компаний, так и практическими организациями участников ЕАЭС.

Ключевые слова: Россия, Африка, международные отношения, страны ЕАЭС, сотрудничество

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Волков С.Н., Дейч Т.Л. Евразийский экономический союз и страны Африки: проблемы и перспективы сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 73-77. DOI: 10.31857/S032150750021326-0

Eurasian Economic Union and African countries: Problems and prospects of cooperation

© Sergey N. Volkov^{a,b}, Tatiana L. Deych^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^c ORCID ID: 0000-0002-2224-6138; tdeich@yandex.ru

Abstract. In March 2022, the Center for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences held a conference with international participation on the topic "Cooperation of the members of the Eurasian Economic Union with African countries".

The Conference took place at a difficult time, when the international situation sharply worsened that required a rethinking of our country's relations with the outside world as a whole and with important partners, including the states of Africa and our closest neighbors, the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), where Russia is also a member. The event, which was held in the format of a videoconference, was attended by leading Russian specialists in African studies, the scholars from the Institutes of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, workers of practical organizations, including the Eurasian Economic Commission, teachers, post-graduate students and applicants.

Among the main problems discussed there were: Session 1 - global aspects of contemporary international relations and prospects of multilateral cooperation; Session 2 - bilateral cooperation of the EAEU members with African countries; Session 3 - positions of the main competitors for EAEU countries in Africa. The reports contained recommendations on strengthening Russia's mutually beneficial partnership with the EAEU member states and African states. These recommendations may be used practically by both the business community, as evidenced by the interest in this conference from a number of Russian companies, and by practical organizations of the EAEU members.

Keywords: Russia, Africa, international relations, EAEU countries, cooperation

Acknowledgement. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Volkov S.N., Deych T.L. Eurasian Economic Union and African Countries: Problems and Prospects of Cooperation. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 73-77 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021326-0

В марте 2022 г. Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН провел конференцию с международным участием на тему «Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки».

Конференцию открыла директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корр. РАН, д.э.н., проф. **И.О.Абрамова**. Её доклад «*Африканский вектор политики ЕАЭС в условиях слома старой системы мироустройства*» был посвящен проблеме обострения международных отношений, которая ставит перед учеными новые сложные задачи и актуализирует тематику конференции, учитывая особую значимость сотрудничества России с Африкой и ее партнерства в рамках ЕАЭС, в т.ч. на Африканском континенте, в условиях объявленных Западом против нашей страны жестких экономических санкций.

В обращении к участникам конференции «*ЕАЭС и Африка: возможности, перспективы, смыслы*», которое открыло 1-ю сессию, **Л.Л.Фитуни**, член-корр. РАН, д.э.н., проф., зам. директора ИАФр РАН, подчеркнул, что страны ЕАЭС являются как ближайшим географическим окружением, так и традиционными экономическими и внешнеполитическими партнерами России. Кризис глобальных экономических отношений весной 2022 г. выявил необходимость обновления экосистемы отношений ЕАЭС на внутреннем и внешнем контурах. На внешнем контуре, в т.ч. на африканском направлении, угрозу создает неприкрытое давление на страны континента ряда гегемонистских держав.

Сотрудничеству ЕАЭС со странами Африки в контексте формирования Коллективного НеЗапада посвятил свое выступление д.полит.н., к.э.н., профессор РУДН, МГИМО, СПбГУ **Д.А.Дегтерев**. Докладчик акцентировал внимание на ускорившемся в последние годы процессе формирования «новой биполярности» - страны Коллективного Запада во главе с США (НАТО) vs страны Коллективного НеЗапада во главе с РФ и КНР (ШОС). На повестке дня, по его мнению, - декаплинг, формирование замкнутых торгово-экономических, инвестиционно-финансовых, технологических, управленческих контуров Коллективного Запада и Коллективного НеЗапада. По мере развития структурной силы Коллективного НеЗапада сотрудничество между ЕАЭС и Африкой будет ускоряться.

Сотрудничество ЕАЭС с Африканским Союзом стало темой доклада **А.В.Азарова**, зам. начальника отдела международного взаимодействия Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии. Сотрудничество с Афросоюзом и другими региональными объединениями - в фокусе внимания ЕАЭС. Диалог с Афросоюзом регулируется меморандумом, обеспечивающим взаимодействие в сферах инфраструктуры, сельского хозяйства, торговли, инвестиций, предпринимательства. Задача на африканском направлении - идентифицировать неиспользуемый потенциал торгово-экономического сотрудничества и выработать механизмы его реализации.

Перспективы сотрудничества ЕАЭС и Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ) оценила зав. Центром изучения проблем переходной экономики ИАФр РАН, к.э.н., **Е.В.Морозенская**. Изменения масштабов и характера взаимной торговли 55 государств АС в результате «запуска» АфКЗСТ могут оказать заметное влияние на динамику торговли Африки с остальным миром, включая страны ЕАЭС. Новое интеграционное соглашение способно усилить процессы индустриализации и дать толчок развитию конкурентоспособных производств.

О проблемах интеграции стран ЕАЭС и АфКЗСТ говорила также **Е.В.Дробот**, к.э.н., доцент, отв. ред. Первого экономического издательства. Она назвала ключевые факторы, способствующие интеграции стран ЕАЭС и АфКЗСТ, в т.ч. устранение тарифных и нетарифных барьеров во внешней торговле, рост потребительского рынка, развитие электронной торговли и развитие гуманитарных программ.

Я.Н.Аду, к.ю.н., доцент РУДН, охарактеризовал вызовы, с которыми сталкивается сотрудничество стран Африки и ЕАЭС, назвав в их числе во многом схожую структуру экономики стран, а также внешнеполитический курс многих африканских государств, в значительной мере остающихся в сфере влияния западных держав. Тем не менее, точки соприкосновения интересов африканских стран и участников ЕАЭС имеются, в частности, в сферах продовольственного обеспечения, а также экспорта российских и белорусских технологий.

О возможностях взаимодействия ЕАЭС с Восточноафриканским сообществом (ВАС) говорил д.э.н., вед.н.с. ИАФР РАН **А.Л.Сапунцов**. Заключив Меморандум о взаимопонимании с Комиссией Африканского союза, Евразийская экономическая комиссия стремится к расширению связей в сфере торговли и инвестиций с континентом в целом, представленным АфКФТА (Африканская континентальная зона свободной торговли), и её субрегиональными объединениями. Целесообразно установление более тесных отношений между ЕАЭС и ВАС, в т.ч. за счет общих подходов к интеграции и решаемым задачам.

Тему сотрудничества ЕАЭС с ВАС продолжила ст.н.с. ИАФР РАН **Л.Н.Калиниченко**. В ее докладе «ЕАЭС и ВАС: общее и особенное в переходе к зеленой энергетике. Перспективные направления сотрудничества на электроэнергетическом рынке» отмечалось, что страны, входящие в эти объединения, придают большое значение разработке принципов зеленой трансформации и их внедрению, чистой энергетике и расширению межрегионального сотрудничества, что создает перспективы передачи зеленых технологий, оборудования, обучения кадров, обмена специалистами, совместной работы ученых.

2-ю сессию конференции открыл д.э.н., директор Института экономики НАН Беларуси **В.Л.Гурский** с докладом «Стратегия выхода Республики Беларусь в условиях членства в ЕАЭС на рынки стран Африки». Он предложил, учитывая интенсивное освоение африканских рынков глобальными игроками и наличие торговых барьеров для бизнеса, закрепить на континенте общими усилиями ЕАЭС. Продвижение на нем может осуществляться на трех уровнях - наднациональном (по линии ЕАЭС), страновом (с приоритетными партнерами) и отраслевом (увеличение поставок на выбранные африканские рынки товаров и услуг конкретных отечественных отраслей).

Продолжила эту тему докладом «Специфика деловой среды и условия ведения бизнеса как факторы развития белорусско-африканского торгово-экономического сотрудничества» **Е.О.Тавгень**, магистр э.н., н.с. Института экономики НАН Беларуси. В докладе говорилось о важности для белорусских экспортеров таких факторов, как использование услуг местных представителей, открытие филиалов или совместных предприятий, выбор каналов сбыта и ценовой стратегии, создание собственной сбытовой сети и системы послепродажного обслуживания.

О кредитно-страховых инструментах российско-африканской торговли шла речь в сообщении **А.В.Кудрявцева**, представителя Группы компаний Российского экспортного центра (РЭЦ), который отметил благоприятные перспективы для расширения российского неэнергетического экспорта в страны континента, а также рассказал о деятельности АО «ЭКСаР» по его продвижению.

С.В.Мезенцев, к.воен.н., доцент, ст.н.с. ИАФР РАН, исполнительный директор АФРОКОМ¹, и **П.Г.Царев**, аспирант, ННГУ им. Н.И.Лобачевского, зам. исполнительного директора АФРОКОМ, посвятили совместный доклад перспективам сотрудничества ЕАЭС и Эфиопии в транспортном секторе, в котором, помимо строительных компаний, могут принять участие предприятия металлургии, машиностроения, добывающей промышленности, а также вузы.

Е.Н.Корендясов, к.э.н., вед.н.с. ИАФР РАН, высказал ряд соображений относительно содержания и перспектив российско-африканских отношений. По его мнению, в оценке перспектив российско-африканского сотрудничества сохраняются инерционные подходы, в частности, остается незамеченным существенное укрепление потенциала взаимовыгодного партнерства, его востребованность. Нефтегазовый сектор продолжает выступать в качестве передового отряда российского бизнеса в Африке, однако и он не всегда в полной мере способен реализовать имеющийся потенциал сотрудничества.

О возможностях взаимодействия России и других стран ЕАЭС с Африкой южнее Сахары (АЮС) шла речь в выступлении **А.М.Жамбикова**, соискателя ИАФР РАН. АЮС может стать перспективным рынком для российской продукции, в частности, обрабатывающей промышленности. Фактор продвижения бизнеса в АЮС - поддержка предпринимателей, которую могут оказывать посольства, генеральные консульства, а также торговое представительство в ЮАР. Условие продвижения российского бизнеса в АЮС - создание надежных механизмов страхования и взаимных расчетов. Санкции, введенные против России в 2022 г., вынуждают российских предпринимателей к взаимодействию с африканскими контрагентами без участия западных посредников.

¹ АФРОКОМ - Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки, созданный в 2020 г. и осуществляющий свою деятельность при активной поддержке Совета Федерации Федерального Собрания и правительственных институтов (прим. авт.).

К.А.Алешин, к.э.н., ст.н.с. ИАФР РАН, и **Г.К.Сугаков**, м.н.с. ИАФР. РАН, говорили об особенностях сотрудничества участников ЕАЭС с Нигерией. При слабости инструментов поддержки инвесторов и экспортеров в странах этого объединения, по их мнению, стоит рассмотреть создание новых механизмов, в т.ч. на базе ЕАЭС, а также проработать возможность выхода на рынок Нигерии единым фронтом. Перспективным направлением российско-нигерийского сотрудничества является экспорт нашей сельскохозяйственной продукции (особенно пшеницы и мороженой рыбы).

Н.Г.Гаврилова, м.н.с. ИАФР РАН затронула тему экспорта Россией в Африку минеральных удобрений, в которых страны континента остро нуждаются. Россия - один из крупнейших в мире экспортеров минеральных удобрений; на неё приходится около 10% африканского импорта этой продукции. В 2020-2021 гг. наблюдался рост российского экспорта удобрений в Африку, однако экономическая блокада России Западом ускорила рост мировых цен на эту продукцию, что может привести к разрыву установившихся связей между российскими экспортерами и африканскими импортерами и обострит проблему голода на континенте.

Отношения России с Анголой охарактеризовал **С.В.Ненашев**, ст.н.с. ИАФР РАН. Он подчеркнул, что анализ опыта сотрудничества России с одной из ведущих стран Африканского континента - Анголой - представляет практический интерес для стран-участниц ЕАЭС, чьи связи с Африкой находятся на начальном этапе развития. С учетом накопленного Россией опыта Анголы, учитывая ее природный, экономический и людской потенциал, могла бы стать одной из площадок для реализации совместных инициатив стран-участниц ЕАЭС.

3-ю сессию открыл к.э.н., доцент **С.Н.Волков**, зав. Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ИАФР РАН, с докладом «*Ведущие поставщики товаров в Африку в начале XXI в.*». Он отметил, что происходящая трансформация миропорядка наглядно проявляется на африканском рынке, который в 2001-2020 гг. был фактически переделен в пользу развивающихся, в первую очередь, восходящих государств. Так, Китай за этот период смог увеличить на нем свою нишу в 5,2 раза, доведя ее в 2020 г. до 19,6%. Турция нарастила свою долю на африканском рынке в 3,2 раза, а Индия - в 2,9, в то время как у Великобритании она сократилась в 3,6 раза, у Франции - в 2,5 и у Италии - в 2,1.

А.Ю.Урнов, д.и.н., гл.н.с. ИАФР РАН, представил анализ африканской политики администрации Дж.Байдена. Декларированное Байденом «возвращение» США на мировую арену нашло отражение и в активизации африканской политики, осуществляемой в рамках курса США на мировую гегемонию. Основными направлениями сотрудничества США объявили здравоохранение, климатический кризис, строительство более стабильной и инклюзивной глобальной экономики, укрепление демократии, продвижение прочного мира и безопасности.

В списке конкурентов стран ЕАЭС в Африке по-прежнему лидирует Китай, что подтверждают данные об экономическом сотрудничестве Пекина со странами континента, приведенные в докладе **Т.Л.Дейч**, д.и.н., вед.н.с. ИАФР РАН. Китай - главный торговый партнер Африки. В 2021 г. китайско-африканская торговля побил рекорд, составив \$254 млрд. Рост обязан, в основном, китайскому экспорту. Китай - ключевой источник финансирования целей развития Африки. В рамках его инициативы «Один пояс - один путь» на континенте реализовано множество инфраструктурных проектов. Однако в последнее время Пекин вносит коррективы в сотрудничество с Африкой, сокращая в связи с серьезной долговой проблемой ряда ее стран государственное кредитование и стимулируя коммерческое.

Инвестиционный потенциал и экономические позиции Европейского Союза во взаимодействии с африканскими странами - тема доклада к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **О.С.Кульковой**, остановившейся на итогах состоявшегося в феврале 2022 г. Шестого саммита ЕС - Афросоюз. Африке были обещаны инвестиции и помощь в производстве и поставке вакцин, но не учтены ее требования по поводу 4-го энергетического перехода, прав интеллектуальной собственности на вакцины и проблем миграции. €150 млрд, которые ЕС предполагает выделить на реализацию инфраструктурных проектов, рассматриваются как ответ на инициативу Китая «Один пояс - один путь».

О.В.Константинова, к.э.н., н.с. ИАФР РАН посвятила выступление сотрудничеству Индии со странами Африки. Принятая Дели в 2002 г. программа «В фокусе - Африка» получила новый стимул с приходом в 2014 г. на пост премьер-министра Н.Моди, назвавшего этот континент главным приоритетом своей внеш-

неэкономической политики. В условиях пандемии Индия оказала африканским странам значительную финансовую, материальную, медицинскую поддержку.

О деятельности в странах Тропической Африки цифровых компаний шла речь в докладе к.э.н., вед.н.с. Института востоковедения РАН **Н.Н.Цветковой**. Потребности стран Тропической Африки в цифровом оборудовании удовлетворяются преимущественно за счет импорта из Китая и Южной Кореи. На рынке же программного обеспечения ключевую роль играют американские цифровые корпорации, прежде всего *GAF*A (*Google - Apple - Facebook - Amazon*), а также *Microsoft*. Возможности участия в развитии цифровой экономики открываются и для российских компаний, действующих преимущественно в странах Северной Африки, в таких сегментах, прежде всего, как обеспечение компьютерной безопасности, облачные сервисы, аутсорсинг ИТ-услуг.

От редакции. Ознакомиться с тезисами докладов участников конференции можно на сайте Института Африки РАН.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Волков Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey N. Volkov, PhD (Economics), Associate Professor, Head, Centre for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Дейч Татьяна Лазаревна, доктор исторических наук, вед.н.с. Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatiana L. Deych, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Centre for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 29.06.2022

Новейшая арабская литература. «Взломщик» Эдвар аль-Харрат

© Аль-Рахби А.М.(Оман)^{a,b}, Зарытовская В.Н.^{a,c}, 2022

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена освоению модернизма в арабской прозе и творчеству одной из самых заметных фигур этого течения - египетского писателя Эдвара аль-Харрата (1926-2015). Окончание доминирования классического романа и обращение в период его расцвета поколения 1960-х к новым художественным техникам связывается с Шестидневной войной 1967 г. и ее социальными последствиями. Отмечается, что для литературных кругов это была смена дискурса художественных произведений - с возрождения (ан-Нахда) на поражение (ан-Накса).

Описывается художественный метод Эдвара аль-Харрата на примерах раннего рассказа «Вокзал» и романа «Рама и дракон», внесенного Союзом арабских писателей в десятку лучших арабоязычных романов XX столетия. Выделяются тематические блоки, главные из которых - вечные темы любви, жизни и страдания - пропускаются автором через эллинистическую и ближневосточную мифологии и христианскую философию. Анализируются такие приемы, как игра с хронотопом, нелинейная хронология, интроспективность и др.

Подчеркивается значение теоретических работ аль-Харрата по литературе, где осмысливается художественный метод, определенный как «новая чувственность» и противопоставленный тому, что было названо «аль-махфузией» - квинтэссенцией социального реализма, самым ярким представителем которого в арабской литературе был лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз.

Ставя вопрос о роли аль-Харрата в истории новейшей литературы арабских стран, авторы пытаются снять противоречие, которое усматривается в неподражаемости аль-Харрата и его одновременном принципиальном влиянии на последующие поколения арабских прозаиков.

Ключевые слова: арабский модернизм, «аль-махфузия», «новая чувственность», Эдвар аль-Харрат, «Вокзал», «Рама и дракон»

Для цитирования: Аль-Рахби А.М. (Оман), Зарытовская В.Н. Новейшая арабская литература. «Взломщик» Эдвар аль-Харрат. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 78-84. DOI: 10.31857/S032150750021327-1

Modern Arabic Literature. "The Breaker" Edwar Al-Kharrat

© Ahmed M. Al-Rahbi (Oman)^{a,b}, Victoria N. Zarytovskaya^{a,c}, 2022

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the developing of modernism in Arabic prose and the art of one of the most prominent figures of this trend - Edwar al-Kharrat (1926-2015). The end of the dominance of the classical novel exactly in the first half of the 20th century and the turn of the generation of the 60s to new artistic techniques is directly associated with the historical events of 1967 (Six-Day War). It is noted that one of the consequences of these events for literature was the change of discourse - from revival (an-Nahda) to defeat (an-Naksa).

The artistic method of Edwar al-Kharrat is characterized in detail on the examples of his early story "Station" and the novel "Rama and the Dragon", which was included in the top ten Arabic-language novels of all time by the Union of Arab Writers. The authors distinguish thematic blocks in the works of al-Kharrat: the eternal themes of love, life and suffering, which are passed through Hellenistic and Middle Eastern mythologies and Christian philosophy. Such techniques of al-Kharrat as playing with the chronotope, narration through the subjective perception, attention to sensations, replacing the plot with a description, using dichotomy - the opposition of male and female, Christianity and Islam etc. are highlighted.

Also the authors stress the significance of al-Kharrat's theoretical works on literature, where the artistic method, defined by him as a "new sensibility" and opposed by critics to what was called "al-Mahfuzia", is comprehended. The question is raised about the role of al-Kharrat in the history of the latest literature of the Arab countries, while the authors try to remove the contradiction that is seen in the inimitability of al-Kharrat and his simultaneous fundamental influence on subsequent generations of prose writers.

Keywords: Arabic modernism, "al-Mahfuzia", "new sensibility", Edwar al-Kharrat, "Station", "Rama and the Dragon"

For citation: Ahmed M. Al-Rahbi (Oman), Victoria N. Zarytovskaya. Modern Arabic Literature. "The Breaker" Edwar Al-Kharrat. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 78-84 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021327-1

ВВЕДЕНИЕ

Арабская литература имела самобытный путь развития, predeterminedный рядом объективных исторических причин и культурологических особенностей - ранний расцвет поэзии в доисламскую эпоху, закрепление языковых норм в Коране уже в VII в., стремительные арабские завоевания, приведшие в итоге к небывалому научному и культурному подъему, а затем длительная стагнация и др. При этом арабская литература долгое время была рассинхронизирована с европейскими национальными литературами, которые принято делить на периоды - Античности, Средневековья, Возрождения, Романтизма, Классицизма и т.д.

Первым классическим в европейском понимании арабоязычным романом был назван, как известно, роман в духе Ж.-Ж.Руссо «Зейнаб» пера египетского политика и журналиста Мухаммеда Хусейна Хейкаля, напечатанный в 1913 г. Однако XX в. с его гуманитарными потрясениями, войнами и глобализацией стал временем, когда арабские авторы в поиске новых форм выражения уже не учились и подражали, а стали экспериментировать с последними тенденциями мировой литературы. Как отмечала специалист по египетской литературе, российский литературовед-востоковед В.Н.Кирпиченко, время показало, что творчество писателей новой волны не стало «бурей в стакане, простым подражанием европейской литературной моде» и с ростом индивидуального мастерства писателей, египетская литература «за последние полвека фактически полностью интегрировалась в мировой литературный процесс» [1, с. 9-10].

Одна из важнейших фигур зародившегося в середине прошлого века арабского модернизма в прозе крупных форм - египетский прозаик Эдвар аль-Харрат. Он поднял современные художественные техники и приемы на новые высоты уже на арабской культурной почве и египетском материале, явив концепцию «новой чувственности», которая оказывает влияние на характер стиля арабских писателей по сей день.

«АН-НАКСА» И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА 1960-х - НАЧАЛА 1970-х

Та тяжелая атмосфера, которая повисла в египетском обществе после поражения в стремительной и тем более ошеломляющей Шестидневной войне 1967 г., в ходе которой Египет временно лишился своих территорий на Синае, не могла не проникнуть и на страницы художественных произведений. Эти трагические для всего Арабского мира события глубоко осмыслились и эмоционально переживались в работах арабоязычных авторов и становились отправной точкой для новаторства и экспериментов с художественными формами.

Писатели откликнулись на произошедшее непосредственно произведениями, посвященными этим событиям и их последствиям, как роман Нагиба Махфуза (1911-2006) «Любовь под дождем» (*al-hubb tahta al-matar*, 1973), в котором герои любят, хранят верность или изменяют в уже павшем духом обществе, или роман заключенного в тюрьму с 1959 по 1964 гг. за участие в левом движении Саналлаха Ибрагима (р. 1937 г.) «67», где выражена вся горечь национального поражения. Книга была написана в 1968 г., но вышла в свет почти полвека спустя из-за цензуры.

Египетская интеллигенция ранимо восприняла не только и не столько военную неудачу коалиции арабских стран, попытавшихся выступить на стороне палестинцев в палестино-израильском конфликте, сколько несостоятельность собственного государства и выявленные в поисках причин поражения случаи коррупции и разгильдяйства военных и чиновников, лживо рапортовавших о победах, а также последовавшее сворачивание демократических свобод и отсутствие какой бы то ни было реальной оппозиции [2].

Выдающийся саудовский романист Абдель Рахман Муниф (1933-2004) назвал 1967 г. «важной вехой в истории арабской литературы, ... потрясением привычного в сознании и годом рождения нового арабского романа» [2]. После 1967 г. объем издаваемой беллетристики вырос во всех арабских странах, не только в Египте, но и в Сирии, самой Палестине, Ираке и др. При этом дискурс национального возрождения (*an-nahda*) сменился дискурсом поражения (*an-naksa*), в рамках которого шел поиск причин катастрофы и способов, если не преодоления, то примирения с действительностью.

Произошел не просто взрывной рост числа издаваемых на арабском языке книг. Социальный реализм на тот момент достигает в арабской литературе расцвета в творчестве прежде всего Нагиба Махфуза, получившего в 1988 г. Нобелевскую премию по литературе за «Каирскую трилогию» (*thulaasiyyat al-qaahirah*, 1956-1957), которая по сей день занимает первую строчку в списке лучших арабских романов XX в. по версии Союза арабских писателей [3].

Однако инструменты реализма после 1967 г. оказываются для всё большего числа авторов недостаточно выразительными и убедительными. Появляются новые имена, которым суждено заложить фундамент новейшей арабской литературы, еще «плотнее сшив» восточные мотивы и последние европейские тенденции.

В пробы новых форм упомянутый выше Саналлах Ибрагим пишет роман «Комитет» (*al-lajna*, 1981), определяемый критиками как кафкианский. А Нагиб Махфуз, будто подтверждая, что приемы социального реализма исчерпали себя в новой действительности, создает далекое в художественном плане от своей же классической трилогии произведение - короткий полифонический роман потоков сознания «Торжество возвышенного» (*afraah al-qoubba*, 1983), где единственное и основное событие - загадочная смерть молодой театральной актрисы - вопреки канонам вынесено за рамки действия, то есть уже случилась до начала повествования. На переднем фоне расследования её внезапной кончины мы видим, что вся труппа и служащие театра говорят о государстве как об отчужденной системе, каждый из героев замкнут на трагизме собственной судьбы и обижен на близких. Но, пожалуй, самое раннее и самое яркое обращение к модернистским техникам в прозе принадлежит египтянину Эдвару аль-Харрату.

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД КОРОТКИХ РАССКАЗОВ ЭДВАРА АЛЬ-ХАРРАТА

Среди тех факторов, под влиянием которых складывался творческий метод писателя и ранжировалась тематика его произведений, мы выделим два.

Во-первых, это общее настроение безысходности и растерянности конца 1960-х гг., которым пронизаны его рассказы. Неслучайно столкновение с чиновничьей махиной и чувство беспомощности обывателя становятся главным мотивом работ второго сборника Эдвар аль-Харрата - «Часы высокомерия» (*sa'atul kibriyaa'*, 1972).

Во-вторых, это идеология национально-революционных левых движений, которыми увлекалась египетская молодежь в 1940-х гг. на волне сопротивления колониализму. В 22 года Эдвар аль-Харрата, бывшего секретарем александрийского кружка троцкистского толка, задержали и приговорили к двум годам лишения свободы, которые он провел в лагере для заключенных под Александрией. Гораздо позднее в интервью интернет-изданию от 1999 г. он отнесет свои юношеские политические увлечения, а также частые смены места работы в молодости на счет собственного увлекающегося характера [4].

В конце 1940-х гг., после освобождения, в жизни аль-Харрата происходят радикальные изменения, сознательно, на наш взгляд, спланированные. Он перебирается из портовой Александрии в столицу - Каир, получает после имеющегося юридического филологическое образование и так же резко меняет род занятий - работает уже не в банковской сфере, а занимается переводами, затем пишет собственные первые работы. Его революционно-авантюристский дух находит другой выход и выплескивается не только в виде сознательного поворота судьбы, но и в виде смелости экспериментировать с текстом, едва войдя в литературный мир, «по-бунтарски» не следовать заложенным образцам и паттернам [5], «взламывать границы», как метко охарактеризовал его творчество авторитетный египетский критик Махер Шафик Фарид [6].

Литераторы после выхода первых же книг аль-Харрата (сборники рассказов «Высокие стены» (*hiitaan 'aaliya*, 1959) и «Часы высокомерия» (*sa'atul kibriyaa'h*, 1972)) противопоставляют его египетским классикам - Тахе Хусейну, Тауфику аль-Хакиму, Ихсану Абд аль-Куддусу, но прежде всего - будущему Нобелевскому лауреату, романисту Нагибу Махфузу и мастеру короткого рассказа Юсефу Идрису [7].

На этом противопоставлении возникает термин «аль-махфузия» (от имени Нагиба Махфуза), подразумевающий египетский зрелый социальный реализм, формировавшийся всю первую половину XX в. Противовесом ему видят революционное, но уже в другом смысле, творчество Эдвар аль-Харрата. При этом персонажи рассказов аль-Харрата служат проводниками, вероятно, все тех же мыслей, что занимали писателя в Александрии в ее политических кружках - мыслей о несправедливости, коррупции, которые вводят человека в состояние беспомощности и крайнего отчаяния.

Таково настроение финала рассказа аль-Харрата «Вокзал» (*mahatta as-sikkati al-hadiid*, 1955, перевод на русский - В.Э.Шагала), в котором мальчик, возникший из ниоткуда в последней сцене, вовсе не мальчик, как может догадаться читатель, а главный герой рассказа - мужчина, сошедший с поезда и до такой степени ощущающий свою беспомощность перед миром (у него не было билета, и он не смог пройти заслон контролеров и выйти в город), что сам сюрреалистическим образом кажется мальчиком, и автор именно так его изображает, переключив регистр возраста своего героя:

Мальчик бежит и бежит, натываясь на чьи-то колени и сумки, ничего не видя сквозь соленые слезы. Он зовет мать, но его слабый голос не слышен за тяжелыми шагами прохожих.... Он бежит и бежит и все зовет на помощь (цит. по: [8, с. 533]).

Среди техник, которые позволили назвать первые же рассказы аль-Харрата новаторскими в контексте арабской литературы середины XX в., когда преобладающим жанром был классический роман, - эксперимент с хронотопом - скачки во времени, расплывчатость места действия, смещение авторского фокуса, явление т.н. «новой чувственности» (термин, введенный самим аль-Харратом в его критической статье с

одноименным названием), выраженный в детальном внимании к субъективным внутренним ощущениям героя.

Аль-Харрат заставляет читателя смотреть на мир и события под углом зрения своего героя, точнее, не только смотреть, но и физически чувствовать то, что испытывает герой. Освежающий ветер, нестерпимые запахи, рывки поезда, качка, усталость, подавленность, ожидания и надежды, связанные с большим городом, и т.д. - все, что видит, чувствует, слышит, вдыхает, наконец, переживает пассажир поезда, приближающегося к Александрии - все это рисует нам автор, ставя перед собой цель вызвать «со-чувствие»:

В набитый до отказа вагон ворвался бледный, припорошенный пылью свет и заметался в узком пространстве, насыщенном смрадным дыханием усталых людей, которых гнал все дальше и дальше бешено мчавшийся поезд.

Вместе со светом в вагон ворвался ветер Александрии, раскинувшейся под вечерним небом. Он принес столь отрадную для сердца прохладу. Поезд весь содрогался, готовясь совершить последний рывок. А город, обозначенный извивающейся лентой огней, казалось, подмигивал, суля покой и исполнение заветных желаний (цит. по: [8, с. 528]).

Нельзя не упомянуть также, что в 1958 г. аль-Харрат завершает и издает перевод на арабский с французского «Войны и мира» Л.Н.Толстого. Этот факт достоин отдельного исследования, т.к. ставит ряд интереснейших вопросов, и прежде всего: почему писатель, которого назовут одним из основателей арабского модернизма, берется за классический роман, к тому же такой большой по объему, будучи вынужденным осуществить перевод через язык-посредник, а значит - с огромными трудностями?

Очевидно, что это добровольный и сознательный выбор аль-Харрата, который сам начинает работать в совершенно иных формах малого рассказа, ставит опыты с хронологией сюжетной канвы, авторским началом и т.д. Повлиял ли опыт работы с текстом Толстого на творчество самого аль-Харрата? Был ли обусловлен этот выбор тем, что копт аль-Харрат выбрал для перевода текст крупнейшего писателя страны, принадлежащей к Восточной Православной Церкви, как и Египет?

Это возможное влияние на аль-Харрата, которое необходимо еще изучить, мы оставим под вопросом. Тем не менее, арабские исследователи высказывают мнение о том, что основополагающими механизмами в формировании личности аль-Харрата были именно его принадлежность к ортодоксальной церкви и переводческий опыт, через который он знакомился с другими культурами, в т.ч. русской [9].

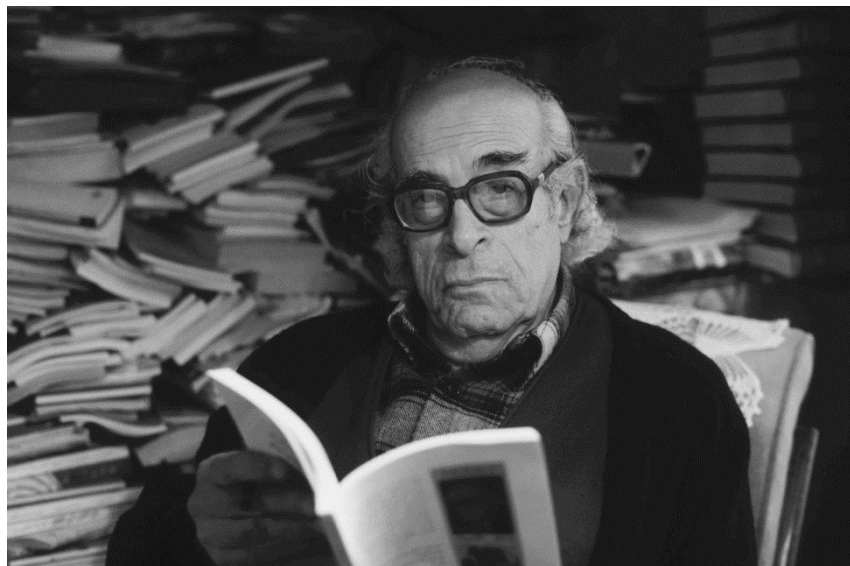

Фото. Эдвар аль-Харрат.

Photo. Edwar Al-Kharrat.

Источник: <https://new.bidoun.org/articles/edwar-al-charrat-on-egypt-s-young-literary-scene>

«ПРОРЫВ АРАБСКОГО РОМАНА»

Роман Эдвара аль-Харрата «Рама и дракон» (*raama wat-tiniin*, 1980, общеарабская литературная премия Нагиба Махфуза 1999), вышедший через два десятка лет после начала его литературной деятельности и,

вместе с тем, ставший лишь третьей книгой писателя и первым его полноценным романом после двух упомянутых сборников рассказов, стал громким событием литературной жизни всего Арабского мира.

На сегодня роман «Рама и дракон» занимает 8-ю строчку в списке 100 лучших арабоязычных романов за всю историю. При этом в Союзе арабских писателей эту работу аль-Харрата назвали «прорывом арабского романа» [2].

Роман построен как диалог между женщиной-мусульманкой (Рама) и мужчиной-коптом (Михаил). Михаил пытается бросить вызов обществу, которое не принимает межконфессиональный брак, но, в конце концов, смиряется, прячет свою любовь глубоко в сердце и удаляется.

Но это не роман двух голосов, сам разговор пропускается через сознание Михаила, является его личным воспоминанием и только в виде интерпретации предъявляется читателю.

Он заключил, как бы завершая диалог с самим собой: «Знаешь, Рама, смерть, любовь и свобода - все это абстракции, иллюзии и навязчивые идеи, которых никто не видел. Как познать сокращение сердечной мышцы, распирающее в груди или ясность ума? Никто не познает этого, иначе как изнутри. Все что знает обо мне другой - лишь теоретически, приблизительно и поверхностно» (цит. по: [10, с. 140], перевод авторов).

Тем самым роман стремится, скорее, к полюсу субъективности, чем объективности, здесь аль-Харрат остается верен своему принципу интереса к внутреннему миру человека и чувственности.

Вместе с тем, произведение настолько многослойно, что в нем прослеживаются не только дихотомии мужского и женского, ислама и христианства, но и другие, например, современности и древности, деловитости, воплощением которой выступает Рама, и неуверенности, романтичности, свойственные Михаилу.

В названии книги сделан акцент на борьбе человека с диким зверем, который символизирует как внешние враждебные силы, так и ту часть темной природы или характера человека, которые заключены в нем самом.

Можно утверждать, что образ дракона является одним из самых распространенных в мировой литературе. Сюжет о чудовище, змее, химере, гидре мы находим, в первую очередь, в Библии, где змей предстает в роли искушителя, а также в апокрифической литературе, откуда, как нам думается, аль-Харрат и заимствовал символику, поскольку Георгий-Победоносец (*Mar Girgis* - в арабском прочтении) является одним из самых почитаемых святых у коптов.

Этот же сюжет «кочует» из одной мифологии в другую, из одних народных сказок в другие - от Медузы-Горгоны, драконов Юго-Восточной Азии до русского Змея Горыныча. Произведения под названием «Дракон» есть у русских писателей XX в. - рассказ Евгения Замятина (1919) и пьеса Евгения Шварца (1944). Именно дракона, а не имя главного героя Михаила, аль-Харрат выносит в название своего модернистского романа, подчеркивая таким образом, что главное противостояние разворачивается не между Рамой и Михаилом, не между исламом и христианством, Верхним и Нижним Египтом, а внутри самого человека: это борьба с его темной стороной, которую и символизирует чудовище, а не борьба с человеком как таковым.

Надо сказать, что присутствие какой-то высшей темной силы ощущается героями аль-Харрата еще в его ранних рассказах. Вот что почувствовал один из них в обычном подземном вокзальном переходе:

Но вдруг в этом мире, еще мгновение назад принадлежавшем ему, появляется «некто». Он слышит чьи-то шаги, ощущает чье-то дыхание. Он не знает, кто это. Знает лишь, что это «некто» поджидает его. Наблюдают, высматривают, следят. Выбирает момент, чтобы напасть... Чей-то взгляд сверлит его спину, но оглянуться страшно. Широкая пустынная лестница уходит вниз. А страх исходит откуда-то сверху (цит. по: [8, с. 530]).

К содержательным характеристикам романа относится, прежде всего, обращение к извечным темам любви, жизни и страдания в свете эллинистической и ближневосточной мифологии, а также культуры Древнего Египта, прямыми наследниками которого себя считают копты, одними из первых принявшие христианство. Все это позволяет говорить об энциклопедичности знаний автора и интеллектуальном характере книги.

«Да, идеальная нота... золотая середина... всегда разумное решение, логичное и куда более убедительным кажется, как будто другого выхода нет и неизбежно нужно признать его правильность... Аристотелевское решение... Значит, я перипатетик» (цит. по: [10, с. 60], перевод авторов).

Кроме того, исследователи выделяют такие особенности текста «Рама и дракона», как замена сюжета описанием при отсутствии событийной цепочки, что является прямым следствием перемещением «центра тяжести» на внутренний мир героя и интереса к чувственности, а не внешнему окружению и обстоятельствам, а также близость текста к кинематографическому сценарию, в котором «камера» автора показывает нам, например, место действия, наводя фокус на определенные детали, но не называя конкретное место. Высоко оценен и язык книги, которому было дано определение «касыды в прозе» (*qasidah an-nathr*) за поэтичность, образную наполненность и ритмичность [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен Эдвара аль-Харрата заключается в том, что в арабскую литературу он вошел, не будучи должителем чьих-либо традиций [12]. Его называют неповторимым и неподражаемым, добавим, что сам аль-Харрат свой роман «Рама и дракон» считал к тому же и непереводаемым¹. Но при этом признается «тектоническое» влияние аль-Харрата на творчество писателей 1970-1980-х. Он не только «повернул» современную ему арабоязычную прозу крупных форм в модернизм, но и явил непревзойденный его образец, а также разработал концепцию «новой чувственности» [13], воспринятую последующими поколениями как школу [11]. Литературные награды аль-Харрата, свидетельствующие о его признании, многочисленны - кроме государственных премий и упомянутой премии Нагиба Махфуза за роман «Рама и дракон», это Орден француско-арабской дружбы 1991 г., премия Султана бин Али аль-Овейса за 1994-1995 гг., награда IV Форума арабского романа в 2008 г.

Безусловно, первые опыты арабского модернизма принадлежат ливанским поэтам-маронитам² [14], но это был опыт сначала «замкнутый» на одной стране и общине. Затем общеарабским достоянием стала модернистская поэзия сирийца Адониса (р. 1930; премия Гёте 2011; премия Набокова за достижения в области международной литературы 2017), палестинца Махмуда Дервиша (1941-200; македонская поэтическая премия «Золотой венец» 2007), сирийцев Низара Каббани (1923-1998) и Мухаммеда аль-Магхута (1934-2006; Орден за заслуги I степени, врученный Башаром Асадом; премия Султана бен Али аль-Овейса (ОАЭ) 2005, и др.), а в жанре романа это направление в арабской литературе на большую высоту поднял именно Эдвар аль-Харрат.

Мы не можем назвать прямого последователя или непосредственного ученика аль-Харрата, однако «сдвиги», которые он произвел в свое время в арабской литературе, имеют, на наш взгляд, большую значимость, чем имело бы наличие писателей, работающих в его стиле. Как отмечают арабские исследователи, «последователями аль-Харрата стали не те, кто копировал, а кто, экспериментируя, достигал художественной зрелости за рекордно короткое время» [15].

Говоря о влиянии аль-Харрата, мы подразумеваем не столько серию однотипных романов, сколько его поддержку авторов новой волны [16], в частности в издаваемом им авангардистском журнале «*Gallery 68*» (68 - по году выпуска первого номера), в котором печатали свои работы ставший впоследствии одним из самых читаемых прозаиков Египта Гамаль аль-Гитани (1945-2015), лауреат премии Тахи Хусейна (1989), государственной премии (2003-2004), премии Кавафиса (2005), Ибрагим Аслан (1935-2012), Баха Тахер (р. 1935, обладатель Арабского Букера 2008), поэт Амаль Дункуль (1940-1983) и др., а также плеяду современных нам египетских прозаиков, которые открыто, как Ибрагим Фаргали (р. 1967, роман «Храм шелковых перстов» (*ma'bad anaamil al-hariir*) в лонглисте Арабского Букера 2016), называют аль-Харрата своим учителем [17].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кирпиченко В.Н. Вступительная статья. *Любовь в Изгнании. Комитет*. М.: Центр книги ВГБИЛ имени М.И.Рудомино, ИВ РАН, 2010, с. 9-12.
Kirpichenko V.N. 2010. Introductory article. *Love in Exile. The Committee*. Moscow. (In Russ.)
2. Shuhrah Balghuul. Arabic novel and Naksah of June 1967. *Al-Kalimah*. 2013. № 73 (In Arab.). <http://www.alkalimah.net/Articles/Read/5382> (accessed 03.04.2022)
3. 100 best Arabic novels in the 20th century (In Arab.). <https://www.arageek.com/2018/01/14/20-century-best-novels> (accessed 29.03.2022)
4. Selections. *Banipal*. 1999. № 6. <http://www.banipal.co.uk/selections/51/145/edwar-al-kharrat/> (accessed 18.06.2022)
5. Edwar al-Kharrat. Realistic self-fantasies. The owner of literary dreams leaves Alexandria (In Arab.). *Al-Arabiy al-Jadid*. 02.12.2015. 457 p.
6. Maher Shafiq Farid. Breaking the borders. Cairo: Markaz al-Hadharah. 2003. 189 p. (In Arab.)
7. Муборакова Д.А. Становление и эволюция египетского романа (XX век). *Наука и современность*. 2010, № 2, с. 181-184. <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-egipetskogo-romana-hh-vek>
Muborakova D.A. 2010. Formation and evolution of the Egyptian novel (XX century). *Nauka i sovremennost*. № 2, pp. 181-184 (In Russ.).
8. Эдвар аль-Харрат. Вокзал. Избранные произведения писателей Ближнего Востока. Москва: Прогресс, 1978, с. 528-533.
Edwar al-Kharrat. 1978. *Station. Selected works of the Middle Eastern writers*. Moscow. Pp. 528-533 (In Russ.).

¹ Перевод романа на английский язык, вопреки заявлению автора о его непереводаемости, был осуществлен Джоном Верленденом и Ферриал Газуль в 2002 г. (*прим. авт.*).

² Марониты - христиане восточнокатолической церкви арамейского происхождения, в основном проживающие в Ливане (*прим. авт.*).

9. Mohammed Ishaq. Edwar al-Kharrat in the light of his novels. *Aqlam al-Hind*. 2021, № 3 (In Arab.).
10. Edwar Al-Kharrat. *Rama and the Dragon*. Cairo: Al-mu'assasat al-'arabiyya lid-diraasaat wan-nashr. 1980 (In Arab.).
11. The Arabic novel has its influence on world literature (In Arab.). <https://alarab.co.uk/الرواية-العربية-لها-تأثير-ها-في-الأدب-العالمي/> (accessed 02.04.2022)
12. Ikram Lamy. The passing of Edward Al-Kharrat, the next generation writer (In Arab.). <https://www.shorouknews.com/columns/view.aspx?cdate=18122015&id=659d854a-304d-464c-8cce-1e926307e7df> (accessed 12.04.2022)
13. Edwar al-Kharrat: Novel and modernity. Cairo: Markaz al-Hadharah, 2002, pp. 12-13 (In Arab.).
14. Modernity in Arabic Literature (In Arab.). <https://mawdoo3.com/الحدائثة-في-الأدب-العربي/> (accessed 28.03.2022)
15. Edwar Al-Kharrat. The Innovator of the Literary Method (In Arab.). <https://www.alkhaleej.ac/ملحق/ادوار-الخرائط-مجدد-الطريقة-الأدبية-> (accessed 13.04.2022)
16. Amal Amireh. Edwar al-Kharrat and the Modernist Revolution in the Egyptian Novel. *Al-Jadid*. Vol. 2, №. 9, July 1996. <https://www.aljadid.com/content/edwar-al-kharrat-and-modernist-revolution-egyptian-novel> (accessed 04.04.2022)
17. Ibrahim Faghaly. Edwar Al-Kharrat is the pillar of modernity in the construction of the contemporary novel... The professor of generations from whom I learned erotic writing (In Arab.). <https://alantologia.com/blogs/52227/> (accessed 14.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ахмед Мохаммед Аль-Рахби (Оман), кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Ahmed M. Al-Rahbi (Oman), PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

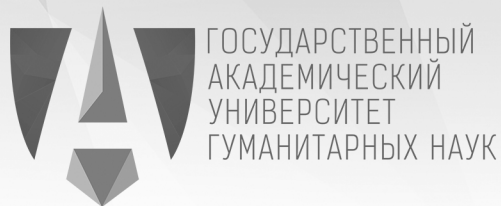
Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Victoria N. Zarytovskaya, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.07.2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).